

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ДМИТРІЯ СЕРГѢЕВИЧА
МЕРЕЖКОВСКАГО.

Томъ ІХ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. л.
Москва. — 1914.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Л. ТОЛСТОЙ и ДОСТОЕВСКІЙ.

Жизнь и Творчество.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Поколѣніе русскихъ людей, вступившее въ сознательную жизнь между восьмидесятыми и девяностыми годами ХІХ столѣтія, находится въ такомъ трудномъ и отвѣтственномъ положеніи относительно будущаго русской культуры, какъ, можетъ-быть, ни одно изъ поколѣній со времени Петра Великаго.

Я говорю—со времени Петра, потому что именно отношеніе къ Петру служитъ какъ бы водораздѣльною чертою двухъ великихъ теченій русскаго историческаго пониманія за послѣдніе два вѣка, хотя въ дѣйствительности раньше Петра и глубже въ исторіи начинается борьба этихъ двухъ теченій, столь поверхностно и несовершенно обозначаемыхъ словами «западничество» и «славянофильство». Отрицаніе западниками самобытной идеи въ русской культурѣ, желаніе видѣть въ ней только продолженіе или даже только подражаніе европейской, утвержденіе славянофилами этой самобытной идеи и противоположеніе русской культуры западной,—въ такомъ крайнемъ, чистомъ видѣ оба теченія нигдѣ не встрѣчаются, кромѣ отвлеченныхъ умозрѣній. Во всякомъ же дѣйствиіи, научно-историческомъ или художественномъ, они поневолѣ сближаются, соединяются, никогда, впрочемъ, не смѣшиваясь и не сливаясь окончательно. Такъ, у всѣхъ великихъ русскихъ людей, отъ Ломоносова черезъ Пушкина до Тургенева, Гончарова, Л. Толстого и Достоевскаго, несмотря на глубочайшія западныя вліянія, сказыв-

вается и самобытная русская идея, правда, съ меньшею степенью ясности и сознательности, чѣмъ идеи общеевропейскія. Въ этомъ недостаткѣ ясности и сознанія до сей поры заключалась главная слабость учителей славянофильства.

Тогда какъ западники могли указать на общеевропейскую культуру и на подвигъ Петра, какъ на опредѣленный и сознательный идеаль, славянофилы обречены были оставаться въ области романтическихъ смутныхъ сожалѣній о прошломъ, или столь же романтическихъ и смутныхъ чаяній будущаго, могли указать только на черезчуръ ясныя, но неподвижныя и омертвѣвшія, историческія формы, или на слишкомъ неясныя, безплотныя и туманныя дали, на то что умерло, или на то, что еще не родилось.

Достоевскій почувствовалъ и отмѣтилъ эту болѣзнь славянофильства—недостатокъ ясности и сознанія—«мечтательный элементъ славянофильства», какъ онъ выражается. «Славянофильство до сихъ поръ еще стоитъ на смутномъ и неопредѣленномъ идеалѣ своемъ. Такъ что, во всякомъ случаѣ, западничество все-таки было реальнѣе славянофильства, и, несмотря на всѣ свои ошибки, оно все-таки дальше ушло, все-таки движеніе осталось на его сторонѣ, тогда какъ славянофильство не двигалось съ мѣста и даже вмѣняло себѣ это въ большую честь».

Западничество казалось Достоевскому реальнѣе славянофильства, потому что первое могло указать на опредѣленное явленіе европейской культуры, тогда какъ второе, несмотря на всѣ свои поиски, не нашло ничего равноцѣннаго, равнозначащаго, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь же опредѣленнаго и законченнаго въ русской культурѣ. Такъ думалъ Достоевскій въ 1861 году. Черезъ шестнадцать лѣтъ онъ уже нашелъ, казалось ему, это искомое и не найденное славянофилами, опредѣленное, великое явленіе русской культуры, которое могло быть сознательно, въ совершенной ясности, противопоставлено и указано Европѣ, нашелъ его во всемірномъ значеніи новой, вышедшей изъ Пушкина, русской литературы.

«Книга эта,—писалъ онъ въ «Дневникѣ» за 1877 годъ, по поводу только что появившейся «Анны Карениной» Л. Толстого,—книга эта прямо приняла въ глазахъ моихъ размѣръ факта, который бы могъ отвѣчать за насъ Европѣ, того искомага факта, на который мы могли бы указать Европѣ. Анна Каренина есть совершенство, какъ художественное произведеніе, съ которымъ ничто подобное изъ европейскихъ литературъ въ настоящую эпоху не можетъ сравниться, а во-вторыхъ, и по идеѣ своей это уже нѣчто наше, наше *свое*, родное, и именно то самое, что составляетъ нашу особенность передъ европейскимъ міромъ. Если у насъ есть литературныя произведенія такой силы мысли и исполненія, то почему намъ отказываетъ Европа въ самостоятельности, въ нашемъ *своемъ собственномъ* словѣ,—вотъ вопросъ, который рождается самъ собою.

Въ то время слова эти могли казаться дерзкими и самонадѣянными; теперь они кажутся намъ почти робкими, во всякомъ случаѣ, недостаточно ясными и опредѣленными. Достоевскій указалъ въ нихъ только на малую часть того всемірнаго значенія, которое открывается намъ все съ большею и большею ясностью въ русской литературѣ. Для этого надо было видѣть, какъ видѣли мы, не только законченный ростъ художественнаго творчества, но и все трагическое развитіе нравственной и религіозной личности Л. Толстого, надо было понять глубочайшее согласіе и глубочайшую противоположность Л. Толстого Достоевскому въ ихъ общей преемственности отъ Пушкина. Это уже, дѣйствительно, какъ выражается Достоевскій, «фактъ особаго значенія», уже почти сознанное, хотя еще не сказанное, уже опредѣленное, въ плоть и кровь облеченное явленіе русской и въ то же время всемірной культуры. Только самые чуткіе люди въ Западной Европѣ—Ренанъ, Флоберъ, Нитче—если не разгадали, то, по крайней мѣрѣ, предчувствовали смыслъ этого явленія. Но и до сей поры, несмотря на русскую моду въ Европѣ послѣднихъ десятилѣтій, отношеніе большей части европейской критики къ русской литературѣ остается случайнымъ и поверхностнымъ. И до сей поры не подозреваетъ

она дѣйствительныхъ размѣровъ ея всемірнаго значенія, уже видимыхъ намъ, русскимъ, для которыхъ открыть первоисточникъ русской поэзіи—Пушкинъ, все еще недоступный для чуждаго взгляда. И намъ уже нѣтъ возврата ни къ западникамъ, отрицающимъ самобытную идею русской культуры, ни, тѣмъ болѣе, къ славянофиламъ, не потому, чтобы ихъ проповѣдь казалась намъ слишкомъ смѣлою и гордою,—можетъ-быть, наша вѣра въ будущность Россіи еще дерзновснѣе, еще самовластнѣе,—а лишь потому, что эти книжные мечтатели и умозрители сороковыхъ годовъ кажутся намъ слишкомъ покорными и боязливыми учениками нѣмецкой метафизики, переряженными германофилами, простодушными гегелианцами. И если пророчество Достоевскаго: «Россія скажетъ величайшее слово всему міру, которое тотъ когда-либо слышалъ», оказалось преждевременнымъ, то лишь потому, что самъ онъ не договорилъ этого слова до конца, не довель своего сознанія до послѣдней степени возможной ясности, испугался послѣдняго вывода изъ собственныхъ мыслей, сломилъ ихъ острее, притупилъ ихъ жало,—дойдя до края бездны, отвернулся отъ нея и, чтобы не упасть, снова ухватился за неподвижныя, окаменѣлыя историческія формы славянофильства, тѣ самыя, для разрушенія которыхъ онъ, можетъ-быть, сдѣлалъ больше, чѣмъ кто-либо. Нужна, въ самомъ дѣлѣ, великая ясность и трезвость ума, чтобы безъ головокруженія, безъ опьянѣнія народнымъ тщеславіемъ, признать всемірность идеи, открывающейся въ русской литературѣ. Можетъ-быть, для нашего слабаго и болѣзненнаго поколѣнія въ этомъ признаніи больше страшнаго, чѣмъ соблазнительнаго: я разумѣю страшную, почти невыносимую тяжесть отвѣтственности.

Но, несмотря на то или, вѣрнѣе, благодаря тому, что мы признали самобытную русскую идею, мы уже не можемъ,—чего бы это ни стоило, и какія бы роковыя противорѣчія ни грозили намъ,—высокомѣрно отворачиваться отъ западной культуры или малодушно закрывать на нее глаза, подобно славянофиламъ. Не можемъ забыть, что именно Достоевскій, и какъ разъ въ то время, когда онъ былъ или,

во всякомъ случаѣ, считаль себя самымъ крайнимъ славянофиломъ, съ такою силою и опредѣленностью высказаль нашу русскую любовь къ Европѣ, нашу русскую тоску по родному Западу, какъ ни одинъ изъ нашихъ западниковъ: «у насъ, русскихъ,—говорить онъ,—двѣ родины: наша Русь и Европа». «Европа... Но вѣдь это страшная и святая вещь! О, знаете ли вы, господа, какъ намъ дорога, намъ, мечтателямъ-славянофиламъ, эта самая Европа, эта «страна святыхъ чудесъ!»— «Знаете ли, до какихъ слезъ и сжатій сердца мучаютъ и волнуютъ насъ судьбы этой дорогой и *родной* намъ страны, какъ пугаютъ насъ эти мрачныя тучи, все болѣе и болѣе заволакивающія ея небосклонъ? Русскому Европа также драгоценна, какъ Россія. О, болѣе! Нельзя болѣе любить Россію, чѣмъ люблю ее я, но я никогда не упрекаль себя за то, что Венеція, Римъ, Парижъ, сокровища ихъ наукъ, вся исторія ихъ—мнѣ милѣй, чѣмъ Россія. О, русскимъ дороги эти старые чужіе камни, эти чудеса стараго Божьяго міра, эти осколки святыхъ чудесъ; и даже это намъ дороже, чѣмъ имъ самимъ!»—«Я хочу въ Европу съѣздить, Алеша,—говоритъ Иванъ Карамазовъ,—и вѣдь я знаю, что я поѣду лишь на кладбище, но на самое, на самое дорогое кладбище, вотъ что! Дорогіе тамъ лежатъ покойники, каждый камень надъ ними гласить о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вѣрѣ въ свой подвигъ, въ свою истину, въ свою борьбу и въ свою науку, что я, знаю заранѣе, паду на землю и буду цѣловать эти камни и плакать надъ ними,—въ то же время убѣжденный всѣмъ сердцемъ моимъ, что все это давно уже кладбище и никакъ не болѣе!»

Неужели—только кладбище? Но вѣдь Европа для русскихъ,—онъ это самъ сказалъ,—вторая родина. А развѣ можетъ быть родиной живого народа кладбище? Нѣтъ, какъ ни страстно и ни сильно выражалъ онъ это чувство, все-таки не договориль послѣдняго слова о нашей русской тоскѣ по европейской родинѣ, такъ же какъ не договориль и своей вѣры въ будущность Россіи. И пусть Европа—кладбище. Мы теперь уже знаемъ, что на этомъ кладбище погребены не только люди, герои, но и боги. А у боговъ есть такое

свойство, что и въ гробахъ они сохраняютъ безсмертіе, такъ что, сколько ни погребай ихъ, никогда нельзя быть увѣреннымъ, что они дѣйствительно умерли. Можетъ-быть, они только притворились мертвыми и спятъ, ожидая Возрожденія, какъ сѣмена ожидаютъ весны. Не въ самую ли глухую полночь среднихъ вѣковъ, не самымъ ли благочестивымъ христіанскимъ подвижникамъ являлись они въ видѣ страшныхъ и соблазнительныхъ демоновъ? Когда же боги воскресаютъ и выходятъ изъ своихъ могилъ, то «старые камни» соединяются въ новые храмы, «осколки святыхъ чудесъ»—въ новыя, живыя чудеса.

Еще недавно мы присутствовали при такомъ воскресеніи двухъ олимпійскихъ боговъ, Аполлона и Діониса, на старомъ европейскомъ кладбищѣ, въ юношеской и столь весенней книгѣ Фридриха Ницше—*Рожденіе Трагедіи*. И для насъ, русскихъ, это явленіе новаго Аполлона и Діониса было тѣмъ болѣе знаменательно, что оно напомнило намъ видѣніе отрока Пушкина, который изъ школы христіанской наставницы, съ очами «свѣтлыми, какъ небеса», со словами «полными святыни», убѣгалъ «въ великолѣпный мракъ чужого сада», къ языческимъ идоламъ:

Межъ ними два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой.
То были двухъ бѣсовъ изображенья:
Одинъ—Дельфійскій идолъ—ликъ молодой
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной;
Другой—женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеаль,
Волшебный демонъ, лживый, но прекрасный.

Мы также присутствовали при соединеніи этихъ двухъ противоположныхъ демоновъ или боговъ въ еще болѣе необычайномъ и таинственномъ явленіи Заратустры. И не могли мы не узнать въ немъ Того, Кто всю жизнь преслѣдовалъ и мучилъ Достоевскаго, не могли не узнать Человѣкобога въ Сверхчеловѣкѣ. И чудеснымъ, почти невѣроятнымъ, было для насъ это совпаденіе самаго новаго, крайняго

изъ крайнихъ европейцевъ и самаго русскаго изъ русскихъ. Ни о какомъ вліяніи или заимствованіи тутъ рѣчи быть не можетъ. Съ двухъ разныхъ, противоположныхъ сторонъ подошли они къ одной и той же безднѣ. Сверхчеловѣкъ—это послѣдняя точка, самая острая вершина великаго горнаго кряжа европейской философіи, съ ея вѣковыми корнями возмущившейся, уединенной и обособленной личности. Дальше некуда итти: историческій путь пройденъ; дальше—обрывъ и бездна, паденіе или полеть—путь сверхисторическій—религія.

Особый поразительный смыслъ имѣеть для насъ, русскихъ, явленіе Заратустры и потому, что мы принадлежимъ къ народу, который далъ міру, можетъ-быть, единственное, величайшее во всей новой европейской исторіи воплощеніе сверхчеловѣческой воли—въ Петрѣ. Религіозная часть русскаго народа сложила странную и донинѣ мало изслѣдованную легенду о Петрѣ, какъ объ Антихристѣ, объ апокалиптическомъ «Звѣрѣ, вышедшемъ изъ бездны». И тотъ изъ русскихъ людей, кто по духу былъ ближе всѣхъ къ Петру, кто понималъ его глубже всѣхъ, русскій пѣвецъ Аполлона и Діониса, Пушкинъ не обратился ли къ нему же съ этимъ вопросомъ, полнымъ столь знакомаго намъ, вѣщаго ужаса:

О, мощный властелинъ судьбы,
Не такъ ли ты уздой желѣзной
На высотѣ, надъ самой бездною
Россію вздернулъ на дыбы?

«Петровская реформа,—говоритъ Достоевскій,—продолжавшаяся вплоть до нашего времени, дошла, наконецъ, до послѣднихъ своихъ предѣловъ. Дальше нельзя итти, да и некуда: нѣтъ дороги, *она вся пройдена*». И въ другомъ мѣстѣ, въ одномъ изъ своихъ предсмертныхъ писемъ: «вся Россія стоитъ на какой-то окончательной точкѣ, колеблясь надъ бездною». Не та же ли это бездна, о которой говоритъ Пушкинъ,—надъ которой Мѣдный Всадникъ на своей облебянѣлой глыбѣ гранита вздернулъ Россію на дыбы желѣзною уздой? Такого страшнаго ощущенія этой бездны,

какъ у нашего поколѣнія, не было ни у одного изъ поколѣній со времени Петра. На Западѣ, то-есть въ Европѣ—«духъ ратный», на Востокѣ, то-есть въ Россіи—«духъ благодатный», какъ утверждали въ Космографіяхъ московскіе книжники XVII вѣка, или, говоря языкомъ Достоевскаго—Человѣкобогъ и Богочеловѣкъ, Христось и Антихристь—вотъ два противоположные берега, два края этой бездны. И горе наше или счастье въ томъ, что у насъ дѣйствительно «двѣ родины—наша Русь и Европа», и мы не можемъ отречься ни отъ одной изъ нихъ: мы должны или погибнуть, или соединить въ себѣ оба края бездны.

Достоевскій правъ: и съ той, и съ другой стороны, и съ восточной, и съ западной, вся дорога пройдена, историческій путь конченъ—дальше итти некуда; но мы знаемъ, что когда кончается исторія, начинается религія. У самага края бездны необходимо и естественно является мысль о крыльяхъ, о полетѣ, о *сверхисторическомъ пути*—о религіи. Ницше, боровшійся во имя Человѣкобога съ Богочеловѣкомъ, побѣдилъ ли Его? Достоевскій, боровшійся во имя Богочеловѣка съ Человѣкобогомъ, побѣдилъ ли его?—вотъ вопросъ, отъ котораго зависитъ все будущее не только русской, но и всемірной культуры.

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ статьѣ о Пушкинѣ, я высказалъ мысль, что главная особенность его сравнительно съ другими великими европейскими поэтами заключается въ разрѣшеніи всемірныхъ противорѣчій, въ соединеніи двухъ началъ, языческаго и христіанскаго, въ еще небывалую гармонію,—меня обвинили въ томъ, что я приписываю Пушкину мои собственныя, будто бы «нитчеанскія» мысли, хотя, кажется, никакая мысль не можетъ быть противоположнѣе, враждебнѣе послѣднимъ выводамъ нитчеанства, чѣмъ именно эта мысль о соединеніи *двухъ* началъ. Больше, чѣмъ кто-либо, я чувствую, какъ недостаточны и несовершенны были слова мои, но все-таки я не могу отъ нихъ отречься.

Мои судьи, если бы они желали быть послѣдовательны, должны бы обвинить и Достоевскаго въ томъ, что онъ при-

писывалъ Пушкину свои собственныя мысли. «Именно теперь въ Европѣ,—говорить Достоевскій,—все поднялось одновременно, всѣ міровые вопросы разомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ міровыя противорѣчія». И въ заключительныхъ словахъ Пушкинской рѣчи, говоря о самой сущности міросозерцанія Пушкина, какъ «непонятаго предвозвѣстителя будущей русской культуры», онъ еще разъ возвращается къ этимъ противорѣчіямъ:

«Впослѣдствіи, я вѣрю въ это, мы, то-есть, конечно, не мы, а будущіе, грядущіе русскіе люди, поймутъ уже всѣ до одинаго, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія». Что же это за противорѣчія? Не тѣ ли самыя, которыми онъ только и мучился всю жизнь, о которыхъ онъ только и думалъ, и которыя въ одномъ изъ своихъ предсмертныхъ дневниковъ онъ высказалъ съ такою ясностью, съ какою до него никогда никто не говорилъ о нихъ:

«Произошло столкновеніе двухъ самыхъ противоположныхъ идей, которыя только могли существовать на землѣ: Человѣкобогъ встрѣтилъ Богочеловѣка, Аполлонъ Бельведерскій—Христа».

Но вѣдь это же и есть то «міровое противорѣчіе», о которомъ и я говорилъ въ статьѣ о Пушкинѣ, разрѣшенія котораго и я искалъ въ немъ. Правда, Достоевскій и здѣсь, какъ будто испугавшись, не договариваетъ послѣдняго слова, не дѣлаетъ послѣдняго вывода. Но при теперешней степени *всеобщаго*, неизбѣжнаго сознанія, намъ уже нельзя останавливаться, не договаривать и не дѣлать послѣдняго шага. Я его сдѣлалъ, и вотъ все, что я сдѣлалъ, и тому, кто нѣсколько глубже знаетъ Достоевскаго, ясно будетъ, какъ это мало.

Во всякомъ случаѣ, возражая мнѣ, надо было вспомнить и о немъ, а о немъ-то и забыли такъ, какъ будто его вовсе не было въ русской литературѣ, какъ будто Достоевскій никогда ничего не говорилъ о Пушкинѣ, какъ будто то, что приняли за нѣчто наносное, чуждое, болѣзненно-декадентское, «ницшеанское»,—не самое родное наше, кровное,

вѣчное, русское, пушкинское, что только есть у насъ и было, и будетъ. Я, впрочемъ, думаю, что къ этому вопросу русская критика принуждена будетъ вернуться; его не обойдешь и отъ него не спрячешься никуда: загадка Пушкина стоитъ на всѣхъ путяхъ новаго русскаго сознанія, какъ загадка Сфинкса передъ Эдипомъ.

Да, несмотря на всѣ хвалы и почести, воздаваемые Пушкину, несмотря на всѣ изученія и толкованія, онъ для насъ все еще загадка, и даже, кажется, чѣмъ ближе онъ къ намъ, тѣмъ неуловимѣе, неисповѣдимѣе. Пушкинъ—воздухъ, которымъ мы дышимъ, бѣлый свѣтъ, въ которомъ мы видимъ всѣ другіе цвѣта, онъ—русская мѣра всего, нашъ собственный взглядъ на все, онъ—мы сами въ нашей послѣдней, еще для насъ самихъ не открывшейся глубинѣ, и вотъ почему узнать его намъ такъ же трудно, какъ узнать себя, и, можетъ-быть, разгадать Пушкина это именно и значитъ найти себя въ немъ.

Въ русской литературѣ нѣтъ писателей, болѣе внутренне-близкихъ и въ то же время болѣе противоположныхъ другъ другу, чѣмъ Достоевскій и Л. Толстой. Оба они вышли изъ Пушкина. Достоевскій это сознавалъ; Л. Толстой, кажется, никогда объ этомъ не думалъ и этого не чувствовалъ, но мы вѣдь знаемъ за него, что безъ Пушкина не было бы Л. Толстого. Онъ и Достоевскій близки и противоположны другъ другу, какъ двѣ главныя, самыя могучія вѣтви одного дерева, расходящіяся въ противоположныя стороны своими вершинами, срѣсшіяся въ одномъ стволѣ своими основаніями. Углубляясь и въ Льва Толстого, и въ Достоевскаго, мы доходимъ до общаго ихъ основанія—до Пушкина. Лучъ пушкинскаго бѣлаго свѣта они преломили и разложили на цвѣта радуги. Но не должно забывать, что за ихъ разнообразіемъ и противоположностью скрывается единство бѣлаго свѣта.

Изучать Л. Толстого и Достоевскаго значитъ разгадывать тайну Пушкина въ новой русской поэзіи, ту великую тайну, о которой упомянулъ Достоевскій въ послѣднихъ, столь пророческихъ словахъ своей пушкинской рѣчи:

«Пушкинъ умеръ въ полномъ развитіи своихъ силъ и, безспорно, унесъ съ собою въ гробъ нѣкоторую великую тайну. И вотъ мы теперь безъ него эту тайну разгадываемъ».

Для нашего поколѣнія, увидѣвшаго оба края бездны, тайна Пушкина, тайна всей будущей русской культуры есть разрѣшеніе міровыхъ противорѣчій, «столкновеніе двухъ самыхъ противоположныхъ идей, какія только могли существовать на землѣ»,—новая, можетъ-быть, величайшая и послѣдняя борьба духа восточнаго и западнаго, «духа ратнаго и благодатнаго», Богочеловѣка и Человѣкобога.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Ж И З Н Ь

Л. Толстого и Достоевскаго.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

У обоихъ, въ особенности у Л. Толстого, произведенія такъ связаны съ жизнью, съ личностью писателя, что нельзя говорить объ одномъ безъ другого: прежде, чѣмъ изучать Достоевскаго и Л. Толстого какъ художниковъ, мыслителей, проповѣдниковъ, надо знать, что это за люди.

Въ русскомъ обществѣ, отчасти и въ критикѣ, утвердилось мнѣніе, будто бы въ концѣ семидесятыхъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ съ Л. Толстымъ произошелъ глубокой нравственный и религіозный переворотъ, который въ корнѣ измѣнилъ не только всю его личную жизнь, но и умственную, и писательскую дѣятельность, какъ бы переломилъ его существованіе на двѣ половины: въ первой онъ—только великій писатель, можетъ-быть, и великій человѣкъ, но все-таки человѣкъ отъ міра сего, съ человѣческими и даже русскими страстями, скорбями, сомнѣніями, слабостями; во второй—онъ выходитъ изъ всѣхъ условій историческаго быта и культуры; одни говорятъ, что это христіанскій подвижникъ, другіе—безбожникъ, третьи—фанатикъ, четвертые—мудрецъ, достигшій высшаго нравственнаго просвѣтленія, какъ Сократъ, Будда, Конфуцій,—основатель новой религіи.

Самъ Л. Толстой въ «Исповѣди», написанной въ 1879 году, подтверждаетъ и какъ бы даже подчеркиваетъ единственность, безповоротность и окончательность этого религіознаго перерожденія:

«Пять лѣтъ тому назадъ со мною стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты сначала недоумѣнія, остановки жизни, какъ будто я не зналъ, какъ

мнѣ жить, что мнѣ дѣлать.—Эти остановки жизни всегда выражались одинаковыми вопросами: Зачѣмъ? Ну, а потомъ?— Я будто жилъ-жилъ, шель-шель, и пришелъ къ пропасти. Я ясно увидалъ, что впереди ничего нѣтъ, кромѣ гибели.— Я всѣми силами стремился прочь отъ жизни.—И вотъ я, счастливый человѣкъ, пряталъ отъ себя шнурокъ, чтобы не повѣситься на перекладинѣ между шкапами въ своей комнатѣ, гдѣ я каждый вечеръ бывалъ одинъ, раздѣваясь, и пересталъ ходить съ ружьемъ на охоту, чтобы не соблазниться слишкомъ легкимъ способомъ избавленія себя отъ жизни».

Отъ этого отчаянія, отъ самоубійства спасло его, какъ онъ полагаетъ, сближеніе съ простыми вѣрующими людьми, съ рабочимъ народомъ:

«Я жилъ такъ, т.-е. въ общеніи съ народомъ, года два, и со мной случился переворотъ. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга—богатыхъ ученыхъ—не только опротивѣла мнѣ, но потеряла всякій смыслъ. Всѣ наши дѣйствія, разсужденія, наука, искусство—все это предстало мнѣ въ новомъ значеніи. Я понялъ, что все это одно баловство, что искать смысла въ этомъ нельзя».

«Я возненавидѣлъ себя, и я призналъ истину. Теперь мнѣ все ясно стало».

Самый безхитростный, а потому и самый драгоцѣнный, достойный наибольшаго довѣрія изъ жизнеописателей Л. Толстого, братъ его жены, С. А. Берсъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» тоже говоритъ объ этомъ «переворотѣ» 80-хъ годовъ, который будто бы «измѣнилъ всю умственную дѣятельность и внѣшнюю жизнь Льва Николаевича».

«Перемѣна всей его личности, происшедшая за послѣднее десятилѣтіе, въ настоящемъ смыслѣ *полная и коренная*. Измѣнилась не только его жизнь и отношеніе ко всѣмъ людямъ и ко всему живому, но измѣнилась и вся мыслительная его дѣятельность. *Весь Левъ Николаевичъ сдѣлался олицетворенною идеею любви къ ближнему*».

Столь же опредѣленно свидѣтельство жены его, графини Софьи Андреевны Толстой:

«Если бы ты зналъ и слышалъ теперь Левочку!—писала она брату въ началѣ 1881 года.—Онъ много измѣнился. Онъ сталъ христіанинъ и самый искренній и твердый».

Трудно было бы усомниться въ столь сильныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствахъ, если бы у насъ не было источника еще болѣе достовѣрнаго—собственныхъ художественныхъ произведеній Л. Толстого, которыя въ сущности, отъ перваго до послѣдняго, не что иное, какъ одинъ огромный пятидесятилѣтній дневникъ, одна безконечно-подробная «исповѣдь». Въ литературѣ всѣхъ вѣковъ и народовъ едва ли найдется другой писатель, который обнажалъ бы самую частную, личную, иногда щекотливую сторону жизни своей съ такою великодушною или беззащитною откровенностью, какъ Толстой. Онъ, кажется, сказалъ намъ о себѣ все, что только имѣлъ сказать, и мы о немъ знаемъ все, что онъ самъ знаетъ о себѣ.

Къ этой-то художественной и, слѣдовательно, непреднамеренной, произвольной исповѣди нельзя не обратиться, рѣшая вопросъ о дѣйствительномъ значеніи религіознаго переворота, происшедшаго въ немъ въ пятидесятые, то-есть уже въ предстарческіе годы его жизни.

Въ первомъ произведеніи своемъ, въ «Дѣтствѣ, Отрочествѣ и Юности», книгѣ, написанной двадцатилѣтнимъ юношей, рассказываетъ онъ свои еще свѣжія воспоминанія изъ четырнадцати или пятнадцатилѣтняго возраста.

«Въ продолженіе года, во время котораго я велъ уединенную, сосредоточенную въ самомъ себѣ, моральную жизнь, всѣ отвлеченные вопросы о назначеніи человѣка, о будущей жизни, о безсмертіи души уже представились мнѣ; и дѣтскій слабый умъ мой со всѣмъ жаромъ неопытности старался уяснить тѣ вопросы, предложеніе которыхъ составляетъ высшую ступень, до которой можетъ достигать умъ человѣка».

Однажды весеннимъ утромъ, помогая слугѣ выставить рамы на окнахъ, почувствовалъ онъ внезапную радость и умиленіе христіанскаго самопожертвованія:

«Мнѣ хотѣлось измучиться, оказывая эту услугу Николаю».—«Какъ дурень я былъ прежде, какъ я могъ бы и могу быть хорошъ и счастливъ въ будущемъ!—говорилъ я самъ себѣ:—надо скорѣй, скорѣй, сію же минуту сдѣлаться другимъ человѣкомъ и начать жить иначе».

Исправить все человѣчество, уничтожить всѣ пороки и несчастія людскіе—стало ему казаться «удобоисполнимою вещью». И онъ рѣшилъ «написать себѣ на всю жизнь расписаніе своихъ обязанностей и занятій, изложить на бумагѣ цѣль своей жизни и правила, по которымъ всегда уже, не отступая, дѣйствовать». Онъ тотчасъ пошелъ къ себѣ наверхъ, досталъ листъ писчей бумаги, разлиневалъ ее и, раздѣливъ обязанности къ самому себѣ, къ ближнимъ и къ Богу, началъ записывать.

Съ грустною, почти жуткою и все-таки слишкомъ поверхностною насмѣшкою, какъ будто не подозрѣвая всей глубины и болѣзненности того, что съ нимъ происходило, рассказываетъ онъ свои тогдашнія, по слову апостола Іакова, *двоящіяся* мысли. Получается странное впечатлѣніе: какъ будто въ немъ два сердца, два человѣка. Одинъ, вслѣдствіе христіанскихъ мыслей о смерти, чтобы пріучить себя къ страданію, «несмотря на страшную боль, держалъ по пяти минутъ въ вытянутыхъ рукахъ лексиконы Татищева или уходилъ въ чуланъ и веревкой стегалъ себя по голой спинѣ такъ больно», что слезы невольно выступали на глазахъ; другой, вслѣдствіе тѣхъ же мыслей о смерти, вспомнивъ вдругъ, что смерть ожидаетъ его каждый часъ, каждую минуту, рѣшалъ бросить уроки и дня три «занимался только тѣмъ, что, лежа на постели, наслаждался чтеніемъ какого-нибудь романа и ѣдою пряниковъ съ кроновскимъ медомъ, которые покупалъ на послѣдніе гроши». Одинъ Левъ Толстой сознательный, добрый и слабый, смиряется, кается, питаетъ отвращеніе къ себѣ, къ своей порочности; другой—безсознательный, злой и сильный, «воображаетъ себя великимъ человѣкомъ, открывающимъ для блага всего человѣчества новыя истины, и съ гордымъ сознаниемъ своего достоинства смотритъ на остальныхъ смертныхъ», находя осо-

бое, утонченное, какъ бы сладострастное, наслажденіе гордости даже въ отвращеніи къ себѣ, самоуничиженіи, самобичеваніи.

Разсказывая объ этихъ отроческихъ мысляхъ своихъ, приходитъ онъ къ заключенію, что въ основѣ ихъ было четыре чувства: первое—«любовь къ воображаемой женщинѣ», то-есть сладострастіе плоти, второе—«любовь любви» людской, то-есть гордость, сладострастіе духа; третье—«надежда на необыкновенное тщеславное счастье, такая сильная и твердая, что она переходила въ сумасшествіе»; четвертое—отвращеніе къ самому себѣ и раскаяніе.

Но, въ сущности, это—не четыре, а только два чувства, ибо первыя три соединяются въ одно—въ любовь къ себѣ, къ своему *тѣлу*, къ своей *тѣлесной* жизни или къ своему *Я*; второе — отвращеніе, ненависть къ себѣ, нелюбовь къ другимъ или къ Богу, а именно *только* ненависть къ себѣ. И здѣсь, и тамъ первая основа и соединеніе двухъ столь, повидимому, противоположныхъ чувствъ есть *Я*, или до крайней степени утверждаемое, или до крайней степени отрицаемое. Все начинается и все кончается въ *Я*: ни любовь, ни ненависть не могутъ разорвать этого круга.

И вотъ вопросъ: какой же изъ двухъ перемежающихся, сливающихся Львовъ Николаевичей Толстыхъ—наиболѣе истинный, искренній, вѣчный: тотъ ли, кто стегаетъ себя по голой спинѣ аскетическою веревкой, или тотъ, кто ѣстъ эпикурейскіе пряники съ кроновскимъ медомъ, баюкая себя мыслью о смерти, о томъ, что все подъ солнцемъ—суета суеть и томленіе духа, что лучше псу живому, нежели мертвому льву? Тотъ ли, кто любитъ, или тотъ, кто ненавидитъ себя? Кто всѣ свои мысли, чувства, желанія начинаетъ по-христіански, или—кто кончаетъ ихъ по-язычески? Или, можетъ-быть, наконецъ,—и это было бы для него самое страшное,—оба они одинаково искренніе, одинаково истинные, одинаково вѣчные?

Во всякомъ случаѣ, онъ судитъ себя и свои отроческія мысли, которыя называетъ своими «умствованіями», съ такою строгостью и честностью въ этомъ первомъ произведе-

ни, съ какими въ послѣдствіи уже никогда не судилъ себя даже на знаменитыхъ, столь жгуче-покаянныхъ и самоуби-чающихъ страницахъ «Исповѣди».

«Изъ всего этого тяжелаго моральнаго труда я не вынесъ ничего, кромѣ изворотливости ума, ослабившей во мнѣ силу воли, и привычки къ постоянному моральному анализу, уничтожившей свѣжесть чувства и ясность разсудка.—Склонность моя къ отвлеченнымъ размышленіямъ до такой степени неестественно развила во мнѣ сознаніе, что часто, начиная думать о самой простой вещи, я впадалъ въ безвыходный кругъ анализа своихъ мыслей, я не думалъ уже о вопросѣ, занимавшемъ меня, а думалъ о томъ, о чемъ я думалъ. Спрашивая себя: о чемъ я думаю?—я отвѣчалъ: Я думаю, о чемъ я думаю. А теперь о чемъ я думаю? Я думаю, что я думаю, о чемъ я думаю, и такъ далѣе. Умъ за разумъ заходилъ».

По поводу первой неудачи съ «Правилами жизни», когда, желая разлиневать бумагу и употребивъ вмѣсто не нашедшейся линейки латинскій лексиконъ, онъ размазалъ чернила въ продолговатую лужу, съ грустью замѣчаетъ онъ:

«Зачѣмъ все такъ прекрасно, ясно у меня въ душѣ и такъ безобразно выходитъ на бумагѣ и вообще въ жизни, когда я хочу примѣнять къ ней что-нибудь изъ того, что думаю?»

Но, можетъ-быть, это лишь безпомощность дѣтскаго ума и дѣтской совѣсти, которая пройдетъ съ годами, когда явится полное сознаніе и возмужалость духа? — Едва ли такъ. По крайней мѣрѣ, онъ уже и тогда, какъ писалъ «Дѣтство и Отрочество», двадцатичетырехлѣтнимъ юношей, признавалъ, что эта дѣтскость его не зависитъ отъ возраста, и что неизгладимый слѣдъ ея останется въ немъ на всю жизнь:

«Я убѣжденъ въ томъ, что, если мнѣ суждено прожить до глубокой старости, и рассказъ мой догонитъ мой возрастъ, я старикомъ семидесяти лѣтъ буду точно такъ же невозможно ребячески мечтать, какъ и теперь».

Въ этихъ простыхъ и спокойныхъ словахъ не больше ли христіанскаго смиренія,—если ужъ вообще говорить о христіанскомъ смиреніи Л. Толстого,—чѣмъ во всѣхъ его послѣдующихъ, столь громкихъ и страстныхъ, покаянныхъ испо-

вѣдяхъ? Не легче ли сказать о себѣ, предъ лицомъ всего міра, какъ онъ въ послѣдствіи говорилъ: «я паразитъ, я вошь, я блудникъ, воръ и убійца», чѣмъ въ тишинѣ совѣсти признать дѣйствительную мѣру силъ своихъ: я до сихъ поръ такой же ребенокъ въ моихъ старческихъ мысляхъ, какъ и въ моихъ отроческихъ умствованіяхъ; несмотря на всю безпредѣльную силу заключеннаго во мнѣ художественнаго генія, я—въ моихъ исканіяхъ Бога—не вождь, не пророкъ, не основатель новой религіи, а такой же слабый, заблудившійся, болѣзненно-раздвоенный человѣкъ, какъ всѣ люди моего времени.

«Утро помѣщика»—въ хронологическомъ порядкѣ произведеній Л. Толстого, который вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительному порядку жизни его, есть какъ бы слѣдующая глава, продолженіе огромнаго дневника его. Князь Дмитрій Нехлюдовъ—не кто иной, какъ Николай Иртеньевъ, герой «Дѣтства, Отрочества и Юности», вышедшій изъ университета, гдѣ, не окончивъ курса, онъ понялъ тщету всѣхъ человѣческихъ знаній, и поселившійся въ деревнѣ помѣщикомъ, чтобы помогать простому народу. Въ Нехлюдовѣ совершается такой же нравственно-религіозный переворотъ, какъ въ Иртеньевѣ:

«...Глупость все то, что я зналъ, чему вѣрилъ и что любилъ, — говоритъ онъ самъ себѣ. — Любовь, самопожертвованіе — вотъ одно истинное, независимое отъ случая счастье».

Дѣйствительность, однако, не удовлетворяетъ его. «Гдѣ эти мечты? — думаетъ онъ. — Вотъ уже больше года, что я ищу счастья на этой дорогѣ, и что жъ я нашель? Правда, иногда я чувствую, что могу быть довольнымъ собою, но это какое-то *сухое, разумное довольство*».

Нехлюдовъ убѣждается, что, несмотря на все свое желаніе, онъ не умѣетъ дѣлать добро людямъ. И мужики выказываютъ недовѣріе къ христіанскимъ чувствамъ барина. Единственный выводъ изъ этого неудачнаго и въ сущности ребяческаго опыта соединить помѣщичьи добродѣтели съ евангельскими — болѣзненно - бесплодная зависть къ мо-

лодому крестьянину Илюшкѣ, — даже не къ духовной, а только къ тѣлесной силѣ его, здоровья, свѣжести, безмятежному сну его мысли и совѣсти.

Изъ жизнеописанія Толстого мы знаемъ, что послѣ неудачнаго нехлюдовскаго опыта съ яснополянскими мужиками, разочаровавшись въ своихъ помѣщичьихъ способностяхъ, онъ покинулъ деревню и уѣхалъ на Кавказъ, гдѣ поступилъ юнкеромъ въ артиллерію, увлекаемый романтическими мечтами о военной славѣ и о прелестяхъ первобытной жизни горцевъ, — подобно герою «Казаковъ», Оленину.

Такъ же, какъ Иртеневъ и Нехлюдовъ, Оленинъ признаетъ себя безгранично-свободнымъ. Это особенная русская свобода молодого богатаго барина сороковыхъ годовъ, для котораго нѣтъ никакихъ «ни физическихъ, ни моральныхъ оковъ»; онъ все могъ сдѣлать, и ничего ему не нужно было и ничто его не связывало. У него не было ни семьи, ни отечества, ни вѣры, ни нужды. Онъ ни во что не вѣрилъ и ничего не признавалъ. *Онъ любилъ до сихъ поръ только себя одного* и не могъ не любить, потому что ждалъ отъ себя одного хорошаго и не успѣлъ еще разочароваться въ самомъ себѣ».

Но хотя онъ ни во что не вѣритъ и ничего не признаетъ, хотя онъ любитъ только себя простодушною, дѣтски-циническою любовью, этотъ недоучившійся студентъ, юнкеръ артиллеріи уже противопоставляетъ свои «философскія открытія», свое опрощеніе среди станичныхъ казаковъ — культурной жизни всего человѣчества.

«Ему ясно казалась та ложь, въ которой онъ жилъ прежде и которая уже и тамъ возмущала его, а теперь стала ему невыносимо гадка и смѣшна».

«Какъ вы мнѣ гадки и жалки! — пишетъ онъ своимъ московскимъ пріятелямъ, — вы не знаете, что такое счастье и что такое жизнь! Надо разъ испытать жизнь во всей ея безъискусственной красотѣ. Надо видѣть и понимать, что я каждый день вижу передъ собой: вѣчные, неприступные снѣга горъ и величавую женщину въ той первобытной красотѣ, въ которой должна была выйти первая женщина изъ рукъ сво-

его Творца, и тогда ясно станетъ, кто себя губить, кто живетъ въ правдѣ или во лжи, вы или я. Коли бы вы знали, какъ мнѣ мерзки, жалки — вы въ вашемъ обольщеніи!»

«Люди живутъ, какъ живетъ природа: умираютъ, рождаются, совокупляются, опять рождаются, дерутся, пьютъ, ѣдятъ, радуются и опять умираютъ, и никакихъ условій, кромѣ тѣхъ неизмѣнныхъ, которыя положила природа солнцу, травѣ, звѣрю, дереву. Другихъ законовъ у нихъ нѣтъ... Счастье—это быть съ природой».

Эту первобытную мудрость воплощаетъ дѣйствительный герой повѣсти, старый казакъ дядя Ерошка, одно изъ величайшихъ и совершеннѣйшихъ созданій Л. Толстого, которое даетъ возможность заглянуть въ самую темную, тайную, его собственному сознанію, можетъ-быть, никогда не открывавшуюся, глубину существа его. Здѣсь въ первый и, кажется, въ послѣдній разъ съ художественно-законченною, почти сознательною ясностью выступаетъ одно изъ двухъ лицъ, вѣчно спорящихъ въ немъ: лицо, всегда дѣйствующее, но мало говорящее о себѣ и еще менѣе себя сознающее. Столь знакомое, и все-таки незнакомое, до сихъ поръ не разгаданное, не освѣщенное лицо самого Л. Толстого какъ будто сквозитъ и мелькаетъ въ лицѣ этого исполина съ дѣтскими глазами, со старческими, могучими, трудовыми морщинами, съ юношескими мышцами, съ крѣпкимъ смѣшаннымъ запахомъ чихиря, водки, пороха и запекшейся крови—въ лицѣ дяди Ерошки.

Жизнь его такъ же, какъ жизнь полудикихъ чеченцевъ, наполнена «любовью къ свободѣ, праздности, грабежу и войнѣ». Онъ самъ говоритъ о себѣ съ простою гордостью: «я—молодецъ, пьяница, воръ, охотникъ... Я человекъ веселый, я всѣхъ люблю, я—Ерошка!»

Это—безсознательный русскій философъ-циникъ. Онъ чувствуетъ себя столь же безгранично-свободнымъ, какъ и русскій баринъ Оленинъ. Такъ же ничего не признаетъ и ни во что не вѣритъ. Живетъ внѣ человѣческихъ законовъ, внѣ зла и добра. Татарскіе муллы и русскіе старовѣры-

уставщики возбуждаютъ въ немъ одинаково спокойную и презрительную насмѣшку:

«По-моему, все одно. Все Богъ сдѣлалъ на радость чело-вѣку. Ни въ чемъ грѣха нѣтъ. Хоть съ звѣря примѣръ возьми. Онъ и въ татарскомъ камышѣ, и въ нашемъ живетъ. Что Богъ далъ, то и лопаешь. А наши говорятъ, что за это будемъ сковороды лизать. Я такъ думаю, что все одна фальшь. Сдохнешь — трава вырастетъ, вотъ и все».

У него древняя, дочеловѣческая мудрость, бездонно-ясная и въ то же время темная душа лѣснаго полубога-полузвѣря — фавна или сатира. Онъ умѣетъ быть по-своему добрымъ и нѣжнымъ. Любитъ все живое, всякую Божью тварь. И эта любовь какъ будто напоминаетъ христіанство, можетъ-быть, потому, что въ послѣдней, безсознательной глубинѣ язычества есть начало будущаго поворота къ христіанству, оргійное начало Діониса — самоотреченія, самоуничтоженія, слиянія чело-вѣка съ богомъ Паномъ, Отцомъ всего сущаго. Не слѣдуетъ, однако, забывать не только исторической, но и психологической пропасти, отдѣляющей это первое, дикое и, если можно такъ выразиться, *языческое христіанство* отъ второго культурнаго христіанскаго сознанія. Если они и соприкасаются, то лишь такъ, какъ самыя противоположныя крайности иногда соприкасаются.

Дядя Ерошка отгоняетъ ночныхъ бабочекъ, которыя вьются надъ колыхающимъ огнемъ свѣчи и попадаютъ въ него.

«Дура, дура! Куда летишь? Дура! Дура!»

«Онъ приподнялся и своими толстыми пальцами сталъ отгонять бабочекъ».

Не напоминаетъ ли въ эту минуту кроткая улыбка дяди Ерошки улыбку св. Франциска Ассизскаго?

И отъ него же пахнетъ запекшейся кровью, можетъ-быть, не только звѣриною, но и чело-вѣческою, потому что на совѣсти стараго «вора» не одно убійство. Какъ природа, онъ и милосердъ, и жестокъ въ одно и то же время. Онъ самъ не чувствуетъ и не понимаетъ этого противорѣчія. То, что впоследствии раздѣлится на зло и добро, въ немъ еще слито въ первобытномъ единствѣ, въ безсознательной гармоніи.

И Оленинъ въ своемъ собственномъ сердцѣ, столь тщетно желающемъ обратиться въ христіанство, находитъ родственнѣйшій откликъ этой цинической мудрости дяди Ерошки. Въ тишинѣ бездыханнаго полдня, въ чащѣ южнаго лѣса, среди грознаго избытка жизни, онъ вдругъ познаетъ нехристіанское отреченіе отъ себя, полузвѣрское, полубожеское сліяніе съ природой,—священную дикую мудрость фавновъ и сатировъ, кажущуюся людямъ безуміемъ, полную восторгомъ и ужасомъ, который древніе называли ужасомъ бога Пана, *бога Всего*.

«И вдругъ на Оленина нашло такое странное чувство безпричиннаго счастья въ любви ко *всему*, что онъ, по старой дѣтской привычкѣ, сталъ креститься и благодарить *кого-то*». Прислушиваясь къ жужжанію комаровъ, Оленинъ думаетъ: «Каждый изъ нихъ такой же особенный Дмитрій Оленинъ, какъ и я самъ». — «И ему ясно стало, что онъ нисколько не русскій дворянинъ, членъ московскаго общества, другъ и родня того-то и того-то, а просто такой же комаръ, или такой же фазанъ, или олень, какъ и тѣ, которые живутъ теперь вокругъ него: «Такъ же, какъ они, какъ дядя Ерошка, поживу, умру. И правду онъ говоритъ: только трава вырастетъ».

Но и въ немъ два челоуѣка; и этотъ второй Оленинъ, подобно Иртеньеву и Нехлюдову, твердитъ все одно и то же: «любовь, самоотверженіе! Не стоитъ жить для себя, надо жить для другихъ». И онъ пытается примирить нечеловѣческую мудрость лѣшихъ и сатировъ съ умѣренными, полезными и разумными «христіанскими» добродѣтелями. Онъ жертвуетъ своею любовью къ Марьянѣ казаку Лукашкѣ. Но ничего изъ этого не выходитъ, такъ же какъ изъ иртеньевскихъ «правилъ жизни», изъ нехлюдовскаго помѣщичьяго христіанства.

«Я не виноватъ, что полюбилъ, — вырывается у него въ минуту отчаянія поразительное признаніе, — я спасался отъ своей любви въ самоотверженіи, я выдумалъ себѣ радость въ любви казака Лукашки съ Марьянкой и только раздражалъ свою любовь и ревность... Я не имѣю своей

воли, а чрезъ меня любить ее какая-то стихійная сила, весь міръ Божій, вся природа вдавливаютъ любовь эту въ мою душу и говорятъ: люби. — Я писалъ прежде о своихъ новыхъ (то-есть христіанскихъ) убѣжденіяхъ. Никто не можетъ знать, какимъ трудомъ выработались они во мнѣ, съ какою радостью созналъ я ихъ и увидалъ новый открытый путь въ жизни. Дороже этихъ убѣжденій ничего во мнѣ не было. Ну... пришла любовь, и ихъ нѣтъ теперь, нѣтъ и сожалѣнія о нихъ! Даже понять, что я могъ дорожить *такимъ одностороннимъ, холоднымъ, умственнымъ настроеніемъ*, для меня трудно. Пришла красота и въ прахъ разсѣяла всю египетскую жизненную внутреннюю работу. И сожалѣнія нѣтъ объ исчезнувшемъ! Самоотверженіе—все это вздоръ, дичь. Это все гордость, убѣжище отъ заслуженнаго несчастія, спасеніе отъ зависти къ чужому счастью. Жить для другихъ, дѣлать добро! Зачѣмъ? Когда въ душѣ моей *одна любовь къ себѣ*».

Одна любовь къ себѣ—этимъ все начинается и все кончается. Любовь или ненависть къ себѣ, только къ себѣ—вотъ двѣ главныя, единственныя, то скрытыя, то явныя оси, на которыхъ все вертится, все движется въ первыхъ, можетъ-быть, самыхъ искреннихъ произведеніяхъ Л. Толстого.

Да и въ первыхъ ли только?

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Юнкеръ Оленинъ мечтаетъ о флигель-адъютантствѣ. Мы знаемъ, что юнкеръ артиллеріи, гр. Л. Н. Толстой, также мечталъ о флигель-адъютантствѣ и георгіевскомъ крестѣ. «Во время службы на Кавказѣ,—разсказываетъ Берсъ,—Левъ Николаевичъ страстно желалъ получить георгіевскій крестъ». При открытіи Крымской кампаніи онъ былъ сначала подъ Силистріей, потомъ перешелъ въ Севастополь, гдѣ пробылъ подъ огнемъ трое сутокъ на четвертомъ бастіонѣ и участвовалъ въ штурмѣ, выказывая большую храбрость.

Это свое тогдашнее военное честолюбіе выразилъ онъ впослѣдствіи, съ обычною откровенностью, въ тайныхъ мысляхъ одного изъ своихъ любимыхъ героевъ, князя Андрея Болконскаго въ «Войнѣ и мирѣ», который мечтаетъ сдѣлаться русскимъ Наполеономъ.

«Если я хочу этого, хочу славы, — говоритъ себѣ князь Андрей передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ, — хочу быть извѣстнымъ людямъ, хочу быть любимымъ ими, то вѣдь я не виноватъ, что хочу этого, что одного этого я хочу, для одного этого я живу. *Я никогда никому не скажу этого, но, Боже мой!* что же мнѣ дѣлать, ежели я ничего не люблю, какъ только славу, любовь людскую. Смерть, раны, потеря семьи, ничто мнѣ не страшно. И какъ ни дороги, ни милы мнѣ многіе люди: отецъ, сестра, жена—самые дорогіе мнѣ люди, но, какъ ни страшно и неестественно это кажется, я всѣхъ ихъ отдамъ сейчасъ за минуту славы, торжества надъ людьми, за любовь къ себѣ людей».

Левъ Николаевичъ былъ уже представленъ къ столь страстно имъ желаемому георгіевскому кресту, но не получилъ его, какъ увѣряетъ Берсъ, «вслѣдствіе личнаго нерасположенія одного изъ начальниковъ». Эта неудача сильно опечалила его, но вмѣстѣ съ тѣмъ «измѣнила его взглядъ на храбрость», со своимъ неизмѣннымъ простодушіемъ увѣряетъ Берсъ. Ему же признался однажды Левъ Николаевичъ «въ своей гордости и тщеславіи: когда послѣ неудачъ въ молодости, то-есть военныхъ, онъ пріобрѣлъ громкую славу писателя, онъ высказалъ мнѣ, что эта слава—величайшая радость и большое счастье для него. По его собственнымъ словамъ, въ немъ было пріятное сознаніе того, что онъ—писатель и аристократъ». Иногда съ усмѣшкой говорилъ онъ, что «не заслужилъ генерала-отъ-артиллеріи, зато сдѣлался генераломъ-отъ-литературы».

Едва ли нѣкоторая грубость и беззастѣнчивость этого признанія принадлежитъ Толстому; по всей вѣроятности, даже въ шуткѣ, съ глазу на глазъ, сумѣлъ онъ выразиться тоньше и стыдливѣе. Но, съ другой стороны, надо видѣть всю глубину наивнаго, такъ сказать, беспомощнаго благоговѣнія Берса передъ великимъ родственникомъ, чтобы чувствовать, что на какую-нибудь злую и остроумную выдумку онъ совершенно неспособенъ. Онъ пишетъ свое *житіе* Л. Толстого въ простотѣ сердца, какъ создатели древнихъ легендъ, хотя, правда, простота Берса для его героя иногда хуже воровства, зато для изслѣдователя, можетъ-быть, лучше всякаго ума.

Какъ бы то ни было, разочаровавшись въ войнѣ и въ военной храбрости, которой впослѣдствіи онъ такъ безсмертно и беспощадно отомстилъ въ своихъ произведеніяхъ, вышелъ онъ въ отставку поручикомъ артиллеріи и уѣхалъ сначала въ Петербургъ, потомъ за границу. «Петербургъ,—замѣчаетъ Берсъ,—ему никогда не нравился. Онъ не могъ ничѣмъ выдвигаться въ высшемъ кругу Петербурга: служебной карьеры, разумѣется, не домогался, большимъ состояніемъ не владѣлъ, а громкой славы писателя тогда еще не составилось».

Вернувшись изъ-за границы въ годъ освобожденія крестьянъ, Толстой занялся мировымъ посредничествомъ и сельскою школою въ Ясной Полянѣ. Одно время думалъ онъ отдать всю жизнь этой дѣятельности и окончательно успокоиться на ней. Но мало-по-малу разочаровался и въ школѣ такъ же, какъ во всѣхъ своихъ прежнихъ попыткахъ дѣлать людямъ добро. И дошелъ, наконецъ, до того, что увидѣлъ нѣчто «преступное», какъ онъ самъ выражается въ своемъ отношеніи къ дѣтямъ:

«Мнѣ казалось, что я развратилъ чистую, первобытную душу крестьянскаго ребенка. Я смутно чувствовалъ въ себѣ раскаяніе въ какомъ-то святотатствѣ. Мнѣ вспоминались дѣти, которыхъ праздные и развратные старики заставляютъ ломаться и представлять сладострастныя картины для разжиганія своего усталого, истасканнаго воображенія».

Показаніе, какъ всегда у него, хотя искреннее, но безудержное и болѣзненно-чрезмѣрное. Изъ его тогдашнихъ школьныхъ дневниковъ одно лишь ясно, что онъ, дѣйствительно, заботился не столько о дѣтяхъ, сколько о себѣ самомъ. Заставляя Оедьку и Сеньку писать сочиненія, которыя потомъ въ своемъ педагогическомъ журналѣ объявлялъ болѣе совершенными, чѣмъ произведенія Л. Толстого, Пушкина, Гете, онъ дѣлалъ на душахъ дѣтей, можетъ-быть, слишкомъ для себя отвѣтственные и для нихъ небезопасные опыты со своею собственною душою. Онъ любовался, вѣчный Нарциссъ, своимъ отраженіемъ въ дѣтскихъ душахъ, какъ въ зеркалѣ глубокаго и дѣвственнаго родника. Онъ любилъ и въ дѣтяхъ, этотъ, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ роковой для нихъ и страшный учитель, только себя, себя одного.

«Дѣло, казалось, шло хорошо,—признается онъ въ «Исповѣди»,—но я чувствовалъ, что я не совсѣмъ умственно здоровъ, и долго это не можетъ продолжиться».

Въ немъ уже опять готовился нравственный переворотъ. «Я заболѣлъ,—говоритъ онъ,—болѣе духовно, чѣмъ физически, бросилъ все и поѣхалъ въ степь къ башкирамъ, пить кумысъ и жить животною жизнью».

Вернувшись, онъ женился на Софьѣ Андреевнѣ Берсъ.

Всѣ прежнія попытки устроиться въ жизни — нехлюдовская помѣщичья благотворительность, опрощеніе въ казачьей станицѣ, война, школа—были только любительствомъ, дилетантизмомъ, въ самомъ широкомъ, старинномъ смыслѣ этого слова—*охотою*, ибо во всю свою жизнь онъ, подобно дядѣ Ерошкѣ, прежде всего — великій, безконечно-разнообразный *охотникъ*.

Но женитьба это уже не охота, не игра, а первое въ жизни его важное, все обновляющее и все преобразующее, святое и страшное для него дѣло, которому онъ не только хочетъ отдаться, но дѣйствительно отдается.

Ему тридцать четыре года, ей восемнадцать. Тотчасъ послѣ свадьбы уѣхали они въ Ясную Поляну и провели въ ней почти безвыѣздно около двадцати лѣтъ, въ совершенномъ уединеніи, никогда не скучая, ни въ комъ не нуждаясь. Это лучшіе годы Л. Толстого, въ которые онъ создалъ «Войну и миръ» и «Анну Каренину»,—высшій подъемъ и расцвѣтъ его силъ. «Любовь ея къ мужу безгранична,—пишетъ братъ Софьи Андреевны,—близость, дружба и взаимная любовь этой четы всегда служили для меня образцомъ и идеаломъ супружескаго счастья. Не даромъ говорили ея родители: «Сонѣ лучшаго счастья пожелать нельзя!»

Мы видимъ въ «Воспоминаніяхъ» Фета эту Наташу или Китти, одинъ изъ самыхъ безупречныхъ и законченныхъ женскихъ образовъ помѣщичьей русской культуры — «всю въ бѣломъ, съ огромною связкою тяжелыхъ ключей за поясомъ»—простую, тихую, всегда веселую и большею частью беременную, потому что у нея тринадцать человѣкъ дѣтей. «Она семь разъ переписала «Войну и миръ», и одновременно съ этимъ трудомъ,—говоритъ Берсъ,—и съ заботами хозяйки дома, доходившими до подробностей въ кухнѣ, она сама успѣвала кормить, учить и обшивать дѣтей до десятилѣтняго возраста». Когда родилась у нихъ вторая дочь, и мать заболѣла, такъ что была при смерти и послѣ нѣсколькихъ попытокъ все-таки не могла кормить,—увидавъ, что дочь ея кормить другая женщина, она плакала отъ ревности къ ней,

тотчасъ удалила кормилицу, и ребенокъ былъ вскормленъ на рожкѣ. «Левъ Николаевичъ находилъ эту ревность естественною и восхищался чадолубіемъ жены».

Чадолубіе, чадородіе—здѣсь не кажутся слишкомъ торжественными эти ветхозавѣтныя слова, напоминающія древнихъ библейскихъ патріарховъ Авраама, Исаака и Іакова, которые получили завѣтъ отъ Бога Израиля: плодитесь, множитесь и наполняйте землю. Что бы ни думали мы о семейномъ счастіи Л. Толстого, нельзя не согласиться, что есть въ этомъ нѣчто цѣлое, твердое, стройное, если не совершенное, то, по крайней мѣрѣ, законченное, а слѣдовательно, прекрасное, какъ сказалъ бы народъ—*благолѣпное*, то-есть, именно самое рѣдкое въ теперешней русской жизни—ни живой, ни мертвой, окончательно не разрушенной, а только изъѣденной, обезображенной, какъ постыдною болѣзнью, разлагающимъ семью карамазовскимъ ядомъ.

Мы, слабые, дерзкіе, слишкомъ жадно устремленные къ будущему, привыкли мало цѣнить законченныя формы прошлаго, это «благолѣпіе», «благообразіе», эти цѣпкіе, животнорастительные корни всякой человѣческой культуры, глубоко уходящіе въ подземную, родную, живую, животную темноту и теплоту, которыми, однако, только и питается и, наперекоръ всякимъ «сѣрымъ теоріямъ», вѣчно зеленѣетъ «золотое дерево жизни». Намъ кажутся цинично-грубыми и мѣщанскими эти, можетъ-быть, только слишкомъ откровенныя слова Николая Ростова въ эпилогѣ «Войны и мира»:

«Все это поэзія и бабы сказки—все это благо ближняго. Мнѣ нужно, чтобы наши дѣти не пошли по-міру; мнѣ надо устроить наше состояніе, пока я живъ; вотъ и все».

Пьеръ Безуховъ смотритъ свысока на Николая Ростова, воображая, будто бы призванъ, посредствомъ своихъ «умствованій», «дать новое направленіе всему русскому обществу и всему міру». И Левинъ, подобно маленькому Иртеневу, считаетъ спасеніе человѣчества «удобоисполнимою вещью». Занимаясь устройствомъ хозяйства, то-есть тѣмъ же, въ сущности, что Николай Ростовъ называетъ откровеннѣе «устройствомъ своего состоянія», Левинъ разсуждаетъ: «это

дѣло не мое личное, а тутъ вопросъ объ общемъ благѣ. Все хозяйство, главное, положеніе всего народа, совершенно должно измѣниться. Вмѣсто бѣдности—общее богатство, вмѣсто вражды—согласіе... Однимъ словомъ, революція безкровная, но величайшая революція, сначала въ маленькомъ кругу нашего уѣзда, потомъ губерніи, Россіи, всего міра». А все-таки и Левинъ, и Пьеръ Безуховъ, хотя не говорятъ, но дѣйствуютъ и живутъ именно такъ, какъ говоритъ Николай Ростовъ. И въ «Исповѣди» Л. Толстой разблачаетъ, съ особенною толстовскою, ростовскою и левиинскою откровенностью, эту послѣднюю циническую тайну своихъ излюбленныхъ героевъ:

«Вся жизнь моя сосредоточилась за это время въ семьѣ, въ женѣ, въ дѣтяхъ и потому въ заботахъ объ увеличеніи средствъ къ жизни. Стремленіе къ усовершенствованію подмѣнилось уже прямо стремленіемъ къ тому, чтобы мнѣ съ семьей было какъ можно лучше».

Онъ даже увѣряетъ, будто бы и «писательству предавался» въ это время, то-есть во время созданія «Войны и мира» и «Анны Карениной», исключительно «какъ средству для улучшенія своего матеріальнаго положенія», поучая тому, что для него «было единой истиной,—что надо жить такъ, чтобы самому съ семьей было какъ можно лучше».

Возвращаясь домой съ охоты или изъ краткихъ, невольныхъ дѣловыхъ поѣздокъ, рассказываетъ Берсъ, онъ каждый разъ выражалъ свое волненіе такъ: «только бы дома все было благополучно!»

Это не мѣщанство; это неизмѣримо глубже и первобытнѣе; это вѣчный голосъ природы, неодолимое чутье жизни, которое заставляетъ звѣря устраивать логово, птицу—гнѣздо и человѣка—зажигать огонь семейнаго очага.

«Я двѣ недѣли женатъ,—пишетъ онъ Фету,—и счастливъ, и новый, совсѣмъ новый человѣкъ. Теперь какъ писать? Теперь незримыя, даже зримыя усилія, и притомъ я въ хозяйствѣ опять прямо по-уши. И Соня со мной. Управляющаго у насъ нѣтъ,—она одна ведетъ контору и кассу. У меня и пчелы, и овцы, и новый садъ, и винокурня».

Онъ хлопочеть о покупкѣ яснополянскаго и пензенскаго имѣнія и 6000 десятинъ самарскаго имѣнія, гдѣ устраиваетъ конный заводъ; накупаетъ около сотни башкирскихъ матокъ и, рассчитывая на обиліе молока, скрещиваетъ ихъ съ рысистой, верховой, англійской и другими породами. Старая яснополянская ключница рассказываетъ о страстномъ его увлеченіи особою породою свиней, необыкновенно жирныхъ, голыхъ, безъ щетины, на короткихъ ногахъ: «въ особенноти онъ любовался на своихъ свиней, которыхъ держалъ до трехсотъ штукъ, сидѣвшихъ парами въ отдѣльныхъ небольшихъ хлѣвушкахъ. Здѣсь графъ не терпѣлъ ни малѣйшей грязи: каждый день я и мои помощницы должны были перемывать ихъ всѣхъ, вытирать полъ и стѣны хлѣвущекъ; тогда, проходя по свинятнѣ утромъ, графъ бывалъ очень доволенъ и громко приговаривалъ: «какое хозяйство! какое хорошее хозяйство!» Зато избави Богъ, если онъ замѣтитъ хоть малѣйшую грязь: сейчасъ разсердится, раскричится. Графъ былъ очень горячій баринъ».

Анна Сейронъ, бывшая гувернанткою въ домѣ Толстыхъ, въ замѣткахъ своихъ («Шесть лѣтъ въ домѣ гр. Л. Н. Толстого», СПб. 1895), кажется, желающихъ быть ехидными, на самомъ дѣлѣ довольно легкомысленныхъ и плоскихъ, говоритъ съ насмѣшкою, что за этими знаменитыми поросятами «ухаживаетъ, какъ за дѣтьми». Шутка едва ли удачна. И что изъ того, ежели добрый хозяинъ находилъ время заботиться и о своихъ дѣтяхъ, окруженныхъ, впрочемъ, какъ мы знаемъ, швейцарскими боннами, нѣмками, англичанками,—и о своихъ поросятахъ? Тутъ нѣтъ высокаго и низкаго, благороднаго и презрѣннаго: тутъ, въ хозяйствѣ, какъ въ живомъ тѣлѣ — все цѣльно и стройно, одно къ одному, одно для другого — люди, животныя, растенія.

И пусть даже, подобно Левину, заботясь о своемъ темномъ и тепломъ логовѣ, занимаясь своими поросятами, утѣшалъ онъ себя мыслью, будто бы заботится о благѣ чело-вѣчества, и что это есть «революція безкровная, но величайшая, сначала въ маленькомъ кругѣ уѣзда, потомъ губерніи, Россіи, всего міра»; на самомъ дѣлѣ онъ вѣдь только слѣ-

доваль глубокому и вѣрному чутью животной жизни: и свиные хлѣвушки, и дѣтская, и конный заводъ, и пчельникъ и винокурня, и конторскія книги Софьи Андреевны—всѣ эти «незримыя и зримыя усилія» суть покорное волѣ природы свиваніе гиѣзда, благолѣпное *домостроительство*.

И прежде всего, тутъ великая и простая любовь къ жизни, та вѣчно дѣтская радость жизни, которая была и у Гете. «Левъ Николаевичъ, рассказываетъ Берсъ, ежедневно похвалить день за красоту его и часто прибавить»—уже совсѣмъ въ духѣ «великаго язычника»: «Какъ у Бога много богатствъ! У Него каждый день отличается чѣмъ-нибудь отъ другого».

«Чудесная жара,—пишетъ онъ Фету,—купанье, ягоды привели меня въ любимое мною состояніе умственной праздности. Я два мѣсяца не пачкалъ рукъ чернилами и сердце мыслями. Давно я такъ не радовался на міръ Божій, какъ нынѣшній годъ. Стою, разиня ротъ, люблюсь и боюсь двинуться, чтобы не пропустить чего». И это—самые для него тяжкіе, страшные годы, когда онъ думалъ о самоубійствѣ, замышлялъ «Исповѣдь».

Можетъ-быть, никогда не былъ онъ болѣе естественнымъ, похожимъ на себя, достойнымъ кисти великаго художника, такимъ, какъ создалъ его Богъ, чѣмъ на башкирскомъ праздникѣ, о которомъ рассказываетъ Берсъ. Черезъ Мухамедъ-Шаха Рамановича было объявлено, что графъ Толстой устраиваетъ у себя въ самарскомъ имѣніи скачку на 50 верстъ. Заготовлены были призы: быкъ, лошадь, ружье, часы, халатъ и т. п. Выбрали ровную мѣстность, опахали и измѣрили огромный кругъ въ пять верстъ длиною, и на немъ разставили знаки. Для угощенія были заготовлены бараны и даже одна лошадь. Къ назначенному дню съѣхалось нѣсколько тысячъ народу: уральскіе казаки и русскіе мужики, башкиры и киргизы со своими кочевками, кумысомъ, котлами и даже баранами. Дикая степь, покрытая ковылемъ, уставилась рядомъ кочевокъ и оживилась пестрою толпой. На коническомъ возвышеніи, называемомъ по-мѣстному «шишка», были разостланы ковры и войлоки, и на нихъ

кружкомъ разсѣлись башкиры, съ поджатыми подъ себя ногами. Въ серединѣ круга изъ большого турсука молодой башкиръ разливалъ кумысъ и подавалъ чашку по очереди сидѣвшимъ. Это шла круговая. Пиръ длился два дня, былъ веселье, но вмѣстѣ съ тѣмъ важенъ и благопристойнонь, потому что Левъ Николаевичъ умѣлъ «даже въ толпѣ,—замѣчаетъ Берсъ,—поселить уваженіе къ благопристойности».

Какой незапамятно - древнею, пастушескою идилліей вѣетъ отъ этого праздника подъ степнымъ небомъ, надъ волнами степного ковыля!

Еще и теперь въ лицѣ семидесятилѣтняго Толстого, въ этомъ суровомъ и чувственномъ, почти грубомъ, мужичьемъ и все-таки нѣжно-одухотворенномъ лицѣ, которое напрасно онъ самъ и другіе стараются сдѣлать современнымъ, смиреннымъ, покаяннымъ и безплотнымъ, узнаю я иную, не безплотную, святость, благолѣпную величавость одного изъ древнихъ патріарховъ, которые водили стада свои между колодцами пустыни и радовались потомству своему, болѣе многочисленному, чѣмъ песокъ морской.

«Я предпринялъ большія дѣла,—говоритъ онъ въ «Исповѣди» словами Екклесіаста,—построилъ себѣ дома, насадилъ себѣ виноградники; устроилъ себѣ сады и рощи и насадилъ въ нихъ всякія плодовые деревья; сдѣлалъ себѣ водоемы для орошенія изъ нихъ рощъ, произрастающихъ деревья; пріобрѣлъ себѣ слугъ и служанокъ, и домочадцы были у меня; также крупнаго и мелкаго скота было у меня больше, нежели у всѣхъ бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ. И сдѣлался я великимъ и богатымъ. И мудрость моя пребывала со мною. Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывалъ имъ, не возбранялъ сердцу моему никакого веселья».

Однажды графъ Соллогубъ сказалъ Льву Николаевичу:
— Какой вы счастливецъ, дорогой мой! Судьба дала вамъ все, о чемъ только можно мечтать: прекрасную семью, милую, любящую жену, всемірную славу, здоровье—все.

Въ самомъ дѣлѣ если не внутри, то извнѣ, это—самая счастливая человѣческая жизнь въ наше время.

«Если бы пришла волшебница,—признается онъ самъ,—и предложила мнѣ исполнить мое желаніе, я бы не зналъ, что сказать».

И вотъ, достигнувъ этой вершины возможнаго людямъ благополучія, онъ заглядываетъ въ противоположную «вечернюю долину», какъ будто боги, наконецъ, позавидовавъ слишкомъ счастливому смертному, напомнили ему, не потрясающимъ голосомъ бѣды или утраты, а тихимъ шопотомъ парки, что и надъ нимъ есть рокъ.

Онъ «будто жилъ-жилъ, шелъ-шелъ, и пришелъ къ пропасти, и ясно увидалъ, что впереди ничего нѣтъ, кромѣ гибели». Понялъ, какъ царь Соломонъ, что все—суета и томленіе духа, и что мудрый умираетъ наравнѣ съ глупымъ.

«Я испытывалъ ужасъ передъ тѣмъ, что ожидаетъ меня: зналъ, что этотъ ужасъ ужаснѣе самого положенія, но не могъ терпѣливо ожидать конца... Ужасъ тьмы былъ слишкомъ великъ и я хотѣлъ поскорѣе избавиться отъ него петлей или пулей».

Прежде чѣмъ говорить объ этомъ послѣднемъ поворотѣ жизни, перевалѣ, съ котораго начинается спускъ въ «вечернюю долину», надо сказать о чувствѣ, которое всегда было въ немъ столь же сильно, какъ любовь къ жизни, можетъ-быть, потому, что оно было только обратной стороною этой любви, — о страхѣ смерти.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

«Я жалѣю тѣхъ, кто придаетъ большое значеніе смертности всего существующаго и теряется въ созерцаніи ничтожества всего земного: да мы вѣдь и живемъ именно для того, чтобы *преходящее дѣлать непреходящимъ*, что можетъ быть достигнуто лишь тогда, если мы сумѣемъ оцѣнить и то, и другое, то-есть и смертное, и бессмертное». Это слова Гете (*Maximen und Reflexionen*, II).

Въ заключеніи Фауста говоритъ онъ о томъ же, почти тѣми же словами, еще короче и яснѣе:

Alles Vergängliche
Ist nur ein Gleichniss.

«Все проходящее есть только подобіе» — есть только образъ, только символъ. Мы должны *соединять*—Гете говоритъ оцѣнивать и то, и другое, *beides schätzen*—должны соединять (*συμβάλλειν*) — отъ котораго произошло *Συμβόλον* — символъ—значить: сливать, спаивать, соединять), мы должны соединять смыслъ невѣчнаго съ вѣчнымъ, мы должны, не унижая проходящаго, смертнаго, созерцать въ немъ и сквозь него бессмертное, непреходящее; мы не можемъ иначе достигнуть неземного, какъ понявъ и полюбивъ земное до конца, до его послѣднихъ предѣловъ, не презирая, не ужасаясь ничтожеству земного; мы должны помнить, что нѣтъ у насъ иныхъ путей восхожденія, иныхъ ступеней къ Богу, кромѣ «подобій», «явленій», «символовъ»—не безплотныхъ и не безкровныхъ, а облеченныхъ въ самую живую плоть и кровь.

Ибо таинство нашего Бога не есть таинство только духа и слова, но также плоти и крови, ибо Слово наше стало Плоть. «Кто не ѣсть Мою плоть и не пьетъ Мою кровь, тотъ не имѣетъ жизни вѣчной». Итакъ, не безъ плоти, а черезъ плоть къ тому, что за плотью: тутъ величайшій символъ, величайшее соединеніе—о, сколь не многимъ еще доступное!

Это слово Гете о святости всего земного, преходящаго, о нетлѣннѣи тлѣннаго—лучшій отвѣтъ на отчаяніе и ужасъ, на тѣ слова Сакья-Муни и Екклезіаста о тлѣнности всего сущаго, о нирванѣ, о суетѣ суетъ, которыя Л. Толстой приводитъ въ «Исповѣди», какъ самое глубокое выраженіе своего собственнаго отчаянія.

Не удивительно ли: древніе эллины и новый эллинъ, Гете ужъ, конечно, не менѣе любили землю, земныя радости, чѣмъ царь Соломонъ и Левъ Толстой. Но страхъ смерти не уничтожалъ для нихъ смысла этихъ радостей—напротивъ: самая черная тьма и ужасъ бездны еще увеличивали прелесть жизни, подобно тому, какъ самый черный бархатъ увеличиваетъ блескъ алмазовъ. Они не отворачивались отъ этой тьмы, а какъ будто нарочно желали, искали ее, чтобы побѣдить. Трагедія, дерзновеннѣйшее и глубочайшее созерцаніе всего, что только есть въ человѣческой судьбѣ наиболѣе темнаго и роковаго, не случайно создана была въ самую лучезарную пору эллинской жизни. Отчаяніе Эдипа, не угадавшаго загадки Сфинкса, безпредѣльнѣе отчаянія Сакья-Муни и царя Соломона. А между тѣмъ, именно здѣсь, въ виду Пареенона въ самомъ радостномъ изъ всѣхъ когда-либо людьми воздвигнутыхъ зданій, въ театрѣ бога вина и сладострастья, бога Діониса, самые счастливые изъ смертныхъ наслаждались этимъ послѣднимъ ужасомъ и отчаяніемъ. «Не существуетъ ли,—спрашиваетъ Ницше,—особая склонность души ко всему жестокому, загадочному, что только есть въ бытіи, происходящая изъ жажды наслажденій, изъ бьющаго черезъ край здоровья, изъ *полноты* жизни? особая искушающая отвага самаго остраго взгляда, которая требуетъ ужаснаго, какъ врага, какъ достойнаго врага, въ борьбѣ съ которымъ можно помѣриться силами?»

Трагедія воли — «Прометей», трагедія мысли—«Фаустъ» именно и были такими вызовами, полными «искушающей отваги», *versucherische Tapferkeit*—страху смерти, тайнѣ жизни. Только самые сильные изъ сильныхъ, самые трезвые изъ трезвыхъ могутъ безнаказанно испытывать это упоеніе ужасомъ, о которомъ говоритъ и Пушкинъ, сильнѣйшій и разумнѣйшій изъ русскихъ людей:

Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ,
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы.
Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья
.
И такъ—хвала тебѣ, чума!
Намъ нестрашна могилы тьма;
Насъ не смутитъ твое призванье!

Когда является чрезмѣрный страхъ этой «могильной» тьмы—слишкомъ ясное и отрезвляющее сознаніе плотской тлѣнности, ничтожества всего земного, то это первый признакъ того, что именно божественные родники извѣстной культуры уже истощены или отравлены, что сила жизни идетъ въ ней на убыль.

Повидимому, отчаяніе Софокла въ «Эдипѣ» похоже на отчаяніе Соломона въ Екклесіастѣ; на самомъ дѣлѣ это два противоположныхъ полюса. Одно—подъемъ, другое—спускъ; одно—начало, другое—конецъ. Въ «Лалитавистарѣ» Будды, въ «Екклесіастѣ» Соломона слышится голосъ не воскресающаго духа, а лишь умирающей плоти. Въ тоскѣ пресыщенныхъ эпикурейцевъ, въ *taedium vitae* римскаго упадка, въ философскомъ черепѣ среди розъ и кубковъ пиршественной трапезы есть грубая, чуждая эллинскому духу и плоти, плотскость, старческій матеріализмъ обездушенной, обезбоженной культуры. Вѣдь самое чистое, совершенное христіанство такъ же довѣрчиво къ жизни, безстрашно къ смерти.

такъ же умѣсть преходящее дѣлать непреходящимъ, какъ совершенное эллипство. Пусть лиліи полевая завтра увянутъ и будутъ брошены въ огонь, все-таки сегодня сыны царствія Божія радуются тому, что «и царь Соломонъ во славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ». Улыбка Франциска Ассизскаго, поющаго гимнъ солнцу, послѣ крестныхъ мукъ Альвернскаго видѣнія, напоминаетъ улыбку Софокла, поющаго гимнъ богу вина и веселья, богу Діонису, послѣ кровавыхъ ужасовъ Эдиповой трагедіи. И здѣсь и тамъ — младенческая ясность, тишина послѣдней мудрости. Только остановившіеся на полпути, уже не прежніе, еще не будущіе, отставшіе отъ одного берега и непроставшіе къ другому безысходно «теряются, по слову Гете, въ созерцаніи земного ничтожества». Чрезмѣрный страхъ смерти почти всегда служитъ показателемъ религіознаго безсилія и религіозной бездарности.

Въ «Дѣтствѣ» Л. Толстой описываетъ впечатлѣнія ребенка отъ смерти матери. Онъ смотритъ на нее, лежащую въ гробу.

«Я не могъ повѣрить, чтобы это было ея лицо. Я сталъ вглядываться въ него пристальнѣе и малу-по-малу сталъ узнавать въ немъ знакомыя, милыя черты. Я вздрогнулъ отъ ужаса, когда убѣдился, что это была она; но отчего закрытые глаза такъ впали? отчего эта страшная блѣдность и на одной щекѣ черноватое пятно подъ прозрачною кожей?»

«...Панихида кончилась; лицо покойницы было открыто, и всѣ присутствующіе, исключая насъ, одинъ за другимъ, стали подходить къ гробу и прикладываться... Одна изъ послѣднихъ подошла проститься съ покойницей какая-то крестьянка съ хорошенькою пятилѣтней дѣвочкой на рукахъ, которую, Богъ знаетъ зачѣмъ, она принесла сюда. Въ это время я нечаянно уронилъ свой мокрый платокъ и хотѣлъ поднять его; но только что я нагнулся, меня поразилъ страшный пронзительный крикъ, исполненный такого ужаса, что, проживи я сто лѣтъ, я никогда его не забуду и когда вспомню, всегда пробѣжитъ холодная дрожь по моему тѣлу. Я поднялъ голову—на табуретѣ, подлѣ гроба, стояла та же крестьянка

и съ трудомъ удерживала въ рукахъ дѣвочку, которая, отмахиваясь ручонками, откинувъ назадъ испуганное личико и уставивъ выпученные глаза на лицо покойницы, кричала страшнымъ, неистовымъ голосомъ. Я вскрикнулъ голосомъ, который, я думаю, былъ еще ужаснѣе того, который поразилъ меня, и выбѣжалъ изъ комнаты».

Можно сказать, что тотъ безумный крикъ никогда съ тѣхъ поръ не умолкалъ въ произведеніяхъ Л. Толстого. Душу цѣлаго поколѣнія заразилъ онъ своимъ ужасомъ. Если въ наше время люди боятся смерти, съ такой постыдной судорогой, какой еще никогда не бывало, если у всѣхъ насъ, въ глубинѣ сердца, въ крови и въ плоти есть эта «холодная дрожь», до мозга костей пробирающій ознобъ, о которомъ Данте говоритъ по поводу грѣшниковъ, замерзшихъ въ адскомъ озерѣ: «тогда прошелъ по мнѣ ознобъ, онъ и теперь по мнѣ, какъ вспомню ихъ, проходитъ», то, въ значительной мѣрѣ, мы этимъ всѣмъ обязаны Л. Толстому.

Онъ заимствовалъ, впрочемъ, рассказъ о смерти матери Николая Иртеньева не изъ собственныхъ воспоминаній: мать Льва Николаевича умерла, когда ему было года три; помнить ее не могъ онъ и при смерти ея не присутствовалъ. Повидимому, однако, въ рассказѣ героя «Дѣтства» онъ изображаетъ съ такою ужасающею, почти циническою, отталкивающею правдою страхъ смерти, врожденный въ него, въ такой мѣрѣ ему одному свойственный, пробудившійся въ немъ съ первыми проблесками сознанія и съ тѣхъ поръ никогда его не покидавшій.

Много лѣтъ спустя, уже въ пору возмужалости, при полномъ свѣтѣ сознанія, находитъ онъ въ душѣ своей тотъ же самый страхъ и такъ же передъ нимъ безпомощенъ или даже еще болѣе, чѣмъ въ дѣтствѣ.

Фету изъ Гіера, близъ Ниццы, 17 октября 1860 года, пишетъ онъ о смерти брата Николая:

«20 сентября онъ скончался на моихъ рукахъ, въ буквальномъ смыслѣ слова. Никогда въ жизни ничто не производило на меня такого впечатлѣнія. Онъ былъ правъ, когда говорилъ мнѣ, что ничего нѣтъ хуже смерти, и если подумать,

что, въ концѣ-концовъ, смерть есть неизбѣжный конецъ всего живущаго, то приходится сознаться, что нѣтъ ничего хуже самой жизни. Къ чему всѣ заботы, если, въ концѣ-концовъ, отъ того, чѣмъ былъ иѣкогда Никлай Николаевичъ Толстой, ничего не остается? Онъ никогда не говорилъ, что чувствуетъ близость смерти, и, однако, я знаю, что онъ слѣдилъ за нею шагъ за шагомъ и прекрасно зналъ, сколько времени ему еще остается жить. За нѣсколько минутъ до смерти онъ задремалъ. Вдругъ онъ вскочилъ и съ ужасомъ прошепталъ: «Что это?» *Онъ увидѣлъ свой переходъ въ ничто.* Но если и онъ не зналъ, за что удержаться, что же я найду? Конечно, еще меньше».

Въ этомъ письмѣ, удивительномъ и ужасномъ своей искренностью, болѣе всего поражаетъ простодушный, безсознательный и до послѣдней, цинической грубости обнаженный матеріализмъ, бездушная плотскость. Никакого колебанія, никакого возможнаго вопроса и сомнѣнія въ томъ, что смерть есть «переходъ въ ничто»—даже никакой тайны. Ужасъ безысходный, бесплодный, бессмысленно уничтожающій, иссушающій самые родники жизни. Это какъ еретики-жидовствующіе, русскіе нигилисты XV вѣка, говаривали: «А что то царство небесное? А что то второе пришествіе? А что то воскресеніе мертвыхъ? Ничего того нѣсть. Умеръ кто — инъ по та мѣста и былъ». Или, какъ выражается дядя Ерощка: «Умру — трава вырастетъ». Глухая стѣна, русская «глухая нѣтовщина».

Черезъ двадцать пять лѣтъ, уже долго спустя послѣ своего христіанскаго обращенія, выразилъ онъ это же самое чувство животнаго, бессмысленнаго ужаса въ «Смерти Ивана Ильича»:

«Онъ оставался опять одинъ съ нею. Съ глазу на глазъ съ нею; а дѣлать съ нею — нечего. Только смотрѣть на нее и холодѣть».

Мы знаемъ, что въ теченіе всей своей жизни, во многихъ случаяхъ дѣйствительной опасности, Л. Толстой отличался мужествомъ тѣлеснымъ, даже отвагою. Ему былъ почти пріятель свистъ пуль на страшномъ четвертомъ бастіонѣ въ Севастополѣ: онъ наслаждался тѣмъ, что побѣждалъ страхъ

смерти силою жизни. Всего менѣе думалъ онъ также о смерти, когда однажды, въ Пятигорской станицѣ, въ упоръ стрѣлялъ въ бѣшенаго волка, или когда на охотѣ лежалъ подѣ медвѣдицею, которая едва не смяла его и не содрала ему кожу съ черепа, такъ что «надѣ глазами лохмотьями висѣло мясо», и на снѣгу было столько крови, «точно барана зарѣзали», а онъ, поднявшись изъ-подъ звѣря, забывъ раны, не чувствуя боли, только весь трясся и кричалъ въ охотничьей ярости; тоже сильно напоминающей дядю Ерошку: «гдѣ медвѣдь? куда ушелъ?»

Нѣтъ, страхъ смерти происходитъ въ немъ вовсе не изъ тѣлесной робости: этотъ страхъ, иногда, можетъ-быть, доходящій до трусости, — болѣе внутренній, глубокой и, въ первомъ источникѣ своемъ, несмотря на всю животность, все-таки отвлеченный, — такъ сказать, метафизическій.

И тѣмъ больше пугаютъ эти внезапные черные провалы, что они встрѣчаются въ душѣ его и въ произведеніяхъ рядомъ съ величайшею любовью къ жизни: это какъ будто тѣ обманчивыя болотныя *окна*, которыя сверху покрыты самою зеленою, свѣжею травою, самыми яркими цвѣтами и манятъ издали путника, но только что нога его ступаетъ на нихъ, онъ проваливается, и тина засасываетъ его.

Что же это за чуть видимый волосокъ, отъ котораго всѣ колеса машины вдругъ соскакиваютъ съ осей, и гармонія превращается въ хаосъ? Откуда эта капля яда, которая отравляетъ ему душу, такъ что сладчайшій медъ жизни становится полынью?

Вспоминая свои ребяческія «умствованія», уничтожившія въ немъ, какъ онъ выразился, «свѣжесть чувства и ясность разсудка», уже и тогда приводившія его къ болѣзненному страху смерти, вслѣдствіе котораго онъ то въ буддійскомъ покаяніи стегалъ себя по голой спинѣ веревкою, то, въ Соломоновской безнадежности, бросая уроки, ѣлъ пряники съ кроновскимъ медомъ, — причина этихъ умствованій находитъ онъ самъ въ «неестественно развившемся сознаніи». Дѣйствительно, изслѣдуя внутреннюю жизнь Л. Толстого на всемъ ея протяженіи, нельзя не притти къ выводу, что между

сознательной и бессознательной стороной его духовнаго развитія существуетъ несоотвѣтствіе, неравновѣсіе. Едва ли, однако, это несоотвѣтствіе заключается именно въ чрезмѣрной силѣ сознанія. Мы, по крайней мѣрѣ, имѣли случай наблюдать, что и гораздо большая сила сознанія, чѣмъ у Л. Толстого, напримѣръ, у Гете, гармоническаго строя душевной и умственной жизни вовсе не нарушала, скорѣе даже увеличивала. Нѣтъ, не въ чрезмѣрности сознанія заключается одна изъ важнѣйшихъ причинъ надломленности, болѣзненности въ нравственномъ и религіозномъ развитіи Л. Толстого, а, напротивъ—въ недостаткѣ, въ незавершенности сознанія. Оно у него чрезвычайно острое или, во всякомъ случаѣ, изоощренное, напряженное, но не всеобъемлющее, не всепроникающее. Оно свѣтитъ ярко, но не изнутри, какъ солнце изъ-за прозрачнаго воздуха, насквозь пронизаннаго имъ, а извнѣ, какъ маякъ свѣтитъ на темную поверхность моря. Сколь ни ярки и ни длинны лучи этого маяка-сознанія, бессознательная стихійная жизнь въ немъ такъ бездонно-глубока, что все-таки остается въ ней послѣдній, какъ бы подводный мракъ, ни для какихъ лучей непроницаемый. А главное то, что его сознаніе развивалось не только извнѣ, отдѣльно, не только въ другомъ, но и въ совершенно противоположномъ направленіи, чѣмъ его бессознательная жизнь, такъ что всегда въ немъ было какъ будто два человѣка, и всегда одинъ изъ нихъ желалъ желать того, чего другой не желалъ. Это внутреннее разногласіе, раздвоеніе—подобно сначала едва видимой, но мало-по-малу углубляющейся трещинѣ колокола, которая даетъ ложный звукъ: чѣмъ громче, могущественнѣе гулъ колокола, тѣмъ назойливый, дребезжащій звукъ все мучительнѣе, все болѣзненнѣе.

Припадокъ страха смерти, который въ концѣ семидесятихъ годовъ едва не довелъ его до самоубійства, какъ мы уже знаемъ, былъ не первымъ и, кажется, не послѣднимъ, во всякомъ случаѣ—не единственнымъ. Нѣчто подобное испыталъ онъ пятнадцать лѣтъ назадъ при смерти брата Николая. Тогда онъ чувствовалъ себя больнымъ и предполагалъ въ себѣ ту же болѣзнь, отъ которой умеръ братъ—чахотку. Въ

груди и въ боку была постоянная боль. Онъ долженъ былъ уѣхать лѣчиться въ степь на кумысь и, дѣйствительно, вылѣчился.

Прежде эти обычные припадки душевнаго или тѣлеснаго недуга залѣчивались въ немъ не какими-либо умственными или нравственными переворотами, а просто силою жизни, ея избыткомъ и опьянѣніемъ. Оленинъ, при мысли о смерти, такъ же, какъ Левъ Толстой подъ севастопольскими ядрами, сознаетъ въ себѣ «присутствіе всемогущаго бога молодости».

Почему же именно этотъ переворотъ конца семидесятыхъ годовъ имѣлъ для него такое рѣшающее, какъ будто единственное значеніе? Самъ онъ объясняетъ это причинами духовными. Но не было ли и здѣсь такъ же, какъ въ прежнихъ переворотахъ, и причинъ тѣлесныхъ? Не было ли особаго чувства, свойственнаго людямъ въ предстарческіе годы, когда они ощущаютъ всѣмъ своимъ не только духовнымъ, но и плотскимъ составомъ, что до сихъ поръ шли въ гору, а теперь начинаютъ спускаться подъ гору?

«Пришло время,—говоритъ онъ въ «Исповѣди», объ этомъ именно времени своей жизни, о началѣ своихъ шестидесятыхъ годовъ,—когда ростъ во мнѣ прекратился, я почувствовалъ, что не развиваюсь, а ссыхаюсь, мускулы мои слабѣютъ, зубы падаютъ».

Тутъ слышится глубоко-плотская, почти анакреоновская жалоба, хотя безъ анакреоновской ясности:

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри—честь главы моей,
Въ деснахъ зубы ослабѣли,
И потухъ огонь очей.

Точно такъ же Левинъ ночью, одинъ въ номерѣ скверной гостиницы, гдѣ умираетъ братъ его Николай—смерть Николая Левина весьма напоминаетъ смерть Николая Толстого—охваченный этимъ ощущеніемъ приближающейся старости, этимъ животнымъ ужасомъ, подобнымъ ознобу, пробирающему до мозга костей, вдругъ понимаетъ всѣмъ тѣлеснымъ составомъ, «что все кончится, что—смерть».

«Онъ зажегъ свѣчу и осторожно всталъ и пошелъ къ зеркалу и сталъ смотрѣть свое лицо и волосы... Да, въ вискахъ были сѣдые волосы. Онъ открылъ ротъ. Зубы задніе начинали портиться. Онъ обнажилъ свои мускулистыя руки. Да, силы много. Но и у Николеньки, который тамъ дышитъ остатками легкихъ, тоже здоровое тѣло».

«Что такое значить: идетъ жизнь?—пишетъ Л. Толстой въ 1894 году,—идетъ жизнь значить: волосы падаютъ, зубы портятся, морщины, запахъ изо рта. Даже прежде, чѣмъ все кончится, все становится ужаснымъ, отвратительнымъ, видны размазанная румяна, бѣлила, потъ, вонь, безобразіе. Гдѣ же то, чему я служилъ? Гдѣ же красота? А она—все. А нѣтъ ея — ничего нѣтъ. Нѣтъ жизни».

Въ томъ письмѣ отъ 1881 года, въ которомъ гр. Софья Андреевна увѣряетъ брата что Левъ Николаевичъ совершенно измѣнился, «сталъ христіанинъ самый искренній и твердый», она также сообщаетъ, что онъ, «посѣдѣлъ, *ослабъ здоровьемъ* и сталъ тише, унылѣе, чѣмъ былъ».

Въ высшей степени замѣчательна эта сквозъ всю его жизнь проходящая связь духовныхъ переворотовъ съ прибылью и убылью, приливами и отливами тѣлеснаго здоровья, силы—сѣдѣющими волосами, морщинами, испорченными зубами, запахомъ изо рта, ссохшимися мускулами.

Отлетѣлъ «всемогуцій богъ молодости». Исчезло опьянѣніе жизнью. «Можно жить,—признается онъ,—только пока куда пьянъ жизнью; а какъ протрезвишься, то нельзя не видѣть, что все это—только обманъ, и глупый обманъ. Не нынче—завтра придутъ болѣзни, смерть на любимыхъ людей, на меня, и ничего не останется, кромѣ смрада и червей».

Разногласіе, раздвоеніе его сознательной и безсознательной жизни, эта сперва чуть замѣтная трещина, постепенно углубляясь, превратилась, наконецъ, въ ту зіяющую «пропасть», о которой онъ говоритъ въ «Исповѣди», и дойдя до которой, онъ «ясно увидѣлъ, что впереди ничего нѣтъ, кромѣ гибели».

«И что было хуже всего—это то, что *она*, смерть, отвлекла его (Ивана Ильича) къ себѣ не за тѣмъ, чтобы онъ дѣлалъ

что-нибудь, а только для того, чтобы онъ смотрѣлъ на нее, прямо ей въ глаза, смотрѣлъ на нее и, ничего не дѣлая, невыразимо мучился». И онъ оставался «одинъ съ нею. Съ глазу на глазъ съ нею; а дѣлать съ нею нечего. Только смотрѣть на нее и холодѣть».

«И, спасаясь отъ этого состоянія, онъ искалъ утѣшенія, другихъ ширмъ, и другія ширмы являлись и на короткое время спасали его, но тотчасъ же опять не столько разрушались, сколько просвѣчивали, какъ будто она проникала черезъ все, и ничто не могло заслонить ее».

Тогда наступилъ тотъ послѣдній ужасъ, который былъ такъ великъ, что «онъ хотѣлъ поскорѣе избавиться отъ него петлей или пулей».

Тертуллианъ утверждаетъ, что человѣческая душа, «по своей природѣ—христіанка». Но всѣ ли души христіанки? Не рождаются ли нѣкоторыя изъ нихъ язычниками? Кажется, именно у Л. Толстого такая душа—«урожденная язычница».

Если бы глубина его сознанія соотвѣтствовала глубинѣ его стихійной жизни, онъ понялъ бы, наконецъ, что ему нечего бояться и стыдиться своей души-язычницы, что она дана ему Богомъ, и своего Бога, свою вѣру нашель бы въ безстрашной, безконечной любви къ себѣ такъ же, какъ люди съ душами, по природѣ своей—христіанками, находятъ своего Бога въ безконечномъ самопожертвованіи и самоотреченіи.

Но, вслѣдствіе глубокаго несоотвѣтствія, неравновѣсія между его сознаніемъ и бессознательной стихіей, ему оставалось одно изъ двухъ: или подчинить свое сознаніе своей стихіи, что онъ и дѣлалъ въ первой половинѣ жизни; или, наоборотъ, свою стихію—своему сознанію, что онъ попытался сдѣлать во второй половинѣ жизни; и въ послѣднемъ случаѣ онъ долженъ былъ неминуемо притти къ выводу, что всякая любовь къ себѣ, всякая жизнь и развитіе обособленной личности есть нѣчто плотское, животное, а слѣдовательно, преступное, злое, бѣсовское, то, чему не слѣдуетъ быть, и уничтоженіе чего есть высшее, единственное благо. Дѣйствительно, онъ и дошелъ до этого вывода, рѣшилъ до конца возненавидѣть и погубить душу свою, чтобы спасти ее. Когда онъ

писаль «Исповѣдь», ему казалось, что онъ уже этого окончательно достигъ, что онъ открылъ совершенную истину, и что больше искать нечего. Въ заключительныхъ страницахъ обличаетъ онъ и судить уже не себя, а только другихъ, называетъ всю человѣческую культуру «баловствомъ», людей принадлежащихъ къ ней—«паразитами». Онъ прямо говоритъ: «я возненавидѣлъ себя... теперь мнѣ все ясно стало».

Но черезъ три-четыре года послѣ «Исповѣди» это «ясное» мало-по-малу снова замутилось и запуталось.

Уже въ 1882 году, во время московской переписи и послѣ осмотра Ляпинскаго ночлежнаго дома, когда убѣждалъ онъ знакомыхъ своихъ, богатыхъ людей, соединиться, чтобы посредствомъ частной христіанской благотворительности спасти сначала Москву, потомъ Россію, наконецъ, все человѣчество,—совѣсть его была не спокойна. Напряженность, неуверенность, дребезжащій ложный звукъ надтреснутаго колокола слышится въ этомъ призывѣ, столь не простомъ, написанномъ на столь не свойственномъ Льву Толстому языкѣ, напоминающемъ слогъ растопчинскихъ афишъ двѣнадцатаго года: «давайте мы, по-дурацки, по-мужицки, по-крестьянски, по-христіански, налегнемъ народомъ, не поднимемъ ли. Дружнѣй, братцы, разомъ».

Когда, собирая деньги для бѣдныхъ, излагалъ онъ въ знакомыхъ домахъ свой новый планъ спасенія міра, ему казалось, что слушателямъ становится неловко: «имъ было какъ будто совѣстно, и преимущественно за меня, за то, что я говорю глупости, но такія глупости, про которыя никакъ нельзя прямо сказать, что это глупости. Какъ будто какая-то внѣшняя причина обязывала слушателей потакать этой моей глупости». И послѣ рѣчи въ Думѣ, разговаривая съ руководителями переписи, опять почувствовалъ онъ, что они говорили ему взглядами: «вѣдь вотъ смазали, изъ уваженія къ тебѣ, твою глупость, а ты опять съ ней лѣзешь!»

Наконецъ величайшая и новая, какъ онъ полагалъ, истина о томъ, что частная благотворительность—вздоръ, открылась ему изъ самаго простаго ариѳметическаго расчета. Однажды вечеромъ, въ субботу, плотникъ Семень, съ кото-

рымъ Левъ Николаевичъ пилилъ дрова, подходя къ Дорогомиловскому мосту, подалъ старику-нищему три копейки и спросилъ двѣ копейки сдачи. Старикъ показаль на рукѣ двѣ трехкопеечныя и одну копейку. Семень посмотрѣль, хотѣль взять копейку, но потомъ раздумаль, сняль шапку, перекрестилъ и прошель, оставивъ старику три копейки.

У Семена, какъ извѣстно было Льву Николаевичу, сбереженіе равнялось 6 рублямъ 50 копейкамъ, а у него, Льва Николаевича, 600 тысячъ рублей. «Семень,—подумаль онъ,—далъ 3 копейки, а я 20. Чтò же далъ онъ и чтò я. Чтò бы я долженъ былъ дать, чтобы сдѣлать то, что сдѣлаль Семень? У него было 600 копеекъ, онъ далъ изъ нихъ одну и потомъ еще двѣ. У меня было 600 тысячъ. Чтòбъ дать то, что Семень, мнѣ надо дать 3.000 рублей и просить 2.000 сдачи и если бы не было сдачи, оставить и эти двѣ тысячи старику, перекреститься и пойти дальше, спокойно разговаривая о томъ, какъ живутъ на фабрикахъ, и почему печенка на Смоленскомъ».

Нельзя было не сдѣлать послѣдняго потрясающаго вывода изъ этого расчета:

«Я дамъ 100 тысячъ и все не стану въ то положеніе, въ которомъ можно дѣлать добро, потому что у меня еще останутся 500 тысячъ. Только когда у меня *ничего не будетъ*, я въ состояніи дѣлать хоть маленькое добро. То, что съ перваго раза сказалось мнѣ при видѣ голодныхъ и холодныхъ у Ляпинскаго дома, именно то, что я виновать въ этомъ, и что такъ жить, какъ я живу, нельзя, и нельзя, и нельзя—это было одно правда».

Все зданіе, воздвигнутое съ такою мукою, съ такимъ отчаяннымъ напряженіемъ силъ, сразу обвалилось, рухнуло—и снова пришлось ему обличать себя и всенародно каяться:

«Я весь разслабленный, ни на что негодный паразить. И я, та вошь, пожирающая листь дерева, хочу помогать росту и здоровью этого дерева и хочу лѣчить его».

Только теперь, казалось ему, поняль онъ слово Христа: тотъ, кто не оставитъ всего—и дома, и дѣтей, и полей—для того, чтобы итти за Нимъ, тотъ не Его ученикъ.

И новый переворотъ, повое перерожденіе совершилось въ немъ.

Ему стало ясно, что онъ не только не «возненавидѣлъ себя» и не нашель истины, какъ думалъ, когда писалъ «Исповѣдь», но и не начиналъ ее искать. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увѣрился, что на этотъ разъ уже окончательно и навсегда все стало для него яснымъ и осуществленіе новой истины казалось ему простымъ: «стоитъ только человѣку не желать имѣть земли и денегъ», чтобы войти въ Царствіе Божіе. Онъ убѣдился, что зло, отъ котораго міръ погибаетъ—собственность—«не есть законъ судьбы, воля Бога или историческая необходимость, а есть суевѣріе, нисколько не сильное и не страшное, а слабое и ничтожное», и что освободиться отъ этого суевѣрія, разрушить его такъ же легко, какъ «разрушить слабую паутину».

И онъ рѣшилъ исполнить заповѣдь Христа, покинуть все—и домъ, и дѣтей, и поля, раздать свои 600 тысячъ и сдѣлаться нищимъ, чтобы имѣть право дѣлать добро.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

«Многіе подумаютъ,—замѣчаетъ въ своихъ «Воспомяніяхъ» братъ графини Софьи Андреевны Толстой,—что я умолчалъ, конечно, о томъ, что было бы не въ пользу Льва Николаевича. Но это предположеніе не вѣрно, потому что даже нѣтъ ничего такого, что приходилось бы скрывать отъ постороннихъ».

Вотъ смѣлыя слова. Мы вѣдь знаемъ, что у величайшихъ святыхъ и подвижниковъ были минуты паденія и слабости. У самаго вѣрнаго изъ учениковъ Господнихъ было на душѣ предательство. Но, впрочемъ, г. Берсу и книги въ руки; онъ пишетъ не жизнь, а житіе.

Удивительнѣе подобное признаніе въ устахъ самого Л. Толстого, который, по свидѣтельству слышавшаго, часто говоритъ въ послѣднее время: «у меня ни отъ кого на свѣтѣ нѣтъ никакихъ тайнъ! Пусть всѣ знаютъ, что я дѣлаю!»

Слова необычайныя. Кто же этотъ, дерзнувшій сказать: «я ничего не стыжусь»? Человѣкъ ли, безконечно презирающій людей или въ самомъ дѣлѣ святой?

Бываютъ въ жизни каждаго человѣка минуты особаго значенія, которыя соединяютъ и обнаруживаютъ весь смыслъ его жизни, опредѣляютъ разъ навсегда, кто онъ и чего стоитъ, даютъ какъ бы внутренній разрѣзъ всей его личности до послѣднихъ глубинъ ея сознательнаго и безсознательнаго,—минуты, когда вся дальнѣйшая судьба человѣка, рѣшаясь, какъ бы колеблется на остреѣ меча, готовая упасть въ ту или въ другую сторону.

Такой именно минутой въ жизни Л. Толстого было рѣшеніе раздать имущество. Но вотъ—не странно ли? Вплоть до этой минуты, мы имѣемъ самые подробные дневники его, исповѣди, покаянія, признанія, которые позволяютъ слѣдить за каждымъ движеніемъ его сознанія и совѣсти. Но тутъ они вдругъ измѣняются намъ, обрываются. Онъ, который столько говорилъ о себѣ, вдругъ умолкаетъ и—навсегда. Конечно, мы не нуждались бы ни въ какихъ признаніяхъ, если бы уже не слова, а дѣла его говорили о немъ съ достаточной ясностью. Но именно внѣшняя жизнь его, дѣла еще болѣе, чѣмъ слова, оставляютъ насъ въ недоумѣніи. Что же касается внутренней стороны его жизни, о ней мы узнаемъ только изъ намековъ, изъ немногихъ, какъ бы нечаянно вырвавшихся у него и подслушанныхъ, но едва ли понятыхъ свидѣтелями словъ, или изъ ихъ собственныхъ поверхностныхъ разсказовъ, узнаемъ нѣчто столь неожиданное и противорѣчивое, что наше недоумѣніе увеличивается.

«Объ отношеніи къ своему состоянію,—сообщаетъ Берсъ,— Левъ Николаевичъ говорилъ мнѣ, что онъ хотѣлъ избавиться отъ него, какъ отъ зла, которое тяготило его при его убѣжденіяхъ; но онъ поступалъ сначала неправильно, желая перенести это зло на другого, то-есть *непремѣнно раздать его*, и этимъ породилъ другое зло, а именно—*энергическій протестъ и большое неудовольствіе своей жены*. Вслѣдствіе этого протеста онъ предлагалъ ей перевести все состояніе на ея имя, и когда она отказалась, онъ то же, и безуспѣшно, предлагалъ своимъ дѣтямъ».

Однажды, рассказываетъ другой свидѣтель (г. Сергѣенко «Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой»), встрѣтилъ онъ на улицѣ одного знакомаго и разговорился съ нимъ. «Оказалось, что тотъ живетъ холостякомъ, обѣдаетъ, гдѣ ему нравится, и можетъ во всякое время уединиться въ Москвѣ, какъ на необитаемомъ островѣ». Разсказавъ объ этой встрѣчѣ, Левъ Николаевичъ добавилъ съ улыбкою:

— И такъ я позавидовалъ ему, что даже совѣстно сказать. Подумайте только: человекъ можетъ, *какъ ему угодно* жить, не причиняя никому страданій. Право же, это—счастіе!

Что это? Что за шутка? Что за «улыбка»? И какая недосказанная горечь въ ней?

А вотъ еще болѣе странное, даже какъ будто жуткое признаніе:

«Друга я себѣ буду искать между мужчинами. И никакая женщина не можетъ замѣнить мнѣ друга. Зачѣмъ же мы лжемъ нашимъ женамъ, что мы считаемъ ихъ нашими истинными друзьями? Вѣдь это не правда же?»

Неужели и это говорилъ онъ съ улыбкою? И это шутка? Счастливейшій семьянинъ, подобіе въ современной жизни древне-библейскихъ патріарховъ, Авраама, Исаака и Иакова, прожившій со своею супругою тридцать семь лѣтъ душа въ душу, вдругъ, въ концѣ жизни, завидуетъ свободѣ холостяка, какъ будто собственная семейная жизнь его—тайное рабство, и даетъ понять почти чужому человѣку, что онъ не считаетъ жену свою достойной имени друга.

И тотъ же самый свидѣтель, который только что прославлялъ семейное счастье Л. Толстого, тутъ же, подходя, съ легкимъ сердцемъ, съ невозмутимой ясностью, замѣчаетъ: «въ міровоззрѣніяхъ своихъ они (Левъ Николаевичъ и Софья Андреевна), однако, расходятся». Но вѣдь «мировоззрѣнія»—это самое святое, что есть у него. И если расходятся они въ этомъ, то въ чемъ же сходятся? Развѣ можно отдѣлываться отъ этого шуткою?

Еще, однако, поразительнѣе то, что сообщаетъ Берсъ о чувствахъ «переродившагося» Л. Толстого къ женѣ:

«Теперь къ женѣ своей Левъ Николаевичъ относится съ оттѣнкомъ требовательности, упрека и даже неудовольствія, обвиняя ее въ томъ, что она препятствуетъ ему раздать состояніе и продолжаетъ воспитывать дѣтей въ прежнемъ духѣ. Жена его, въ свою очередь, считаетъ себя правою и сѣтуетъ на такое отношеніе къ ней мужа. Въ ней поневолѣ развились страхъ и отвращеніе къ ученію (толстовскому), послѣдствіямъ его. Между ними даже установился тонъ взаимнаго противорѣчія, въ которомъ слышатся жалобы другъ на друга. Раздать состояніе чужимъ людямъ и пустить дѣтей по-міру, когда никто не хочетъ исполнять того же, она

не только не находить возможнымъ, но и считала своимъ долгомъ воспрепятствовать этому, какъ мать. Высказавъ мнѣ это, она со слезами на глазахъ прибавила:

«— Мнѣ теперь трудно, я все должна дѣлать одна, тогда какъ прежде была только помощницей. Состояніе и воспитаніе дѣтей—все на моихъ рукахъ. Меня же обвиняютъ за то, что я дѣлаю это и не иду просить милостыни! Неужели я не пошла бы съ нимъ, если бъ у меня не было малыхъ дѣтей? А онъ все забылъ для своего ученія».

И, наконецъ, послѣднее, уже самое неимовѣрное признаніе:

«Жена Льва Николаевича, чтобы сохранить состояніе для дѣтей, готова была просить власти объ учрежденіи опеки надъ его имуществомъ».

Опека, учреждаемая гр. Софьей Андреевной надъ Л. Толстымъ! Да вѣдь это трагедія, можетъ-быть, величайшая въ современной русской, и ужъ во всякомъ случаѣ—въ его жизни. Это и есть то острее меча, на которомъ вся судьба человѣческая, рѣшаясь, колеблется. И мы объ этомъ узнаемъ отъ случайныхъ наблюдателей, отъ праздно любопытствующихъ. И это ужасное происходитъ въ самомъ темномъ, тайномъ углу его жизни, глухо и нѣмо. Ни слова отъ него самого, который всю жизнь только и дѣлалъ, что исповѣдывался, который и теперь утверждаетъ, что ему нечего скрывать отъ людей.

Какъ же онъ, однако, вышелъ изъ этой трагедіи? Или почувствовалъ, что опять ошибся въ дѣйствительныхъ размѣрахъ силъ своихъ, что казавшееся легкимъ и простымъ—на самомъ дѣлѣ безконечно трудно и сложно, и что «суевѣріе собственности»—не «слабая паутина», а самая тяжкая изъ житейскихъ цѣпей, послѣднее звено которой въ сердцѣ, въ плоти и въ крови человѣка, такъ что вырвать его изъ сердца можно только съ плотью и кровью. Понялъ ли онъ великое и страшное слово Учителя: враги человѣку домашніе его?

Мы знаемъ, какъ поступали въ такихъ же точно случаяхъ христіанскіе подвижники прошлыхъ вѣковъ. Когда Пьетро Бернардоне, отецъ св. Франциска Ассизскаго, подалъ ели-

скопу жалобу, обвиняя сына въ томъ, что онъ расточаетъ имѣніе, хочетъ раздать его бѣднымъ, Францискъ, снявъ съ себя одежду до послѣдней рубашки, сложилъ платье вмѣстѣ съ деньгами къ ногамъ отца и сказалъ: «до сей поры называлъ я Пьетро Бернадоне отцомъ моимъ, но теперь, желая послужить Богу, возвращаю этому человѣку все, что я взялъ отъ него, и отнынѣ буду говорить: не отецъ мой Пьетро Бернадоне, а Господь, небесный мой Отецъ». И совершенно голымъ, какимъ вышелъ изъ утробы матери, прибавляетъ легенда, бросился Францискъ въ объятія Христа.

Такъ же поступилъ любимый русскимъ народомъ угодникъ, Алексѣй, Божій человѣкъ, тайно бѣжавшій изъ родительскаго дома. Такъ и донинѣ поступаютъ всѣ русскіе подвижники, пожелавшіе исполнить заповѣдь Христа: кто не покинеть и дома, и полей, и дѣтей во имя Мое, тотъ не достоинъ Меня.

Роздалъ Власъ свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ
И собирать на построение
Храма Божьяго пошелъ...
Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла.

.

Съ той поры мужикъ скитается
Вотъ ужъ скоро тридцать лѣтъ,
Подаяніемъ питается,
Строго держитъ свой обѣтъ.

Такъ вотъ, что должно было совершиться: великій писатель русской земли долженъ былъ сдѣлаться подвижникомъ русскаго народа—явленіе небывалое, единственное въ нашей культурѣ—снова найденный религіозный путь черезъ бездну, вырытую Петровскимъ преобразованіемъ между нами и народомъ.

Не даромъ взоры людей съ такою жадностью устремлены на него—не только на все, что онъ пишетъ, но еще гораздо больше на все, что онъ дѣлаетъ, на самую частную, внутреннюю, семейную и домашнюю жизнь его. Нѣтъ, тутъ не одно праздное любопытство. Тутъ слишкомъ важное для

всѣхъ насъ, для всего будущаго русской культуры. Тутъ уже никакое опасеніе быть нескромнымъ не должно насъ удерживать. Не самъ ли онъ сказалъ: «у меня нѣтъ никакихъ тайнъ ни отъ кого на свѣтѣ—пусть всѣ знаютъ, что я дѣлаю».

Что же онъ дѣлаетъ?

«Не желая противиться женѣ насиліемъ,—говоритъ Берсъ,—онъ сталъ относиться къ своей собственности такъ, какъ будто ея не существуетъ, и отказался отъ своего состоянія, сталъ игнорировать его судьбу и пересталъ имъ пользоваться, *если не считать того, что онъ живетъ подъ кровлею яснополянскаго дома*». Какъ же, однако, «если не считать»? Что это значитъ? Онъ исполнилъ заповѣдь Христа: покинулъ и домъ, и поля, и дѣтей—«если не считать того», что попрежнему остался съ ними? Онъ сдѣлался нищимъ, бездомнымъ, роздалъ свое имѣніе, если не считать того, что согласился, изъ боязни огорчить жену, сохранить свое имѣніе? И о какомъ тутъ «злѣ», о какомъ «насиліи надъ женою» идетъ рѣчь? Конечно, Христосъ насилія не проповѣдывалъ. Онъ не требовалъ, чтобы человѣкъ отнималъ имѣніе у жены и дѣтей, чтобы раздать его бѣднымъ, но онъ дѣйствительно требовалъ—и какъ точно, какъ ясно—чтобы, если нельзя человѣку освободиться иначе отъ собственности, онъ покинулъ вмѣстѣ со своими полями, домомъ, имѣніемъ и женою, и дѣтей, взялъ крестъ свой и шелъ за Нимъ, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, понялъ до конца это слово: враги человѣку домашніе его.

Но вѣдь это свѣше силъ человѣческихъ, это—возстаніе на собственную плоть и кровь? А развѣ все ученіе Христа, по крайней мѣрѣ, понятное съ одной стороны, именно такъ, какъ понимаетъ его и Толстой, не есть возстаніе на собственную плоть и кровь? Господь и не считалъ это легкимъ, не говорилъ, что отречься отъ собственности значитъ разрушить «слабую паутину». Онъ предвидѣлъ, что это—самая тяжелая цѣпь для человѣка, послѣднее звено которой можно вырвать изъ сердца только съ плотью и кровью, что нельзя освободиться отъ нея иначе, какъ расторгнувъ самую жи-

выя, любовныя, кровныя человѣческія связи, покинувъ вмѣстѣ съ имуществомъ и отца, и мать, и жену, и дѣтей. Вотъ почему сказалъ Онъ съ такой безконечно-грустною и безконечно-милосердною усмѣшкою; истинно, истинно говорю вамъ, легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти въ царствіе Божіе.

Такъ Онъ сказалъ. Что же говорить Л. Толстой? Но онъ молчить, какъ будто дѣла его говорятъ за него, или какъ будто тутъ никакого противорѣчія нѣтъ, никакой трагедіи нѣтъ, какъ будто все для него попржнему легко, ясно и просто. Только странная легенда, житіе этого современнаго святого отвѣчаетъ за него: *«онъ старается закрывать глаза и весь уходитъ въ исполненіе своей программы жизни. Онъ не хочетъ видѣть денегъ, по возможности избѣгаетъ даже брать ихъ въ руки и никогда не носитъ при себѣ»* (Анна Сейронъ). И ему настолько удалось примирить волю жены съ волею Бога, что *«въ послѣднее время, — замѣчаетъ Берсъ, — Софья Андреевна стала относиться спокойнѣе къ ученію своего мужа — она свыклась»*. Такъ вотъ новый способъ, оставаясь верблюдомъ, проходить сквозь игольное ушко — *«не брать денегъ въ руки», «не носить ихъ при себѣ» и «закрывать глаза»*.

Полно, не иронія ли это, не самая ли злая насмѣшка надъ нимъ, надъ нами и надъ ученіемъ Христа? И ежели это имѣетъ какой-нибудь смыслъ передъ судомъ человѣческимъ, то передъ Божьимъ судомъ, что же, наконецъ, исполнилъ ли онъ заповѣдь Христа или не исполнилъ, роздалъ ли имѣніе или не роздалъ? Тутъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ, не можетъ быть середины, тутъ одно: или да, или нѣтъ.

Мы не знаемъ, что онъ самъ объ этомъ думаетъ и что чувствуетъ, не видимъ внутренней стороны его жизни, зато внѣшнюю знаемъ до послѣдней подробности: благодаря рысьимъ глазамъ безчисленныхъ газетныхъ вѣстовщиковъ, стѣны дома его сдѣлались прозрачными, какъ бы стеклянными. Мы видимъ, какъ онъ ѣстъ, пьетъ, спитъ, одѣвается, работаетъ, тачаетъ сапоги и читаетъ книги. Можетъ-

быть мелочи эти, иногда столь знаменательныя, дадутъ намъ ключъ къ тайнику его совѣсти?—Но вотъ, по мѣрѣ того, какъ мы наблюдаемъ, вникаемъ, наше смущеніе не только не проходитъ, а еще усиливается.

Съ особенною тщательностью свидѣтели описываютъ довольство и обиліе, до края полную хозяйственную чашу, или, какъ одинъ изъ нихъ выражается—«выдержанность и солидность стариннаго барства» въ домѣ Толстыхъ. Мы видимъ этотъ небольшой двухэтажный, въ Долго-Хамовническомъ переулкѣ, особнякъ, который зимнею ночью издали свѣтится окнами между бѣлыми, опущенными инеемъ, деревьями стариннаго сада. Внутри все дышитъ привѣтливой, уютной веселостью и «неуловимою благородною простотою»: широкая лѣстница, высокія, свѣтлыя, немного пустынные залы, лишены всякихъ ненужныхъ украшеній, старинная гладкая мебель краснаго дерева и «учтивый лакей» во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, встрѣчающій посѣтителей, о которомъ мы должны помнить, что Левъ Николаевичъ не пользуется его услугами, такъ какъ самъ убираетъ свою комнату, даже возитъ воду въ бочкѣ, не на лошади, а на себѣ. Кабинетъ «напоминаетъ простотою кабинетъ Паскаля». Это небольшая низкая комната съ тянущейся подъ потолкомъ желѣзною трубою. «Когда въ началѣ 80-хъ годовъ,—сообщаетъ Сергѣенко,—шла перестройка всего дома, то Левъ Николаевичъ не хотѣлъ отдавать свой кабинетъ въ жертву богу роскоши, увѣряя графиню, что многіе полезнѣйшіе дѣятели живутъ и работаютъ въ несравненно худшихъ помѣщеніяхъ, чѣмъ онъ». Но едва ли ни съ большимъ правомъ могъ бы онъ сказать, что немногіе «дѣятели» живутъ и работаютъ въ лучшихъ комнатахъ, чѣмъ онъ. Въ ней нѣтъ ничего лишняго—ни картинъ, ни ковровъ, ни бездѣлушекъ. Но опытные работники знаютъ, что все ненужное только развлекаетъ, мѣшаетъ сосредоточенію мысли. Желѣзная труба подъ потолкомъ кажется некрасивою. Но она устроена для него нарочно, по требованіямъ новѣйшей гигіены, однимъ изъ его знакомыхъ: «особенность ея заключается въ томъ, что она, при помощи одной лампы, отлично

вентилюетъ и отчасти согрѣваетъ рабочій кабинетъ». Всегда чистый воздухъ, равномерное тепло. Чего же лучше? Но главное достоинство этой комнаты—тишина. Послѣ перестройки дома оставшійся неприкосновеннымъ кабинетъ Льва Николаевича очутился «какъ бы между небомъ и землею». Это испортило боковой фасадъ дома. «Зато въ отношеніи тишины и спокойствія кабинетъ только выигралъ». Окна выходятъ въ садъ. Ни одинъ звукъ не долетаетъ съ улицы. Отдаленное отъ жилыхъ покоевъ убѣжище это «всегда полно тишины, располагающей къ размышленію». Только тѣ, кто всю жизнь проводитъ въ созерцаніи, умѣютъ цѣнить по достоинству величайшее удобство комнаты—ея совершенное уединеніе и спокойствіе, ненарушимое, надежное безмолвіе. За это можно отдать все. Это—блаженство и глубокая нѣга, единственная и незамѣнимая роскошь мыслителей. И какъ она рѣдко, какъ трудно достижима въ современныхъ большихъ городахъ. Въ сравненіи съ этою истинною роскошью, какими варварскими кажутся мѣщанскія затѣи нашего изнѣженнаго и въ самой изнѣженности огрубѣлаго, на американскій ладъ одичалаго вкуса.

Еще пріятнѣе, еще безмолвнѣе рабочая комната Льва Николаевича въ яснополянскомъ домѣ, въ затишьѣ стариннаго парка съ аллеями вѣковыхъ березъ и липъ, въ заповѣдномъ дворянскомъ гнѣздѣ, одномъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ средней Россіи. Комната эта, съ некрашенымъ поломъ, сводчатымъ потолкомъ и толстыми стѣнами, прежде была кладовою. Въ самые знойные лѣтніе дни здѣсь «прохладно, какъ въ погребѣ». Различные инструменты—лопата, коса, пила, щипцы, напилки—придаютъ убранству наивную, напоминающую дѣтство, свѣжую прелесть Робинзоновскаго жилища. Эти два рабочихъ кабинета—зимній и лѣтній—настоящія тихія, роскошно-простыя кельи современнаго ученика Эпикура, умѣющаго, какъ никто, извлекать изъ тѣлесной и духовной жизни самыя чистыя, невинныя, никогда не измѣняющія радости.

И все въ домѣ, по мѣрѣ силъ и возможности, соответствуетъ благородному, утонченному вкусу хозяина, его

любви къ *роскошной простотѣ*. Гр. Софья Андреевна заботится, чтобы никакая житейская мелочь не оскорбляла его, не тревожила. «Все сложное и хлопотливое дѣло по хозяйству и по управленію дѣлами находится на ея попеченіи. Помощниковъ у нея нѣтъ». А между тѣмъ величайшій порядокъ царствуетъ въ домѣ. Кучеръ Толстыхъ не даромъ говорилъ Сергѣенкѣ, что графиня «страсть какъ порядокъ любить». «Она неутомима и всюду вноситъ свою живую энергію, домовитость и распорядительность. Стоитъ ей уѣхать по дѣламъ на день, на два изъ Ясной Поляны, и сложная машина, называемая «домомъ», уже начнетъ поскрипывать и давать перебои. Она превосходная хозяйка, внимательная, обходительная, хлѣбосольная. Ъстся и спится въ Ясной Полянѣ какъ дома».

За всегда обильнымъ, умѣренно простымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ роскошнымъ столомъ Льву Николаевичу подаются особыя растительныя блюда. Вегетаріанство доставляетъ графинѣ мнѣжество хлопотъ: «она относится къ нему отрицательно и только терпитъ его въ домѣ, какъ своего рода крестъ»—такъ оно трудно и сложно. Но не ропщетъ, сама иногда слѣдитъ на кухнѣ за приготовленіемъ новыхъ блюдъ, и достигла, наконецъ, того, что растительный столъ въ Ясной Полянѣ такъ же вкусенъ, питателенъ и даже почти такъ же разнообразенъ, какъ мясной. Левъ Николаевичъ, можетъ-быть, никогда не узнаетъ, чего ей это стоило, и что такія растительныя блюда, какія онъ имѣетъ, при всей простотѣ своей, на самомъ дѣлѣ, *роскошнѣе*, изысканнѣе мясныхъ, потому что требуютъ гораздо большей изобрѣтательности, новаго творческаго искусства, любовнаго вниманія и терпѣнія хозяйки. И ужъ, конечно, если бы онъ, подобно дядѣ Власу, ходилъ по большимъ дорогамъ или, какъ это онъ совѣтовалъ старшему сыну, нанялся бы въ батраки къ мужику, ему не удалось бы съ такою точностью соблюдать вегетаріанскій постъ, можетъ-быть, даже пришлось бы поневолѣ ѣсть запретную «убоину», какую-нибудь селедку или печенку со Смоленскаго. Зато теперь жидкая овсяная похлебка, которую онъ любитъ, едва ли не вкуснѣе

самыхъ дорогихъ и сложныхъ суповъ, приготовляемыхъ тысячными поварами; ячменный кофе съ миндальнымъ молокомъ, если не такъ душистъ, какъ чистый мокко, зато насколько здоровѣе. Къ тому же, тѣлесная усталость, голодъ и жажда—лучшія приправы блюду: онъ помнитъ воду въ брусницѣ, которой послѣ косьбы старый крестьянинъ угостилъ однажды Левина.

«— Ну-ка, кваску моего! А, хорошъ? — говорилъ мужикъ, подмигивая».

«И дѣйствительно, Левинъ никогда не пивалъ такого напитка, какъ эта теплая вода съ плавающей зеленью и ржавымъ отъ жестяной брусницы вкусомъ. — Старикъ накрошилъ въ чашку хлѣба, размялъ его стеблемъ ложки, налилъ воды изъ брусницы, еще разрѣзалъ хлѣба и, посыпавъ солью, сталъ на востокъ молиться.

«— Ну-ка, баринъ, моей тюрки.

«Тюрка была такъ вкусна, что Левинъ раздумалъ ѣхать домой обѣдать».

Вотъ кто умѣетъ ѣсть и пить. Пресыщеннымъ гостямъ Тримальхіона или современнымъ гастрономамъ не снились такія наслажденія, которыя всегда испытываетъ этотъ совершенный эпикуреецъ.

Одежда его такъ же проста, какъ пища, и насколько пріятнѣе, роскошнѣе нашего некрасиваго, унизительно стѣсняющаго тѣло, не русскаго, презираемаго народомъ и въ сущности угрюмо-аскетическаго платья. Левъ Николаевичъ носитъ зимою сѣрыя, фланелевыя, очень мягкія и теплыя—а лѣтомъ свободныя, прохладныя блузы своеобразнаго покроя. И никто не умѣетъ ихъ шить такъ, чтобы онѣ сидѣли на немъ удобно и просторно—по всей вѣроятности, искуснѣйшіе портные Парижа и Лондона не угодили бы ему—никто, кромѣ старухи Варвары изъ яснополянской деревни, да, можетъ-быть, еще Софьи Андреевны. Верхнее платье—кафтаны, тулупы, полушубки, баранья шапка, высокіе кожаные сапоги—тоже все не случайнаго, а глубоко обдуманнаго покроя, приноровленнаго къ вѣдру и ненастью. Они такъ удобны и пріятны, что ими часто, соблазняясь, пользуются

гости и домашніе. Это настоящая одежда сельскаго и притомъ сѣвернаго эпикурейца.

И въ этой одеждѣ свойственно ему даже нѣкоторое особое, неожиданное щегольство. Въ юности огорчался онъ тѣмъ, что лицо у него «совсѣмъ какъ у простаго мужика». Теперь онъ этимъ хвастаетъ. Онъ любитъ рассказывать, какъ на улицахъ и въ незнакомыхъ домахъ принимаютъ его за настоящаго мужика или даже за бродягу.

— «Значить, аристократизмъ, заключаетъ онъ, не написанъ на лицѣ!»

Однажды Пьеръ Безуховъ, тоже нарядившись въ мужицкое платье, съ ребяческою гордостью залюбовался на свои босыя ноги, «съ удовольствіемъ переставляя ихъ въ различныя положенія, пошевеливая грязными, толстыми, большими пальцами. И всякій разъ, какъ онъ взглядывалъ на свои босыя ноги, на лицѣ его пробѣгала улыбка оживленія и самодовольства». Въ юности Левъ Николаевичъ страстно мечталъ о георгіевскомъ крестикѣ и флигель-адъютантскихъ аксельбантахъ. Теперь его плѣняютъ уже иные, болѣе современные знаки отличія. Но, въ концѣ-концовъ, не все ли равно, какіе именно ордена—дырявыя ли онучи или блестящія аксельбанты? Да и онъ вѣдь только утѣшается; аристократизмъ все-таки написанъ на лицѣ его неизгладимыми чертами, и подъ мужичьимъ полушубкомъ виденъ въ немъ прежній безукоризненно свѣтскій человѣкъ, и даже въ этой внѣшней грубой оболочкѣ свѣтскость, можетъ-быть, еще замѣтнѣе, еще обаятельнѣе. Такъ иногда у самыхъ великолѣпныхъ восточныхъ тканей основа дѣлается нарочно грубой и шероховатой, чтобы тѣмъ роскошнѣе выступали по ней тонкія искрящіяся нити золотыхъ и шелковыхъ узоровъ.

Мягкихъ постелей, пуховыхъ подушекъ онъ терпѣть не можетъ: ему на нихъ томно и душно. Онъ предпочитаетъ прохладныя кожаныя изголовья. Но сибарить, который, томясь безсонницей на опостылѣвшемъ ложѣ изъ розъ, мучится неловко подвернувшемся лепесткомъ, какъ бы долженъ завидовать сну Льва Николаевича на его эпикурейски-мудромъ, жесткомъ и сладостномъ ложѣ!

Идиллическій запахъ навоза трогалъ чуть не до слезъ одного изъ самыхъ чувственныхъ и чувствительныхъ баловней-баричей XVIII вѣка—Жанъ-Жака Руссо. Левъ Николаевичъ также любитъ запахъ навоза. «Однажды утромъ,—рассказываетъ Анна Сейронъ,—пришелъ онъ къ завтраку прямо со свѣже-унавоженного поля. Въ то время въ Ясной Полянѣ собралось еще нѣсколько пришельцевъ, охотно занимавшихся удобреніемъ поля вмѣстѣ съ графомъ. Окна и двери въ комнатѣ стояли всѣ настежь открытыми, иначе нельзя было бы дышать. Графъ оглядывался на насъ весело, съ довольной улыбкой». Онъ любитъ и благоуханія. Послѣ косьбы, уходя съ луга, сообщаетъ Берсъ, непременно вытащить изъ копны клочокъ сѣна и, восхищаясь запахомъ, нюхаетъ его. «Лѣтомъ онъ всегда держитъ при себѣ цвѣтокъ, одинъ, но пахучій. Онъ держитъ его на столѣ, или въ рукѣ, или загнутомъ за кожаный поясъ». Надо видѣть, съ какимъ наслажденіемъ онъ прижимаетъ его къ своимъ ноздрямъ, и «при этомъ во взглядѣ его на окружающихъ удивительно-нѣжное выраженіе». Ему также чрезвычайно нравятся французскіе духи и надушенное бѣлье. «Графиня заботится, чтобы въ шкапу его съ бѣльемъ всегда лежало саше». Такъ, Левъ Николаевичъ изобрѣлъ новый, утонченный способъ наслаждаться ароматами: послѣ навоза—запахъ цвѣтка и духовъ еще упоительнѣе. Вотъ символъ, вотъ соединеніе: подъ крестьянскимъ, христіанскимъ полушубкомъ—бѣлье, надушенное сладострастнымъ шипромъ или дѣвственною Пармскою фіалкою.

Веселый мудрецъ, который нѣкогда въ Атикѣ, обрабатывая собственными руками крошечный садъ, училъ людей довольствоваться малымъ и ни во что не вѣрить ни на небесахъ, ни на землѣ, кромѣ счастья, какое можетъ дать лучъ солнца, цвѣтокъ, немного хвороста, горящаго зимой, и лѣтомъ—немного студеной воды изъ глиняной чаши, — призналъ бы во Л. Толстомъ своего вѣрнаго и, кажется, единственнаго ученика въ этотъ варварскій вѣкъ, когда, среди безумно изнѣженного и все-таки нищенски-грубаго, одичалаго американскаго «комфорта», мы всѣ давно забыли, что такое истинная роскошь.

И графиня Софья Андреевна, уже переставшая спорить о раздачѣ имѣнія и потихоньку, съ нѣжно-хитрой, материнской улыбкой прячущая въ бѣлье Льва Николаевича саше съ его любимыми духами, услуживаетъ, помогаетъ ему, вѣрная и тайная сообщница, въ этой новой, трудной и необычайной роскоши. «Она смотритъ ему въ глаза», замѣчаетъ одинъ изъ наблюдателей. «Она, какъ неусыпная нянька, заботится о немъ,—сообщаетъ другой,—и только на самое короткое время разстается съ нимъ. Изучивши подробно, въ теченіе многихъ лѣтъ, привычки мужа, она, по выходѣ Льва Николаевича изъ кабинета, уже по одному его виду знаетъ, какъ ему работалось, и въ какомъ онъ настроеніи. И если нужно что-нибудь переписать для него, то она немедленно всѣ свои дѣла, которыхъ у нея всегда полны руки, отложить; и солнце въ этотъ день можетъ не появляться, а къ извѣстному часу все, что нужно, непременно будетъ ею четко переписано и положено на письменный столъ». И пусть онъ кажется неблагодарнымъ, пусть говоритъ, что жена ему не другъ, пусть даже не чувствуетъ ея любви, какъ воздуха, которымъ дышитъ,—ей вѣдь и не нужно награды иной, кромѣ признанія, что безъ нея не могъ бы онъ прожить ни дня, что она его сдѣлала тѣмъ, что онъ есть. И «неусыпная нянька» лелѣетъ, балуетъ, баюкаетъ, окружаетъ своими заботами и ласками, какъ невидимыми, мягкими и крѣпкими сѣтями—«слабою паутиною»—этого вѣчно-непокорнаго и беспомощнаго семидесятилѣтняго ребенка.

Но, можетъ-быть, все-таки тайный червь грызетъ ему сердце? Можетъ-быть, преслѣдуетъ и мучаетъ его сознание, что не исполнилъ онъ заповѣди Христа, и пока тѣло его наслаждается, душа скорбитъ смертельно? Не замѣчаетъ ли и гр. Софья Андреевна въ томъ самомъ письмѣ, гдѣ говоритъ о совершившемся въ немъ христіанскомъ переворотѣ—что онъ «посѣдѣлъ, ослабъ здоровьемъ и сталъ тише, унылѣе, чѣмъ былъ». Берсъ также увѣряетъ будто бы, пріѣхавъ къ нему послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки, сразу почувствовалъ, «что веселое и оживляющее другихъ расположеніе духа, которое постоянно жило въ Львѣ Николаевичѣ, теперь

совсѣмъ исчезло». «Ласковый, а вмѣстѣ съ тѣмъ и серьезный тонъ его встрѣчи какъ будто давалъ мнѣ понять, что радость моя велика теперь, но истинныя радости вовсе не эти».

Вникая, однако, въ жизнь Л. Толстого, нельзя не притти къ выводу, что этому «унынію» не должно придавать особеннаго значенія. Едва ли не было оно въ связи съ временнымъ нездоровьемъ, однимъ изъ тѣхъ, свойственныхъ ему, періодически повторяющихся колебаній, отливовъ и приливовъ тѣлесной бодрости, которые соотвѣтствуютъ такимъ же періодически совершающимся въ немъ духовнымъ переворотамъ. По крайней мѣрѣ, Берсъ сообщаетъ, что уже и въ день его пріѣзда Левъ Николаевичъ не выдержалъ своего «серьезнаго тона», своей новой, какъ бы монашеской, тихости: «навѣрно угадывая мою грусть по поводу произведеннаго имъ на меня впечатлѣнія, онъ, къ удовольствію всѣхъ насъ, пошутилъ со мною, внезапно вскочивъ мнѣ на спину, когда я ходилъ по залѣ». И по этой шалости, которой, дѣйствительно, трудно было ожидать отъ человѣка, однимъ своимъ видомъ желавшаго показать, что «истинныя радости совсѣмъ не эти»,—посѣтитель тотчасъ же узналъ въ немъ прежняго Льва Николаевича.

Нѣтъ, радость жизни не изсякла въ немъ и донинѣ; и можетъ-быть, даже именно теперь, въ старости, неисчерпаемый родникъ этой вѣчно-дѣтской радости кипитъ и бьетъ въ немъ съ еще большею силою, чѣмъ въ юности.

«Нельзя передать съ достаточной полнотою того веселаго и привлекательнаго настроенія, которое царитъ въ Ясной Полянѣ,—разсказываетъ очевидецъ,—и котораго источникъ всегда Левъ Николаевичъ. Вспоминаю игру въ крокетъ. Въ ней участвовали всѣ—и взрослые и дѣти. Она начиналась обыкновенно послѣ обѣда и кончалась со свѣчами. Игру эту я и теперь готовъ считать азартною, потому что я игралъ въ нее съ Львомъ Николаевичемъ. Дѣти особенно дорожатъ его обществомъ, наперерывъ желаютъ играть съ нимъ въ одной партіи; радуются, когда онъ затѣетъ для нихъ какое-нибудь упражненіе. Со мною онъ косилъ, вѣялъ, дѣлалъ

гимнастику, бѣгалъ наперегонки, игралъ въ чехарду и городки». Это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но Сергѣенко, который рассказываетъ о жизни его за послѣдніе годы, сообщаетъ, что онъ и теперь попрежнему играетъ цѣлыми днями въ лаунъ-теннисъ и «бѣгаетъ съ мальчиками взапуски». Вѣчный праздникъ, какъ бы новый золотой вѣкъ. «Въ домѣ у Толстыхъ,—говоритъ Сергѣенко,—всегда получается такое впечатлѣніе, какъ будто у нихъ назначенъ любительскій спектакль, и цѣлый цвѣтникъ молодежи готовится къ этому событію, наполяя весь домъ шумнымъ оживленіемъ, въ которомъ иногда принимаетъ дѣятельное участіе и Левъ Николаевичъ. Особенно, если возникаетъ какая-нибудь забава, требующая движенія, выносливости, проворства, тогда Л. Н. поминутно будетъ поглядывать на играющихъ и участвовать душою въ ихъ удачахъ и неудачахъ; часто онъ и самъ не выдерживаетъ и вмѣшивается въ игру, обнаруживая при этомъ еще столько молодого жара и мускульной гибкости, что часто даже завидно дѣлается, когда глядишь на него». Да, вѣчный праздникъ, вѣчная игра—то въ полѣ за сохою, то на лаунъ-теннисѣ, то на лугу съ косцами, то за расчисткою снѣга для конькобѣжнаго катка, то за постройкою печки для бѣдной бабы. И напрасно Софья Андреевна тревожится сомнѣніями, могутъ ли быть Льву Николаевичу въ его годы полезными тридцативерстныя прогулки на велосипедѣ. Что бы ни говорили врачи, онъ чувствуетъ, что это постоянное, какъ будто бы даже чрезмѣрное, напряженіе мышцъ и мускуловъ, эта вѣчная гимнастика или игра, которая еще забавнѣе и пріятнѣе, когда называется «работою»,—необходимы для его здоровья, для его жизни.

— Она укрѣпляетъ меня,—признается онъ самъ,—даетъ мнѣ крѣпкій сонъ, бодрое настроеніе и дѣлаетъ меня похожимъ на рабочую травяную лошадь. Дайте ей только отдохнуть, да накормите ее, и она опять годна для работы.

Берсъ рассказываетъ объ одной игрѣ изобрѣтенной Львомъ Николаевичемъ, которая возбуждала въ дѣтяхъ особенно рѣзвый и шумный восторгъ. Эта игра, подъ названіемъ «Нумидійская конница», заключалась въ томъ, что «Левъ

Николаевичъ совершенно внезапно вскакивалъ съ мѣста и, поднявъ одну руку вверхъ и предоставивъ свободу этой кисти, слегка пробѣгалъ по комнатамъ. Всѣ дѣти, а иногда и взрослые, слѣдовали его примѣру съ такой же внезапностью». Въ этомъ старикѣ, который, какъ маленькій мальчикъ, съ внезапной рѣзвостью бѣгаетъ по комнатамъ и даже взрослых увлекаетъ въ игру, я узнаю того, кто говоритъ о себѣ съ младенчески-ясною улыбкой: «я человѣкъ веселый, я всѣхъ люблю,—я дядя Ерошка!»

Изображая первыя, какъ сны, волшебныя и темныя воспоминанія самаго далекаго дѣтства, когда ему было года три-четыре, описываетъ онъ одно изъ наиболѣе счастливыхъ и сильныхъ впечатлѣній своихъ—купаніе въ корытѣ; «я въ первый разъ замѣтилъ и *полюбилъ свое тѣло* съ видными мнѣ ребрами на груди и гладкое темное корыто, засученныя руки няни и теплую, парную, стращенную воду, и звукъ ея, и въ особенності ощущеніе гладкости мокрыхъ краевъ корыта, когда водилъ по нимъ ручонками». Можно сказать, что съ того мгновенія, какъ трехлѣтнимъ ребенкомъ впервые замѣтилъ онъ и *полюбилъ* свое маленькое голое тѣло, онъ такъ и не переставалъ любить и жалѣть его всю жизнь. Глубочайшая стихійная основа всѣхъ его чувствъ и мыслей—именно это первое, чистое, безпримѣсное ощущеніе плотской жизни—любовь къ плоти. Это чувство выразилъ онъ, описывая радостное сознаніе животной жизни, которое однажды овладѣло Вронскимъ передъ свиданіемъ съ Анной Карениной. «Чувство это было такъ сильно, что онъ невольно улыбался. Онъ спустилъ ноги, заложилъ одну на колѣно другой и, взявъ ее въ руку, ощупалъ упругую икру ноги, зашибленной вчера при паденіи, и, откинувшись назадъ, вздохнулъ нѣсколько разъ всею грудью: «хорошо, очень хорошо!»—сказалъ онъ самъ себѣ. Онъ и прежде часто испытывалъ радостное сознаніе своего тѣла, но *никогда онъ такъ не любилъ себя, своего тѣла*».

Кажется, ни въ комъ эта чистая животная радость плотской жизни, знакомая древнимъ, теперь сохранившаяся только у дѣтей, не выражалась съ такой откровенностью,

первобытною и невинно-безстыдною обнаженностью, какъ во Л. Толстомъ. И съ годами она не только не уменьшается, но даже увеличивается, какъ бы отстаивается, очищается отъ всякихъ постороннихъ примѣсей. Какъ вино, она въ немъ—«чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй». Весна его жизни кажется мрачной и бурной по сравненію съ этой золотой лучезарно-тихою осенью. Какъ выразился одинъ итальянскій дипломатъ XVI вѣка о другомъ великомъ жизнелюбцѣ и эпикурейцѣ—папѣ Александрѣ Борджіа, —Левъ Николаевичъ «къ старости молодѣеть». Думая о смерти, какъ будто готовится только къ земному безсмертію:

И ежели жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,
И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій не ждетъ ничего,—
Творца оправдаетъ могила его.

«Кто не былъ въ этомъ небольшомъ деревянномъ домѣ, выкрашенномъ темною охраю?—умиляется Сергѣенко,—ученые и писатели, художники и артисты, государственные и финансовыя дѣятели, губернаторы, сектанты, земцы, сенаторы, студенты, военные, фабричныя, рабочіе, крестьяне, корреспонденты всѣхъ цвѣтовъ и націй и проч., и проч. Не проходитъ дня зимою, чтобы въ Долго-Хамовническомъ переулкѣ не появилось какое-нибудь новое лицо, ищущее свиданія съ знаменитымъ русскимъ писателемъ.—Кто только не обращается къ нему съ привѣтствіемъ, съ сочувствіемъ, съ мучительными запросами и обвиненіями? Русская и французская молодежь, американцы, голландцы, поляки, англичане, баронесса Берта Сутнеръ и набожный браминъ изъ Индіи, умирающій Тургеневъ и мечущійся, какъ раненый звѣрь, разбойникъ Чуркинъ.

— Радостно узнавать,—сказалъ однажды Левъ Николаевичъ,—про вліяніе на другихъ людей, потому что только тогда убѣждаешься, что огонь, который въ тебѣ—настоящій—настоящій, если зажигаетъ.

Эти слова напоминаютъ его же признаніе другому собесѣднику нѣсколько лѣтъ назадъ:

— Я не заслужилъ генерала-отъ-артиллеріи, зато сдѣ-
лался генераломъ-отъ-литературы.

Теперь онъ могъ бы сказать, что заслужилъ генерала не
только отъ литературы, но и отъ новой, грядущей въ міръ,
соціально-демократической религіи. И второе повышеніе
выгоднѣе перваго.

Такъ сумѣлъ онъ соединить утонченнѣйшую роскошь и
нѣгу плоти съ послѣднею роскошью и сладострастіемъ духа—
славою.

Гдѣ же, однако, заповѣдь Христа объ отреченіи отъ
собственности, о совершенномъ смиреніи и совершенной
бѣдности, какъ единственномъ пути въ Царствіе Божіе? Гдѣ
этотъ соединяющій путь, какъ бы мостъ, перекинутый надъ
пропастью, которую вырыли между нашей вѣрою и вѣрою
русскаго народа, преобразованія Петра? Гдѣ великій писатель
земли русской въ образѣ великаго подвижника? И что ста-
лось,—увы!—съ нашей надеждою на возможность чуда въ
исторіи русской культуры,—того, что этотъ, не только плот-
скими, но и духовными сокровищами богатѣйшій изъ лю-
дей будетъ дѣйствительно въ потѣ лица своего зарабатывать
хлѣбъ свой или, какъ дядя Власъ, «въ армякѣ, съ открытымъ
воротомъ, съ обнаженной головой», протягивать руку за
милостыней на построеніе еще невѣдомаго русскаго и все-
мірнаго храма. До этого веселаго «охотника», стараго языч-
ника, дяди Ерощки, до этого обновленнаго барина-эпикурей-
ца, роскошнаго въ самомъ воздержаніи и простотѣ, какое
дѣло—не американскимъ квакерамъ, не «корреспондентамъ
всѣхъ цвѣтовъ и націй», не баронессѣ Бертѣ Сутнеръ и Полю
Дерулэду, не губернаторамъ, студентамъ, сенаторамъ, госу-
дарственнымъ и финансовымъ дѣятелямъ и проч., и проч.—
а тому, у кого не только на словахъ—

Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла,

тому, кто не только на словахъ «роздалъ имѣніе»,

Самъ остался босъ и голъ,

кто и донынѣ скитается по слѣдамъ «Царя небеснаго, въ рабскомъ видѣ обошедшаго родную землю»?

Полонъ скорбью неутѣшною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходить онъ стопой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ.

.
Ходить съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собой все говоритъ
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенить.

Удивительно, съ какимъ единодушнымъ сочувствіемъ всѣ жизнеописатели не нарадуются на уютность, теплоту и довольство свитаго Львомъ Николаевичемъ и Софьей Андреевной семейнаго гнѣзда. Хоть бы у кого-нибудь изъ нихъ мелькнула мысль о противорѣчии между словомъ и дѣломъ того, кто обличаетъ въ противорѣчяхъ всю человѣческую культуру. Но имъ, повидимому, и въ голову не приходитъ, что объ этомъ надо говорить поосторожнѣе, позастѣнчивѣе, что это прославляемое ими довольство и барская, даже какъ бы нѣсколько мѣщанская, сытость «благопристойной и добродѣтельной семьи», можетъ произвести впечатлѣніе неожиданное на тѣхъ, кому случится вспомнить слѣдующія слова:

«Одна степенно ведомая въ предѣлахъ приличія, роскошная жизнь благопристойной, такъ называемой добродѣтельной, семьи, продающей, однако, на себя столько рабочихъ дней, сколько достаточно бы на прокормленіе тысячъ людей, въ нищетѣ живущихъ рядомъ съ этой семьей,—болѣе развращаетъ людей, чѣмъ тысячи неистовыхъ оргій грубыхъ купцовъ, офицеровъ, рабочихъ, предающихся пьянству и разврату, разбивающихъ для потѣхи зеркала, посуду и т. п.»

Не собственную ли степенно ведомую и роскошную жизнь въ Ясной Полянѣ разумѣлъ Левъ Николаевичъ въ этихъ словахъ своихъ? И не должно ли заключить изъ нихъ, что онъ чувствуетъ себя въ своемъ домѣ, какъ въ разбойничьемъ вертепѣ? Или это только страшныя слова—не болѣе?

Одинъ изъ наивныхъ писателей толстовской легенды, сообщивъ, что графъ, хотя и не роздалъ имѣнія, но пересталъ имъ пользоваться, «не считая того, что остался подъ кровлею яснополянскаго дома», прибавляетъ, какъ будто для того, чтобы заглушить уже всякія возможныя сомнѣнія и тревоги въ совѣсти читателя: «они (супруги Толстые) ежегодно раздаютъ отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей бѣднымъ». По математическому расчету, который въ 80-хъ годахъ произвелъ такое дѣйствіе на совѣсть Льва Николаевича, эти двѣ-три тысячи равнялись бы, пятнадцать лѣтъ назадъ, двумъ-тремъ копейкамъ плотника Семена, а въ настоящее время — одной копейкѣ или даже полушкѣ, ибо состояніе Льва Николаевича именно за послѣдніе годы значительно выросло и не перестаетъ расти, благодаря дѣловитости графини Софьи Андреевны, которая, «по совѣту одной подруги,—какъ сообщаетъ Анна Сейронъ,—начала извлекать сама выгоды изъ сочиненій графа». «Дѣла у нея идутъ такъ хорошо, что прежніе издатели изъ зависти стараются ей мѣшать, но она энергично ведетъ съ ними борьбу. Положеніе графа при этомъ выходитъ страннымъ. Его убѣжденіе говоритъ ему, что деньги — вредъ и кладутъ начало всякой порчѣ. «Кто даетъ деньги — тотъ даетъ зло». Теперь же вдругъ открылся новый источникъ золота, въ собственныхъ изданіяхъ. Сначала онъ не хотѣлъ слушать, когда заводилась рѣчь о деньгахъ и книгахъ; лицо его принимало выраженіе смущенія и страданія. Но графиня твердо стояла на своемъ, чтобы обезпечить будущность дѣтей. Положеніе вещей, какъ оно было раньше, не могло продолжаться съ увеличеніемъ семьи и при возрастающихъ расходахъ».

Тогда-то именно Левъ Николаевичъ «постарался закрыть глаза» и «весь ушелъ въ исполненіе своей программы жизни», своихъ «четыреухъ упряжекъ». Но чѣмъ неумолимѣе разоблачалъ онъ противорѣчія современнаго буржуазнаго общества, чѣмъ искреннѣе проповѣдывалъ исполненіе заповѣди Христа—отреченіе отъ собственности, тѣмъ лучше расходились изданія Софьи Андреевны, тѣмъ

большій доходъ получала она съ нихъ. И то, что, казалось, грозило—на самомъ дѣлѣ только способствовало имущественному благополучію семьи.

Однажды «отецъ Льва Николаевича,—разсказываетъ Сергѣенко,—будучи въ 1813 году, послѣ блокады города Эрфурта, посланъ съ депешами въ Петербургъ, на возвратномъ пути, при мѣстечкѣ Сентъ-Оби, былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ со своимъ крѣпостнымъ денщикомъ. Послѣдній незамѣтно спрятавъ въ сапогъ все золото своего барина и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока они были въ плѣну, ни разу не разувался. Онъ натеръ себѣ ногу и нажилъ рану, но все время и виду не показывалъ, что ему больно. Зато, по пріѣздѣ въ Парижъ, графъ Николай Ильичъ могъ жить, ни въ чемъ не нуждаясь, и сохранилъ о преданномъ денщикѣ навсегда доброе воспоминаніе».

На преданности такихъ «людей», какъ этотъ денщикъ, зиждется все патріархальное счастье, вся «степенно-ведомая жизнь такъ называемой добродѣтельной семьи», какъ на гранитномъ основаніи. Помнить ли объ этомъ случаѣ столѣтняя яснополянская ключница Агафья? По крайней мѣрѣ о томъ, какъ старый баринъ Николай Ильичъ Толстой, Николай Ильичъ Ростовъ, «сжимая свой сангвиническій кулакъ», говаривалъ: «крестьянъ нужно держать вотъ какъ!»—она ужъ, конечно, помнить. Это та самая Агафья, которая, разсказывая о дѣтствѣ Льва Николаевича, утверждаетъ, что онъ былъ «хорошимъ ребенкомъ, только слабохарактернымъ»; когда же слышитъ объ его новыхъ причудахъ, только усмѣхается странною усмѣшкою. Еще болѣе хитрую, тонкую усмѣшку видѣлъ я на лицѣ Василія Сютаева, тверского крестьянина, тоже проповѣдника евангельской бѣдности, одного изъ умнѣйшихъ русскихъ людей, съ которымъ случилось мнѣ однажды бесѣдовать о Л. Толстомъ, немного времени спустя послѣ того, какъ Левъ Николаевичъ побывалъ у него. И вотъ теперь мнѣ все кажется, что нѣчто подобное этой усмѣшкѣ должно иногда мелькать и въ лицѣ давно уже примиренной, «свыкшейся съ ученіемъ мужа», графини Софьи Андреевны.

Да, дѣды и прадѣды, бабушки и прабабушки, которыхъ старинные портреты смотрять со стѣнъ веселыхъ яснополянскихъ покоевъ, съ выраженіемъ заботы въ глазахъ, свойственной глазамъ предковъ—«только бы дома было все благополучно!»—могутъ быть спокойны; дома все благополучно, все по-старому: какъ было при нихъ, такъ есть и будетъ. Знаменитыя «четыре упряжки» оказались не такими страшными, какъ можно было думать сначала. Пока Левъ Николаевичъ отдыхаетъ отъ велосипедной прогулки или отъ крестьянской работы въ полѣ, отъ игры въ лаунъ-теннисъ или кладки печи для бѣдной бабы, графиня Софья Андреевна всю ночь не спитъ за корректурами для новаго изданія, «новаго источника золота», часть котораго не даромъ сохранилъ для барина въ сапогѣ своемъ вѣрный денщикъ.

И лица предковъ благосклонно улыбаются въ потускнѣвшихъ рамахъ.

Однажды «при мнѣ пріѣхалъ къ Льву Николаевичу больной и погорѣвшій мужикъ,—разсказываетъ Берсъ,—просить у него лѣса для сарая. Онъ пригласилъ меня, мы взяли топоры и вдвоемъ мигомъ срубили въ яснополянскомъ лѣсу нѣсколько деревьевъ, обрубили сучья и увязали бревна на телѣжномъ ходу мужика. Я долженъ сознаться, что дѣлалъ это съ увлеченіемъ. Я испытывалъ неизвѣданное еще чувство радости, можетъ-быть, вслѣдствіе вліянія Льва Николаевича, а можетъ-быть, и только оттого, что дѣлалъ это для несчастнаго, то-есть на самомъ дѣлѣ больного, измученнаго и неимущаго человека. Мужикъ стоялъ въ то время поодаль съ покорнымъ видомъ. Левъ Николаевичъ, конечно, замѣчая мою радость, нарочно уступалъ мнѣ работу, и я срубилъ почти всѣ деревья,—какъ будто этимъ онъ хотѣлъ открыть мнѣ новыя ощущенія. Когда мы отправили мужика, онъ, Левъ Николаевичъ, сказалъ:

«— Развѣ можно сомнѣваться въ необходимости и въ удовольствіи такой помощи?»

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли въ этомъ сомнѣваться? Почему, однако, все-таки кажется, что мужикъ стоялъ не только съ покорнымъ, но и съ унылымъ видомъ въ то время, какъ

господа наслаждались своимъ добрымъ дѣломъ? Чего ему еще нужно было? На что онъ рассчитывалъ? Ужъ не на обыкновенную ли милостыню деньгами? Но вѣдь Левъ Николаевичъ при себѣ денегъ не носитъ. Или больному просто было холодно, скучно и томно ждать окончанія барской работы? Кто, впрочемъ, угадаетъ, какія насмѣшливыя и неблагодарныя мысли проходятъ въ умѣ мужика, когда ему помогаютъ господа съ особеннымъ удовольствіемъ—ибо люди вообще, а яснополянскіе мужики въ особенности, по природѣ своей насмѣшливы и неблагодарны.

— Большинство мужиковъ,—признается самъ Левъ Николаевичъ,—смотритъ на меня, какъ на рогъ изобилія, и только. Да и можно ли требовать отъ нихъ иныхъ отношеній? Вѣдь жизнь ихъ и взгляды слагались вѣками подъ вліяніемъ множества неотразимыхъ условій. И развѣ можетъ одинъ человѣкъ измѣнить все это?

Это, однакоже, и есть именно то самое, что возражала ему графиня Софья Андреевна по поводу раздачи имѣнія. «Я не могу пустить дѣтей по-міру, когда никто не хочетъ исполнять того же!» Въ чемъ же собственно Левъ Николаевичъ съ нею расходится? Это и есть главный, какъ будто неопровержимый доводъ «князя міра сего», великаго Логика, который убаюкиваетъ насъ въ нашей языческой мерзости, и вслѣдствіе котораго христіанство, вотъ уже скоро двадцать вѣковъ, все никакъ нигдѣ «не удается»: если не можетъ одинъ человѣкъ измѣнить все это, то пусть все и остается попрежнему. Это и есть та срединная пошлость, на которой стоитъ міръ, по крайней мѣрѣ, нашъ демократически-мѣщанскій міръ, и которая дѣлаетъ для него «слабую паутину собственности» желѣзною цѣпью. Это и есть то, что придаетъ всѣмъ нашимъ христіанскимъ чувствамъ благоразумную, безопасную «теплоту», о которой сказано въ Апокалипсисѣ ангелу Лаодикійской церкви: «о, если бы ты былъ холоденъ или горячъ, но поелику ты теплъ, изблюю тебя изъ устъ моихъ».

— «Я далъ вамъ, что могъ, и больше не могу»,—говоритъ Левъ Николаевичъ «съ страдальческой ноткой» обступившимъ его просителямъ.

«Мы направляемся через садъ. Но намъ перерѣзываетъ путь мужичонка съ золотушнымъ мальчикомъ. Левъ Николаевичъ останавливается.

«— Что тебѣ?»

«Мужикъ толкаетъ впередъ мальчика. Мальчикъ мнется и, смущаясь и растягивая слова, обращается къ Льву Николаевичу:

«— Да-ай... жере-бе-ночка..

«Мнѣ дѣлается неловко, и я не знаю куда глядѣть.

«Левъ Николаевичъ пожимаетъ плечами.

«— Какого жеребеночка? Что за глупость! У меня нѣтъ никакого жеребеночка.

«— Нѣтъ есть,—заявляетъ мужичонка и съ быстротою выдвигается впередъ.

«— Ну, я ничего этого не знаю. Иди съ Богомъ!—говоритъ Левъ Николаевичъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, легко перепрыгиваетъ черезъ канаву».

Но совершенно ли онъ увѣренъ въ томъ, что у него дѣйствительно нѣтъ никакого жеребеночка?

Въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ» Л. Толстой рассказываетъ, какъ однажды, забывъ сказать объ одномъ грѣхѣ духовнику на исповѣди, поѣхалъ онъ къ нему снова исповѣдываться. Возвращаясь домой изъ монастыря на извозчикѣ, почувствовалъ онъ радостное умиленіе и нѣкоторую гордость отъ сознанія своего добраго поступка. И ему захотѣлось поговорить съ кѣмъ-нибудь, подѣлиться этимъ чувствомъ. Но такъ какъ подъ рукой никого не было, кромѣ извозчика, онъ обратился къ нему, рассказалъ ему все и описалъ всѣ свои прекрасныя чувства.

«— Такъ-съ,—сказалъ извозчикъ недовѣрчиво.

«И долго послѣ этого онъ молчалъ и сидѣлъ неподвижно. Я уже думалъ, что онъ думаетъ про меня то же, что духовникъ, то-есть, что такого прекраснаго молодого человѣка, какъ я, другого нѣтъ на свѣтѣ; но вдругъ онъ обратился ко мнѣ:

— А что, баринъ, ваше дѣло господское?»

«— Что?—спросилъ я.

«— Дѣло-то, дѣло господское?—повторилъ онъ, шамкая беззубыми губами.

«Нѣтъ, онъ меня не понялъ,—подумалъ я, но уже больше не говорилъ съ нимъ до самаго дома».

И Льву Николаевичу стало стыдно.

«Я даже теперь, прибавляетъ онъ, краснѣю при этомъ воспоминаніи».

Миѣ кажется, что больной крестьянинъ, который съ покорнымъ и унылымъ видомъ смотрѣлъ, какъ добрые господа собственными руками рубятъ для него деревья, и тотъ нелѣпый мужичонка, который требовалъ отъ Льва Николаевича несуществующаго жеребеночка, могли бы сказать ему точно такъ же, какъ извозчикъ:

— А что, баринъ, дѣло-то, дѣло ваше господское?

Такъ вотъ какъ онъ исполнилъ заповѣдь Христа, какъ разрушилъ слабую паутину собственности: «ну, я этого ничего не знаю. Иди съ Богомъ».

Одинъ изъ очевидцевъ увѣряетъ, будто бы Левъ Николаевичъ, что бы ни дѣлалъ, «никогда не бываетъ смѣшонъ». Хотѣлось бы этому вѣрить. Но я все-таки боюсь, что въ ту минуту, когда, убѣгая отъ нелѣпаго мужичонка, съ удивительной для семидесятилѣтняго старика быстротой и легкостью перепрыгивалъ Левъ Николаевичъ черезъ канаву,— онъ былъ нѣсколько смѣшонъ. О, я слишкомъ чувствую, что тутъ не одно смѣшное, но и жалкое, и страшное для него и для всѣхъ насъ. И какъ почти всегда это бываетъ въ современной жизни—чѣмъ смѣшнѣе, тѣмъ страшнѣе.

Не страшно ли, въ самомъ дѣлѣ, то, что и этотъ человекъ, который такъ безконечно жаждалъ правды, такъ неумолимо обличалъ себя и другихъ, какъ никто никогда, что и онъ допустилъ въ свою совѣсть такую вопіющую ложь, такое безобразное противорѣчіе? Самый маленькій, и въ то же время самый сильный изъ дьяволовъ, современный дьяволъ собственности, мѣщанскаго довольства, срединной пошлости, такъ называемой «душевной теплоты», не одержалъ ли въ немъ своей послѣдней и величайшей побѣды?

Если бы толстовская легенда сложилась въ сумеркахъ среднихъ вѣковъ, можно бы подумать, что въ образѣ нелѣпаго мужичонки, который требоваль невозможнаго жеребеночка, воплотился этотъ дьяволъ. И когда Левъ Николаевичъ убѣгалъ отъ него, все равно, со стыдомъ ли, съ ужасомъ или съ невозмутимою безпечною—какъ, должно-быть, Искуситель торжествовалъ, какъ смѣялся, повторяя одну изъ своихъ любимыхъ, страшныхъ шутокъ:

«А развѣ ты не зналъ, что я вѣдь тоже Логикъ?»

ПЯТАЯ ГЛАВА.

«Ты царь—живи одинъ», говорилъ себѣ Пушкинъ; но, несмотря на великое внутреннее одиночество, онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, всю жизнь окруженъ былъ «друзьями». Удивительна въ немъ эта способность быстрой и какъ будто даже опрометчивой дружбы, простого и легкаго общенія съ людьми, равно съ великими и малыми, съ Гоголемъ и Ариной Родионовной, съ императоромъ Николаемъ, Баратынскимъ, Дельвигомъ, Языковымъ и Богъ вѣсть еще съ кѣмъ, чуть ли не съ первымъ встрѣчнымъ

Нѣтъ, ты не проклялъ насъ!.. Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой,
Ты любишь громъ небесъ и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.

Въ немъ столько естественнаго, бессознательно-христіанскаго прощенія, снисхожденія къ малымъ. И ни тѣни зависти корысти или злобы—къ великимъ. Съ какою безпечною отдаетъ онъ сердце свое, съ какою царственною щедростью, даже расточительностью. Онъ кажется всѣмъ человѣкомъ, какъ всѣ, «добрымъ малымъ» Пушкинымъ. И почти никто изъ «друзей» не подозрѣваетъ страшнаго величія его, безнадежнаго одиночества. Оно обнаружилось вдругъ только передъ самою смертью, когда онъ могъ сказать себѣ съ тихою послѣднею горечью: «ты царь—умри одинъ!»

И Гете, еще болѣе одинокій, чѣмъ Пушкинъ, умѣлъ «скрываться въ тѣнь долины малой» со своихъ ледяныхъ безмолвныхъ вершинъ, гдѣ обитаютъ ужасныя Матери,—

для дружбы съ пламеннымъ и столь земнымъ, несмотря на свою «небесность», Шиллеромъ.

Въ жизни Л. Толстого поражаетъ особое одиночество, не то, которое свойственно гениямъ, а иное, земное, житейское, человѣческое. Онъ приобрѣлъ себѣ почти все, что можетъ человѣкъ приобрести на землѣ,—кромѣ друга. Его отношенія къ Фету нельзя назвать дружбою: онъ смотритъ на него слишкомъ свысока. Да и могъ ли Феть быть другомъ Толстому? Это скорѣе пріятельство двухъ барскихъ, помѣщичьихъ семей—не болѣе. Всю жизнь окружаютъ его только родственники, поклонники, наблюдатели, или наблюдаемые и, наконецъ, ученики—послѣдніе, кажется, дальше всѣхъ отъ него. И съ годами увеличивается въ немъ эта слишкомъ благоразумная, расчетливая замкнутость, бережливость сердца, совершенная неспособность къ дружбѣ. Одинъ только разъ судьба, какъ бы желая испытать его, послала ему достойнаго, великаго друга. И онъ самъ оттолкнулъ его или не сумѣлъ приблизить. Я разумѣю Тургенева.

Ихъ отношенія—одна изъ труднѣйшихъ и любопытнѣйшихъ психологическихъ загадокъ въ исторіи русской литературы. Какая-то таинственная сила влекла ихъ другъ къ другу, но, когда они сходились до извѣстной близости—отталкивала, для того, чтобы потомъ снова притягивать. Они были непріятны, почти невыносимы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, единственно-близки, нужны другъ другу. И никогда не могли они ни сойтись, ни разойтись окончательно.

Тургеневъ первый понялъ и привѣтствовалъ въ Толстомъ великаго русскаго писателя: «Когда это молодое вино перебродитъ, выйдетъ напитокъ, достойный боговъ», еще въ 1856 году писалъ онъ Дружинину. А черезъ двадцать лѣтъ слишкомъ—Фету: «Имя Л. Толстого начинаетъ приобретать европейскую знаменитость; мы, русскіе, давно знаемъ, что у него нѣтъ соперниковъ».

«Мнѣніе человѣка,—признается Л. Толстой,—котораго я не люблю, и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе вырастаю,—мнѣ дорого—Тургенева».

«Въ отдаленіи, хотя это звучитъ довольно странно,—пишетъ онъ самому Тургеневу,—сердце мое къ вамъ лежитъ, какъ къ брату. Однимъ словомъ, я васъ люблю, это несомнѣнно».

Григоровичъ рассказываетъ о вечерахъ «Современника» на квартирѣ Некрасова въ 50-хъ годахъ. «Толстой лежитъ въ средней проходной комнатѣ на сафьянномъ диванѣ и дуется, а Тургеневъ, раздвинувъ полы своего короткаго пиджака, съ заложенными въ карманы руками, продолжаетъ ходить взадъ и впередъ по всѣмъ тремъ комнатамъ. Въ предупрежденіе катастрофы, Григоровичъ подходитъ къ Толстому

«— Голубчикъ, Толстой, не волнуйтесь. Вы знаете, какъ онъ васъ цѣнитъ и любитъ».

«— Я не позволю ему ничего дѣлать мнѣ назло,—говоритъ Толстой съ раздувающимися ноздрями.—Это вотъ онъ нарочно теперь ходитъ взадъ и впередъ мимо меня и виляетъ своими демократическими ляжками!..»

Наконецъ «катастрофа», которой не даромъ боялся Григоровичъ, разразилась въ Степановкѣ, имѣніи Фета, въ 1861 году—ссора изъ-за пустяковъ, которая, однако, едва не довела ихъ до поединка. Тургеневъ былъ виноватъ. Онъ погорячился, сказалъ лишнее. Толстой былъ правъ—какъ во всѣхъ своихъ житейскихъ отношеніяхъ, безукоризненъ и, несмотря на кажущійся внѣшній пылъ, внутренно холоденъ, замкнутъ и сдержанъ. А между тѣмъ, какъ это ни странно, виноватый Тургеневъ производитъ менѣе тягостное впечатлѣніе въ этой ссорѣ, чѣмъ правый Толстой. Тургеневъ тотчасъ опомнился и какъ мужественно, какъ просто и великодушно извинился. Толстой принялъ или только хотѣлъ принять его извиненіе за трусость.

«Я этого человѣка презираю», писалъ онъ Фету, зная, что слова его будутъ переданы врагу.

«Я чувствовалъ,—признавался Тургеневъ,—что онъ меня ненавидитъ, и не понималъ, почему онъ постоянно ко мнѣ обращается. Я долженъ былъ бы по прежнему держаться отъ него въ сторонѣ; я же попробовалъ приблизиться къ

нему, и это чуть не привело насъ къ дуэли. Я никогда не любилъ его. И какъ я не понялъ всего этого раньше!»

Казалось бы, все между ними кончено безповоротно. Но вотъ, черезъ семнадцать лѣтъ, Толстой дѣлаетъ снова первый шагъ къ Тургеневу, снова къ нему «обращается» и предлагаетъ ему помириться. Тургеневъ тотчасъ отвѣчаетъ съ радостною готовностью, какъ будто самъ только и хотѣлъ и ждалъ этого примиренія, встрѣчаетъ его, какъ послѣ долгой невольной разлуки самаго близкаго родного чело-вѣка.

И послѣдняя мысль умирающаго Тургенева обращена къ «другу», къ Толстому:

«Другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности! Вѣдь этотъ даръ вашъ оттуда, откуда все другое. Ахъ, какъ бы я былъ счастливъ, если бъ могъ подумать, что просьба моя такъ на васъ подѣйствуетъ... Другъ мой, великій писатель земли русской, внимлите моей просьбѣ!».

Въ этихъ словахъ есть недоговоренный страхъ за Толстого, безмолвное недовѣріе къ его христіанскому перерожденію. Толстой ничего не отвѣтилъ, по крайней мѣрѣ, предъ лицомъ русскаго народа, какъ обратился къ нему Тургеневъ — не отвѣтилъ ему. И какъ знать, не уязвило ли его это письмо, исполненное той безконечной силы правды, которую люди говорятъ только на краю гроба, больнѣе, чѣмъ какое-либо изъ ихъ прежнихъ столкновеній? Не повторилъ ли онъ въ тайнѣ сердца своего, съ пробудившеюся снова неодолимою ненавистью, съ напраснымъ желаніемъ презрѣнія: я этого чело-вѣка презираю. Какъ всегда въ тѣхъ именно случаяхъ, когда, казалось бы, слѣдуетъ ожидать отъ него самаго великаго, правдиваго, всерѣщающаго слова, онъ замолчалъ и пропустилъ мимо ушей эту послѣднюю мольбу умирающаго друга и врага своего, какъ недостойную отвѣта.

Однажды Тургеневъ сказалъ, можетъ-быть, самое глубокое и проникновенное слово, которое когда-либо говори-лось о Л. Толстомъ: главный недостатокъ его заключается въ отсутствіи *духовной свободы*.

О Левинѣ, который, какъ это было Тургеневу ясно, есть двойникъ самого Льва Толстого, онъ писалъ одному пріятелю:

«Развѣ могъ бы ты хоть на секунду допустить... что Левинъ вообще способенъ кого-нибудь любить? Нѣтъ, любовь—это одна изъ тѣхъ страстей, которыя уничтожаютъ наше «я»... Левинъ же, узнавъ, что онъ любимъ и счастливъ, не перестаетъ заниматься своимъ собственнымъ «я», не перестаетъ ухаживать за самимъ собою... *Левинъ—эгоистъ до мозга костей*».

«— У васъ есть удивительное, рѣдкое качество—откровенность,—замѣчаетъ Нехлюдовъ Иртеньеву

«— Да,—соглашается Иртеньевъ не безъ тайнаго самоудовольства, я всегда говорю именно тѣ вещи, въ которыхъ мнѣ стыдно признаться».

Странное, однако, впечатлѣніе производитъ «откровенность» Толстого, если глубже вникнуть въ нее: начинаетъ казаться, что этою откровенностью онъ еще больше скрываетъ послѣднюю глубину и тайну свою, такъ что, чѣмъ откровеннѣе онъ, тѣмъ скрытнѣе. Всегда говоритъ именно тѣ вещи, въ которыхъ стыдно ему признаться, кромѣ одной, главной, самой стыдной и страшной: о ней онъ ни съ кѣмъ, даже съ самимъ собою, никогда не говоритъ. Тургеневъ былъ единственный человѣкъ, съ которымъ онъ не могъ, какъ со всѣми, ни молчать, ни быть скрытно откровеннымъ. Тургеневъ слишкомъ зналъ, что такое Левинъ, слишкомъ ясно видѣлъ, что никогда никого не можетъ онъ полюбить, кромѣ себя, и что въ этомъ—послѣдній стыдъ, послѣдній страхъ его, въ которыхъ признаться не имѣетъ онъ силы. Въ чрезмѣрномъ ясновидѣніи Тургенева заключается, можетъ-быть, главная причина той загадочной, то притягивающей, то отталкивающей силы, которая такъ чудесно играла ими всю жизнь. Они были какъ два зеркала, поставленные другъ противъ друга, отражающія, углубляющія другъ друга до безконечности; оба они боялись этой слишкомъ прозрачной и темной безконечности.

Столь же замѣчательны отношенія Л. Толстого къ Достоевскому.

Они никогда не видались. Левъ Николаевичъ въ теченіе долгихъ лѣтъ собирался съ нимъ познакомиться: «я его считалъ моимъ другомъ, и иначе не думалъ, какъ то, что мы увидимся, и что теперь только не пришлось, но что это мое». Все собирался, но такъ и не собрался, не удосужился, и только послѣ знаменитыхъ похоронъ Достоевскаго, когда всѣ сразу заговорили, закричали о немъ, засуетились, какъ будто впервые открыли его, и Левъ Николаевичъ, наконецъ, присоединился къ общему хору, тоже заторопился навстрѣчу всенародному признанію, вспомнилъ и о своей заочной, запоздалой любви и *вдругъ* почувствовалъ, что это былъ «самый близкій, дорогой, нужный» ему человѣкъ. «Опора какая-то отскочила отъ меня. Я растерялся... я плакалъ и теперь плачу... На-дняхъ, до его смерти я прочелъ «Униженные и оскорбленные» и «умилялся».

Удивительно, однако, какъ ему до конца не везло съ Достоевскимъ: ну, почему бы, кажется, ужъ если «плакать и умиляться», не выбрать чего-нибудь болѣе заслуживающаго, хотя бы «Преступленіе и наказаніе», «Идіота», «Братьевъ Карамазовыхъ»? Почему остановился онъ именно на одномъ изъ немногихъ, посредственныхъ, юношескихъ и устарѣлыхъ, не имѣющихъ будущности, произведеній Достоевскаго, на «Униженныхъ и оскорбленныхъ»? Опять—досадная случайность, опять «не пришлось», не удосужился?

Но вотъ, что еще болѣе удивительно въ этомъ «похоронномъ» письмѣ:

«...Никогда мнѣ въ голову не приходило мѣряться съ нимъ, никогда,—увѣряетъ Л. Толстой.—Все, что онъ дѣлалъ (хорошее, настоящее, что онъ дѣлалъ)»,—не предполагаютъ ли, однако, эти скобки, что Достоевскій дѣлалъ и не настоящее, не хорошее, о чемъ онъ, Левъ Николаевичъ, здѣсь, надъ гробомъ, считаетъ пристойнымъ умолчать?—«все, что онъ дѣлалъ, было такое, что чѣмъ больше онъ сдѣлаетъ, тѣмъ мнѣ лучше. Искусство вызываетъ во мнѣ зависть, умъ то же, но дѣло сердца—только радость».

Что это? Какъ понять? Слишкомъ ли онъ тутъ скрытенъ, или слишкомъ откровененъ? признается въ зависти вообще,

но отнюдь не въ зависти къ величайшему сопернику: въ произведеніяхъ Достоевскаго, молъ, только «дѣло сердца» не болѣе? Неужели, однако, не болѣе? Неужели во всемъ Достоевскомъ такъ-таки и нѣтъ ничего, кромѣ «дѣла сердца»—ни ума, ни искусства, которымъ бы иногда могъ и Л. Толстой позавидовать? Или же въ сравненіи съ «дѣломъ сердца» искусство и умъ у Достоевскаго такъ не важны, такъ мелки, что о нихъ и говорить не стоитъ? Но вѣдь отъ такой похвалы не поздоровится. А Левъ Николаевичъ плакалъ, конечно, искренне плакалъ и умилялся надъ Достоевскимъ... Не цѣлый ли лабиринтъ въ этихъ немногихъ словахъ? Попробуйте-ка, разберитесь въ нихъ. Снаружи какъ просто—какъ сложно внутри. Кажется, мысль его смотритъ мнѣ прямо въ глаза, невинная, голая, но только что я пытаюсь поймать ее, она, какъ оборотень, ускользаетъ изъ рукъ моихъ, и нѣтъ ея, и я не знаю, что это было, —только холодно и жутко.

И въ этомъ письмѣ, какъ, впрочемъ, всегда, не обмолвился онъ ни словомъ о самомъ важномъ, любопытномъ вызывающемъ на неизбѣжную послѣднюю откровенность—объ отношеніи не только своемъ къ Достоевскому, но и Достоевскаго къ нему. А вѣдь именно Достоевскій говорилъ и еще незадолго до смерти объ ученіи Л. Толстого о христіанскомъ перерожденіи его такъ прямо, такъ искренно, какъ никто никогда не говорилъ. Или опять «не пришлось», не случилось Льву Николаевичу заглянуть въ «Дневникъ писателя», или онъ просто не полюбопытствовалъ? А вѣдь какъ бы не полюбопытствовать кажется, не узнать, что думаетъ о святомъ-святыхъ его этотъ «самый близкій, нужный ему, дорогой человѣкъ», эта внутренняя «опора» всей духовной жизни его? И о чемъ бы, кажется, и кому говорить, какъ не объ этомъ Льву Толстому съ Достоевскимъ, и особенно въ такую торжественную минуту, когда онъ вдругъ почувствовалъ, что опоздалъ къ живому другу, и что ему остается только плакать надъ мертвымъ?

Достоевскій первый пророчески указалъ на будущее, въ то время почти никому еще непонятное, да и донинѣ едва

ли вполнѣ понятос, *всемірное* значеніе художественныхъ произведеній Толстого. И такъ же ясно, какъ силу, видѣлъ онъ и слабость его. О Левинѣ Достоевскій говоритъ почти то же самое, что Тургеневъ: «Левинъ эгоистъ до мозга костей»—только другими словами. Онъ спрашиваетъ себя: «отчего произошло столь *мрачное обособленіе* Левина и столь *угрюмое отъединеніе въ сторону*? И возвращается не разъ къ этому вопросу, между прочимъ, размышляя и о такъ называемомъ «опрощеніи» Левина и Льва Толстого, объ ихъ попыткахъ «вернуться къ народу». Достоевскій сознавалъ, что онъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ русскихъ культурныхъ людей, имѣетъ право высказать свое мнѣніе по этому поводу: «я видѣлъ народъ нашъ и знаю его, жилъ съ нимъ довольно лѣтъ, ѣлъ съ нимъ, спалъ съ нимъ и самъ «къ злодѣямъ причтенъ былъ», работалъ съ нимъ настоящей мозольной работой... Не говорите же мнѣ, что я не знаю народа! Я его знаю».

Достоевскій думалъ, что бездна, отдѣляющая такихъ людей, какъ Левинъ и Левъ Толстой, отъ народа, гораздо глубже и непереступнѣе, чѣмъ они полагаютъ. «Ничего нѣтъ ужаснѣе, какъ жить не въ своей средѣ. Мужикъ, переселенный изъ Таганрога въ Петропавловскій портъ, тотчасъ же найдетъ тамъ такого же точно русскаго мужика, тотчасъ же сговорится и сладится съ нимъ. Не то для «благородныхъ». Они раздѣлены съ престономародьемъ глубочайшею бездною, и это замѣчается *вполнѣ* только тогда, когда *благородный* вдругъ самъ, силою внѣшнихъ обстоятельствъ, дѣйствительно, на дѣлѣ лишится прежнихъ правъ своихъ и обратится въ престономародье. Не то, хоть всю жизнь свою знайте съ народомъ, хоть сорокъ лѣтъ сряду каждый день сходитесь съ нимъ... по-дружески, въ видѣ благодѣтеля или въ нѣкоторомъ смыслѣ отца, — никогда самой сущности не узнаете. Все будетъ только оптической обманъ и ничего больше. Я вѣдь знаю, что всѣ, рѣшительно всѣ, читая мое замѣчаніе, скажутъ, что я преувеличиваю. Но я убѣжденъ, что оно вѣрно... Можетъ-быть, впоследствии всѣ узнаютъ, до какой степени это справедливо».

«...Надо дѣлать только то, что велитъ сердце: велитъ отдать имѣніе—отдайте, велитъ итти работать на всѣхъ—идите, но и тутъ не дѣлайте такъ, какъ иные мечтатели, которые прямо берутся за тачку: дескать, я не баринъ, я хочу работать, какъ мужикъ. Тачка опять-таки мундиръ. — Не раздача имѣнія обязательна и не одѣваніе зипуна: все это лишь буква и формальность; обязательна и важна лишь *рѣшимость ваша дѣлать все ради дѣятельной любви*, все, что возможно вамъ, что искренно признаете для себя возможнымъ. Всѣ же эти старанія «опроститься» — лишь одно только переряживаніе, невѣжливое даже къ народу и васъ унижающее».

«...Сомнѣнія кончились, и Левинъ увѣровалъ,—во что? Онъ еще этого строго не опредѣлилъ, но онъ уже вѣруеть. Но вѣра ли это?—Надобно полагать, что еще нѣтъ. Мало того: врядъ ли у такихъ, какъ Левинъ, и можетъ быть окончательная вѣра. Левинъ любитъ называть себя народомъ, но *это баричъ, московскій баричъ средне-высшаго круга*, историкомъ котораго и былъ по преимуществу графъ Л. Толстой.—Я хочу только сказать, что вотъ эти—какъ Левинъ, сколько бы ни прожили съ народомъ или подлѣ народа, но народомъ вполне не сдѣлаются, мало того—во многихъ пунктахъ такъ и не поймутъ его никогда вовсе. Мало одного самомнѣнія или акта воли, да еще столь причудливой, чтобы захотѣть и стать народомъ. Пусть онъ помѣщикъ, и работащій помѣщикъ, и работы мужицкія знаетъ, и самъ косить, и телѣгу запрячь умѣетъ,—все-таки въ душѣ его, какъ онъ ни старайся, останется отгѣнокъ чего-то, что можно, я думаю, назвать *праздношатайствомъ*, тѣмъ самымъ праздношатайствомъ физическимъ и духовнымъ, которое, какъ онъ ни крѣпись, а все же досталось ему по наслѣдству, и которое ужъ, во всякомъ случаѣ, видитъ во всякомъ баринѣ народъ.—А вѣру свою онъ разрушитъ опять, разрушитъ самъ, долго не продержится: выйдетъ какой-нибудь новый сучокъ и разомъ все рухнетъ.—Однимъ словомъ, эта чистая душа есть самая праздно-хаотическая душа, иначе онъ не былъ бы современнымъ русскимъ интеллигентнымъ бариномъ, да еще средне-высшаго дворянскаго круга.

Не знаменательно ли совпаденіе въ отзывѣ о Левинѣ и Львѣ Толстомъ двухъ столь своеобразныхъ, чуждыхъ другъ другу и даже противоположныхъ умовъ, какъ «западникъ» Тургеневъ и «славянофилъ» Достоевскій? «Никогда никого не любилъ, кромѣ себя самого»—«эгоистъ до мозга костей»—«московскій баричъ средне-высшаго круга»—«праздно-хаотическая душа»—«праздношатайство». Неужели, однако, это послѣдній приговоръ?

Кажется, Тургеневъ и Достоевскій справедливы, но не до конца справедливы; въ пылу слишкомъ близкой и страстной борьбы не захотѣли или не сумѣли они высказать все, что, можетъ-быть, имъ самимъ уже смутно чужалось и въ Левинѣ, и во Львѣ Толстомъ, какъ искателяхъ новой религіи. Кажется, теперь для насъ, болѣе далекихъ и болѣе спокойныхъ, возможно и большее проникновеніе въ эту все-таки единственно-великую человѣческую душу, потому что для насъ возможно большее милосердіе. А вѣдь только послѣднее милосердіе есть въ то же время и послѣдняя справедливость.

Ежели есть въ жизни, въ дѣйствіяхъ Л. Толстого то, что я называю «эпикурействомъ» или «охотничествомъ» дяди Ерочки, что Достоевскій, пожалуй, съ чрезмѣрной рѣзкостью, называлъ «праздношатайствомъ московскаго барича», то все-таки во внѣжизненномъ, творческомъ созерцаніи своемъ и въ своей бессознательной стихіи—онъ глубже эпикурейства. Все-таки первая основа души его такъ же, какъ у всѣхъ людей нашего времени—бездонно-глубокая, трагическая. Стоитъ взглянуть на это лицо, до грубости сильное, лицо еще слѣплого подземнаго титана, чтобы почувствовать, что это не только «эпикуреецъ», не только «баричъ средне-высшаго дворянскаго круга», и что ужъ во всякомъ случаѣ это не обыкновенный, безмятежный и беззастѣнчивый эпикуреецъ, какъ, напримѣръ, наши русскіе баре XVIII вѣка, что это—не даромъ въ образѣ нищаго Лазаря отъ самого себя скрывающійся богачъ, огорченный, испуганный и застыдившійся эпикуреецъ. Сквозь лучезарнѣйшую радость жизни, хотя и не въ живомъ, не въ явномъ, не въ дневномъ, а въ темномъ,

закрытомъ, еще слѣпомъ, подземномъ и тайномъ лицѣ его я узнаю каинову печать нашего вѣка, печать неисцѣлимой скорби и гордыни. И тѣ, кого назвалъ Баратынскій

Поэзіи таинственныхъ скорбей
Могучія и сумрачныя дѣти,

могли бы иногда привѣтствовать въ немъ одного изъ своихъ—

Ты съ нами пилъ изъ общей чаши,
Какъ мы, отравленъ и великъ.

Будущаго онъ не достигъ, но и къ прошлому нѣтъ для него возврата. Онъ не доплылъ до другого берега, не долетѣлъ до другого края бездны—онъ погибаетъ, но его величіе въ гибели его.

Онъ никогда никого не любилъ, даже и себя не дерзнулъ любить послѣднею безстрастною и безстрашною любовью. Но кто съ большею мукою жаждалъ любви, чѣмъ онъ? Онъ никогда ни во что не вѣрилъ. Но кто съ большею неутомимостью жаждалъ вѣры, чѣмъ онъ? Это не все, но развѣ этого мало?

«Пускай,—говоритъ онъ въ *Исповѣди*,—пускай я, выпавшій птенецъ, лежу на спинѣ, пищу въ высокой травѣ, но я пищу оттого, что знаю, что меня въ себѣ выносила мать, высиживала, грѣла, кормила, любила. Гдѣ она, эта мать? Если забросили меня, то кто же забросилъ? Не могу я скрыть отъ себя, что, любя, родилъ меня кто-то. Кто же этотъ кто-то?»

Я не вѣрю ему, когда онъ увѣряетъ, будто бы нашелъ истину и навсегда успокоился, что теперь ему «все ясно стало». И кажется, когда онъ это говоритъ,—онъ всего дальше отъ Бога и отъ истины. Но я не могу ему не повѣрить, когда онъ говоритъ о себѣ, какъ о жалкомъ, выпавшемъ изъ гнѣзда, птенцѣ. Да, какъ ни страшно,—а это такъ. И онъ, этотъ титанъ со всей своей силою—только жалкій птенецъ, который выпалъ изъ гнѣзда, лежитъ на спинѣ и пицить въ высокой травѣ, какъ я и вы, и всѣ мы до одинаго. Нѣтъ, ничего не нашелъ онъ—никакой вѣры, никакого Бога. И все его оправданіе—только въ этой безнадежной мольбѣ, и въ этомъ

пронзительно-жалобномъ крикѣ безпредѣльнаго одиночества и ужаса. Да, и онъ, и всѣ мы только смутно чувствуемъ, но еще не знаемъ, какіе мы дѣйствительно жалкіе, покинутые птенцы, лишенные нашей единственной всѣчеловѣческой Матери-Церкви,—я разумѣю Церковь не прошлаго и не настоящаго, а грядущаго Іерусалима, ту, которая всегда говоритъ людямъ: сколько разъ хотѣла я собрать васъ, какъ мать собираетъ птенцовъ подъ крылья свои, и вы не захотѣли.

Какъ близокъ онъ былъ къ тому, чего искалъ! Кажется—еще одинъ мигъ, одно усилие—и все открылось бы ему. Почему же не сдѣлалъ онъ этого шага? Какая черта отдѣляла его отъ грани будущаго? Какая безконечная слабость въ безконечной силѣ его помѣшала ему разорвать послѣднюю завѣсу, уже прозрачную, тонкую, какъ «слабая паутина»—и увидѣть Свѣтъ.

И нынѣ, исполнилъ ли онъ все, что назначено ему было исполнить на землѣ? Закончилъ ли кругъ своего духовнаго развитія? Остановился ли и окаменѣлъ, или снова оживетъ и снова совершится въ немъ послѣднее, уже дѣйствительно послѣднее перерожденіе?

Кому предсказывать будущность такого человѣка? Но не кажется ли всѣмъ намъ, что слова и дѣла его жизни для насъ уже не любопытны, незначительны, что мы знаемъ заранѣе, что больше того, что сказалъ и сдѣлалъ,—онъ уже не скажетъ и не сдѣлаетъ, и что онъ будетъ жить, какъ жилъ всегда. Но какъ онъ будетъ умирать?

Гете говоритъ: «благо тому, кто сумѣетъ соединить конецъ своей жизни съ началомъ ея»: это значитъ—соединить «змѣиную мудрость» старости своей съ «голубиною простотою» своего дѣтства. Сумѣетъ ли соединить ихъ Л. Толстой? Произойдетъ ли въ немъ, если не въ жизни, то, по крайней мѣрѣ, въ смерти, это послѣднее Воскресеніе, о которомъ я говорю? Спадетъ ли съ очей слѣпого титана послѣдняя пелена, и прозрѣетъ ли онъ окончательно при «бѣломъ свѣтѣ смерти»?

Въ первой книгѣ его есть изображеніе весенней природы послѣ грозы, какой она является глазамъ ребенка.

«... Я высовываюсь изъ брички и жадно вливаю въ себя освѣженный душистый воздухъ... Все мокро и блеститъ на солнцѣ, какъ покрытое лакомъ. Съ одной стороны дороги—необозримое озимое поле, кое-гдѣ перерѣзанное неглубокими овражками, блеститъ мокрою землею и зеленью и разстилается тѣнистымъ ковромъ до самаго горизонта; съ другой стороны—осиновая роща, поросшая орѣховымъ и черемушнымъ подсѣдомъ, какъ бы въ избыткѣ счастья, стоитъ—не шелохнется и медленно роняетъ со своихъ обмытыхъ вѣтвей свѣтлыя капли дождя на сухіе, прошлогодніе листья. Со всѣхъ сторонъ вьются съ веселою пѣснью и быстро падаютъ хохлатые жаворонки; въ мокрыхъ кустахъ слышно хлопотливое движеніе маленькихъ птичекъ, и изъ середины рощи ясно долетаютъ звуки кукушки. Такъ обаятеленъ этотъ чудный запахъ лѣса, послѣ весенней грозы, запахъ березы, фіалки, прѣлаго листа, сморчковъ, черемухи, что я не могу усидѣть въ бричкѣ, соскакиваю съ подножки, бѣгу къ кустамъ и, несмотря на то, что меня осыпаетъ дождевыми каплями, рву мокрыя вѣтки распустившейся черемухи, бью себя ими по лицу и упиваюсь ихъ чуднымъ запахомъ. Не обращая даже вниманія на то, что къ сапогамъ моимъ липнуть огромные комки грязи и чулки мои давно уже мокры, я, шлепая по грязи, бѣгу къ окну кареты.

«— Любочка! Катенька!—кричу я, подавая туда нѣсколько вѣтокъ черемухи,—посмотри, какъ хорошо!

«Дѣвочки пищать, охаютъ; Мими кричитъ, чтобы я ушелъ, а то меня непременно раздавятъ.

«— Да ты понюхай, какъ пахнетъ!—кричу я».

Мелькнетъ ли въ предсмертномъ бреду его это воспоминаніе дѣтства? Почудится ли ему снова упоительный запахъ черемухи и свѣжее, какъ дѣтскій поцѣлуй, прикосновеніе мокрыхъ вѣтокъ къ лицу? И почувствуетъ ли онъ тогда, что въ этой безконечной радости земной и этой любви къ земному, даже только къ земному, было и начало неземного? Пойметъ ли онъ, что неодолима, нечеловѣческая, животная

и, вмѣстѣ съ тѣмъ, божественная любовь его къ плоти, съ которою онъ всю жизнь такъ тщетно боролся, могла бы остаться такой же невинной, какъ въ еще болѣе далекомъ, незапамятномъ дѣтствѣ, когда онъ, купаясь въ корытѣ, въ первый разъ замѣтилъ и полюбилъ «свое маленькое голое тѣльце, съ выступавшими ребрами»; и что эта любовь его къ себѣ одному была бы святою, если бы только онъ любилъ себя до конца,—а это значить, любилъ себя не для себя, а для Бога, такъ же вѣдь, какъ и другихъ велѣлъ Господь любить не для нихъ самихъ, а для Него? Пойметъ ли онъ, наконецъ, что тутъ нѣтъ высшаго и низшаго, что это два противоположныхъ и равно-истинныхъ пути, ведущихъ къ одному и тому же; что это, въ сущности, даже и не два пути, а одинъ, только до времени кажущійся двумя, что не противъ и не отъ земли, а только черезъ землю можно притти къ неземному, не противъ и не безъ плоти, а только чрезъ плоть—къ тому, что за плотью? И намъ ли бояться плоти—намъ, дѣтямъ того, Кто сказалъ: кровь Моя истинно есть питіе, и плоть Моя истинно есть пища,—намъ, чей Богъ, чье «Слово стало плотью»?

Какъ нужно и важно было бы для всѣхъ насъ, чтобы и Л. Толстой, этотъ въ настоящее время все-таки величайшій, сильнѣйшій изъ русскихъ людей, увидѣлъ то, что мы уже видимъ и въ жизни, и въ смерти нашими едва прозрѣвшими и свѣтомъ ослѣпленными глазами—послѣдній свѣтъ, послѣднее соединеніе—чтобы и онъ *это* увидѣлъ, если не въ жизни, то хоть въ смерти своей, чтобы онъ успѣлъ, если не написать, то хоть сказать намъ объ *этомъ*,—о, мы вѣдь услышимъ и поймемъ слова его, сказанныя даже въ предсмертномъ бреду, какъ бы ни казались они другимъ неясными, ибо сказанное для насъ уже важнѣе, нужнѣе написаннаго: говорится, что есть и будетъ, пишется лишь то, что было и чего уже нѣтъ; нашу послѣднюю истину еще нельзя написать—ее можно только сказать и совершить.

Но успѣетъ ли онъ? Дай Богъ ему и намъ, чтобъ онъ успѣлъ.

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

Въ противоположность Л. Толстому, Достоевскій не любить говорить о себѣ.

Этому, повидимому, столь нескромному, даже какъ будто жестокому и циническому разоблачителю чужихъ сердець— въ высшей степени свойственно относительно собственнаго сердца то цѣломудріе, которое Тютчевъ находитъ въ сѣверной природѣ,—то, какъ онъ выражается,

Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

«Никогда,—говоритъ Страховъ,—не было замѣтно въ немъ— Достоевскомъ—никакого огорченія или ожесточенія отъ перенесенныхъ имъ страданій, и никогда ни тѣни желанія играть роль страдальца.—Федоръ Михайловичъ велъ себя такъ, какъ будто въ прошломъ у него ничего особеннаго не было, не выставлялъ себя ни разочарованнымъ, ни сохраняющимъ рану въ душѣ, а, напротивъ, глядѣлъ весело и бодро, когда позволяло здоровье. Помню, какъ одна дама, въ первый разъ попавшая на редакціонные вечера Михаила Михайловича (брата Достоевскаго), съ большимъ вниманіемъ вглядывалась въ Федора Михайловича и, наконецъ, сказала:

«— Смотрю на васъ и, кажется, вижу въ вашемъ лицѣ тѣ страданія, какія вы перенесли.

«Ему были видимо досадны эти слова.

«— Какія страданія!—воскликнулъ онъ, и принялся шутить о совершенно постороннихъ предметахъ».

Достоевскій не умѣлъ возбуждать любопытства своей частною жизнью. Самообличеній у него такъ же мало, какъ упрековъ. Только въ послѣдніе годы въ «Дневникѣ писателя», иногда обращался онъ къ воспоминаніямъ дѣтства; но и здѣсь не только ни на кого не жаловался, а, напротивъ, старался оправдать и облагородить въ своемъ воображеніи ту среду, изъ которой вышелъ, какъ будто хотѣлъ убѣдить себя и другихъ, что жизнь его была счастливѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

«Я былъ, можетъ-быть, однимъ изъ тѣхъ, которымъ наиболѣе облегченъ былъ возвратъ къ народному корню, къ узнанію русской души, къ признанію духа народнаго. Я происходилъ изъ семейства русскаго и благочестиваго. Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, я помню любовь ко мнѣ родителей. Мы въ семействѣ нашемъ знали Евангеліе чуть не съ перваго дѣтства. Мнѣ было всего лишь десять лѣтъ, когда я уже зналъ почти всѣ главные эпизоды русской исторіи изъ Карамзина, котораго вслухъ по вечерамъ читалъ намъ отецъ. Каждый разъ посѣщеніе Кремля и соборовъ московскихъ было для меня чѣмъ-то торжественнымъ».

Однажды въ разговорѣ съ братомъ, помянувъ своихъ покойныхъ родителей, онъ воодушевился и горячо сказалъ:

— «Да знаешь ли, братъ, вѣдь это были люди передовые, и въ настоящую минуту они были бы передовыми!... А ужъ такими семьянинами, такими отцами намъ съ тобою не быть, братъ!»

Трудно, однако, рѣшить, насколько заслуживаютъ довѣрія эти счастливыя воспоминанія Достоевскаго. По словамъ его брата, отецъ ихъ «былъ чрезвычайно взыскателенъ и нетерпѣливъ, а главное—очень вспыльчивъ». По другимъ извѣстіямъ, это былъ «человѣкъ угрюмый, нервный, подозрительный».—«Мнѣ жаль бѣднаго отца,—пишетъ самъ Достоевскій въ 1838 г., то-есть, когда ему было 16 лѣтъ,—странный характеръ! Ахъ, сколько несчастій перенесъ онъ. Горько до слезъ, что нечѣмъ его утѣшить».

Судя по нѣкоторымъ другимъ, столь же неяснымъ намекамъ, въ судьбѣ или въ самой личности этого, дѣйствительно,

кажется, «страннаго» человѣка было что-то загадочное и трагическое; во всякомъ случаѣ, весьма вѣроятно, что тяжелый нравъ отца, его угрюмость, вспыльчивость и подозрительность имѣли вліяніе на Федора Михайловича глубокое, хотя, къ сожалѣнію, для изслѣдованія, по недостатку свидѣтельствъ, почти недоступное. Только одинъ изъ жизнеописателей приподымаетъ покровъ надъ этою семейною тайною, но тотчасъ и опускаетъ; говоря о происхожденіи падучей болѣзни у Достоевскаго, замѣчаетъ этотъ біографъ очень сдержанно и глухо: «есть еще одно совершенно особое свидѣтельство о болѣзни Федора Михайловича, относящее ее къ самой ранней его юности и связывающее ее съ *трагическимъ случаемъ* въ ихъ семейной жизни. Но, хотя это и передано мнѣ на словахъ очень близкимъ къ Ф. М. человѣкомъ, я ни откуда болѣе не встрѣтилъ подтвержденія этому слуху, а потому и не рѣшаюсь подробно и точно его изложить».

Должно-быть, случай этотъ въ жизни «семейства русскаго и благочестиваго», какъ выражается самъ Достоевскій, былъ, дѣйствительно, страшный, если отъ него могла произойти у ребенка падучая, и если жизнеописатель не рѣшается сообщить этотъ слухъ, опираясь на свидѣтельство человѣка, даже «очень близкаго къ Федору Михайловичу». И пусть это только «слухъ»,—нельзя ли заключить изъ трагическаго свойства легенды, что въ «дѣтствѣ и въ отрочествѣ» Достоевскаго не все было такъ свѣтло и отрадно, какъ оно чудилось ему сквозь даль воспоминаній? Едва ли не свою собственную жизнь, по сравненію съ жизнію Л. Толстого, разумѣлъ Достоевскій, когда называлъ героя романа «Подростокъ» *членомъ случайнаго семейства*—«въ противоположность еще недавнимъ родовымъ нашимъ типамъ, имѣвшимъ столь отличныя дѣтство и отрочество». Едва ли также не о себѣ, не о своемъ собственномъ дѣтствѣ и отрочествѣ говоритъ онъ и этимъ еще болѣе горькимъ словомъ того же героя: «сознаніе, что у меня, во мнѣ, какъ бы я ни казался смѣшонъ и униженъ, лежитъ то сокровище силы, которое заставитъ ихъ всѣхъ когда-нибудь измѣнить обо мнѣ мнѣніе, это созна-

ше уже съ самыхъ почти дѣтскихъ униженныхъ лѣтъ моихъ составляло единственный источникъ жизни моей, мой свѣтъ и мое утѣшеніе—иначе я бы, можетъ-быть, убилъ себя еще ребенкомъ».

По сравненію съ Л. Толстымъ, потомкомъ, со стороны матери, великаго князя св. Михаила Черниговскаго, замученнаго въ Ордѣ, со стороны отца—Петра Андреевича Толстого, любимца Петра Великаго, начальника Тайной Канцеляріи, поимщика царевича Алексѣя, Достоевскій, сынъ штабъ-лѣкаря и купеческой дочери, родившійся въ больницѣ для бѣдныхъ, въ Москвѣ, на Божедомкѣ, близъ Марьиной Роши, есть, въ самомъ дѣлѣ, членъ «случайнаго семейства». Первое впечатлѣніе дѣтства его была, если не нужда, то крайняя стѣсненность. Отецъ, имѣвшій пятерыхъ человѣкъ дѣтей, занималъ квартиру, состоявшую собственно изъ двухъ комнатъ, кромѣ передней и кухни. Передняя была въ одно окно, и задняя часть этой комнаты отдѣлялась дощатой столярной перегородкой, образуя полутемный уголь, служившій дѣтскою для двухъ старшихъ братьевъ—Михаила и Федора Михайловича. «Отецъ,—разсказываетъ одинъ изъ братьевъ, Андрей Михайловичъ,—любилъ повторять, что онъ человѣкъ бѣдный, что дѣти его, въ особенности мальчики, должны готовиться пробивать себѣ сами дорогу, что со смертию его они останутся нищими». Въ 1838 году Достоевскій писалъ изъ Инженернаго Училища: «милый, добрый родитель мой, неужели вы можете думать, что сынъ вашъ, прося отъ васъ денежной помощи, просить у васъ лишняго?»

«Уважаю вашу нужду,—заклучилъ онъ,—небуду пить чаю». «Ты жалуешься на свою бѣдность,—сообщаетъ онъ брату почти въ это же время,—нечего сказать, и я не богатъ. Вѣришь ли, что я во время выступленія изъ лагерей не имѣлъ ни копейки денегъ; заболѣлъ дорогою отъ простуды (дождь лилъ цѣлый день, а мы были открыты) и отъ голода, и не имѣлъ ни гроша, чтобы смочить горло глоткомъ чаю».

Такъ жизнь Достоевскаго начинается бѣдностью, которой не суждено прекратиться почти до смерти его, и которая зависѣла не столько отъ внѣшнихъ случайностей, сколько отъ

внутреннихъ свойствъ природы его. Есть люди, не умѣющіе тратить—естественно, даже какъ бы помимо воли своей, предопредѣленные къ накопленію; есть другіе, не умѣющіе беречь—столь же естественно предназначенные къ расточительности.

По свидѣтельству брата, Ѳедоръ Михайловичъ никогда не зналъ, «сколько у него чего»—денегъ, платья, бѣлья. Докторъ Ризенкампфъ, нѣмецъ, по просьбѣ того же брата, поселившійся съ Достоевскимъ въ 1843 году въ Петербургѣ и старавшійся пріучить своего сожителя къ нѣмецкой аккуратности, «засталъ Ѳедора Михайловича безъ копейки, кормящагося молокомъ и хлѣбомъ, да и то въ долгъ изъ лавочки».—«Ѳедоръ Михайловичъ,—говоритъ Ризенкампфъ,—принадлежалъ къ тѣмъ личностямъ, около которыхъ живетъ всѣмъ хорошо, но которыя сами постоянно нуждаются. Его обкрадывали немилосердно, но при своей довѣрчивости и добротѣ, онъ не хотѣлъ вникать въ дѣло и обличать прислугу и ея прижавалокъ, пользовавшихся его безпечностью».—«Самое сожителство съ докторомъ,—прибавляетъ жизнеописатель,—чуть было не обратилось для Ѳедора Михайловича въ постоянный источникъ новыхъ расходовъ. Каждаго бѣдняка, приходившаго къ доктору за совѣтомъ, онъ готовъ былъ принять, какъ дорогого гостя».

Л. Толстой въ статьѣ своей о Переписи рассказываетъ, что въ Ляпинскомъ ночлежномъ домѣ искалъ онъ людей, достаточно нуждающихся, которые заслуживали бы денежной помощи, и которымъ бы онъ могъ раздать ввѣренныя ему московскими богачами-благотворителями и оставшіеся у него на рукахъ 37 рублей,—искалъ и не нашель. Можно сказать съ увѣренностью, что Достоевскій не затруднился бы въ подобномъ случаѣ.

Вообще любопытно сравнить эту естественную щедрость Достоевскаго, склонность его бросать деньги на вѣтеръ, съ такою же естественною, если не бережливостью, то, по крайней мѣрѣ, несклонностью Л. Толстого быть расточительнымъ. У того и у другого эти свойства—внѣ воли и внѣ сознанія. Такимъ каждый изъ нихъ родился—одинъ собирателемъ,

домостроителемъ, другой—расточителемъ, вѣчно-бездомнымъ скитальцемъ.

Достоевскому не нужно было доказывать себѣ, что деньги—зло, что слѣдуетъ отречься отъ собственности: онъ мучился бѣдностью и придавалъ деньгамъ, по крайней мѣрѣ, въ своемъ сознаниіи, большое значеніе; но только что онѣ оказывались у него въ рукахъ,—обращался съ ними такъ, какъ будто считалъ ихъ даже не зломъ, а совершеннымъ вздоромъ. Онъ любилъ или воображалъ, что любить ихъ, но онѣ его не любили. Л. Толстой ненавидитъ или думаетъ, что ненавидитъ ихъ, но онѣ любятъ его и сами идутъ къ нему. Одинъ, всю жизнь мечтающій о богатствѣ, прожилъ и, по всей вѣроятности, если бы не дѣловитость жены, умеръ бы нищимъ. Другой, всю жизнь мечтающій о бѣдности, не только не роздалъ, но и приумножилъ свое имѣніе. Можетъ-быть, все это—мелочь для такихъ людей; знаменательно, однако, что и въ этой жизненной мелочи они такъ противоположны.

Не только, впрочемъ, относительно денегъ, но и всѣхъ прочихъ благъ мірскихъ, въ судьбѣ Л. Толстого есть какъ-бы сила притягивающая, въ судьбѣ Достоевскаго—сила отталкивающая. Повидимому, Достоевскій отчасти сознавалъ присутствіе въ жизни своей этой роковой силы накликающей бѣдствіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ склонность приписывать причину своихъ страданій себѣ самому, своей «порочности». «У меня ужасный порокъ,—признается онъ брату,—неограниченное самолюбіе и честолюбіе». «Я тщеславенъ такъ, какъ будто съ меня кожу содрали, и мнѣ ужъ отъ одного воздуха больно», говоритъ герой «Записокъ изъ подполья», многими чертами напоминающій самого Достоевскаго.—«На-дняхъ Тургеневъ и Бѣлинскій разбранили меня за беспорядочную жизнь».—«Я боленъ нервами и боюсь горячки или лихорадки нервической. Порядочно я жить не могу, до того я безпутенъ». Едва ли, впрочемъ, въ подобныхъ признаніяхъ есть дѣйствительное раскаяніе. Это скорѣе нѣсколько грустныхъ и удивленныхъ самонаблюденій. «Чортъ знаетъ,—замѣчаетъ онъ,—давай мнѣ хорошаго, я непременно самъ сдѣлаю своимъ характеромъ худшее». И въ другой

разъ, много лѣтъ спустя, по поводу проигрыша на рулеткѣ въ Баденѣ: *«вездѣ-то и во всемъ я до послѣдняго предѣла дохожу, всю жизнь за черту переходилъ»*. Вотъ чего, можетъ-быть, не прощало Достоевскому провидѣніе нашего вѣка, столь боящагося «послѣднихъ предѣловъ», вотъ за что оно мстило ему такъ насмѣшливо и такъ безпощадно. Въ этомъ отношеніи, такъ же какъ и во многихъ другихъ, онъ чело-вѣкъ въ высшей степени несовременный и несвоевременный. Что касается Л. Толстого, то замѣчательно, что, несмотря на всю видимую страстность своихъ увлеченій въ области созерцательной, никогда, въ самой жизни, въ дѣйствіяхъ своихъ, не доходилъ онъ «до послѣдняго предѣла», не «переступалъ черты».

Достоевскій началъ съ успѣха. «Неужели вправду я такъ великъ, стыдливо думалъ я про себя въ какомъ-то робкомъ восторгѣ, рассказываетъ онъ свои мысли, по поводу впечатлѣнія, произведеннаго «Бѣдными людьми» на Некрасова и Григоровича.—О, я буду достойнымъ этихъ похвалъ,—и какіе люди, какіе люди! Я заслужу, постараюсь стать такимъ же прекраснымъ, какъ и они—пребуду «вѣренъ»! О, какъ я легкомысленъ, и если бъ Бѣлинскій только узналъ, какія во мнѣ есть дрянныя, постыдныя вещи». Слѣдующій романъ «Двойникъ» провалился. Друзья отвернулись отъ него, почувявъ, что ошиблись, что приняли его за другого. Судьба, какъ будто нарочно, послала ему мгновенный успѣхъ, чтобы тѣмъ больнѣе сдѣлать рядъ слѣдовавшихъ ударовъ и пораженій. Съ того времени вся литературная дѣятельность Достоевскаго была ожесточенной борьбой съ такъ называемымъ «русскимъ общественнымъ мнѣніемъ» и съ критикой. И какой несоотвѣтственной, какой случайной кажется намъ, начинающимъ понимать дѣйствительную мѣру заслугъ его, та слава, которая выпала ему на долю незадолго передъ смертью—особенно по сравненію съ прижизненною славою Л. Толстого.

«Давай мнѣ хорошаго, я непременно самъ сдѣлаю своимъ характеромъ худшее»—вѣрность этого самонаблюденія, кажется съ особенной очевидностью оправдалась въ дѣлѣ

Петрашевскаго, изъ-за котораго Достоевскій такъ жестоко поплатился.

Трудно себѣ представить, что именно заставило его вмѣшаться въ это дѣло. Мечты социалистовъ были не только чужды, но и враждебны его природѣ. «Онъ говорилъ,—замѣчаетъ одинъ изъ біографовъ,—что жизнь въ Икарійской коммунѣ или фаланстерѣ представляется ему ужаснѣе и противнѣе всякой каторги». Если сравнить тогдашнее его показаніе на судѣ съ тѣмъ, что онъ впослѣдствіи, безъ всякаго внѣшняго принужденія, проповѣдывалъ, то едва ли возможно заподозрить искренность его утвержденія, что «онъ не принадлежитъ ни къ какой социальной системѣ, будучи увѣренъ, что примѣненіе ихъ не только къ Россіи, но даже къ Франціи поведетъ за собою неминуемую гибель».

Главное, что уже и тогда отвращало его отъ социализма и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заставляло такъ упорно вдумываться въ попытку современнаго человѣчества устроиться на землѣ безъ Бога, безъ религіи,—былъ нравственный матеріализмъ этого ученія. По свидѣтельству очевидца, Петрашевскій производилъ на Ѳедора Михайловича отталкивающее впечатлѣніе тѣмъ, что былъ «безбожникъ и глумился надъ вѣрою». Точно такъ же легкомысленное отношеніе Бѣлинскаго къ религіи побудило въ Достоевскомъ ту неудержимую, ослѣпляющую ненависть, которая черезъ многіе годы разгоралась въ немъ каждый разъ все съ новою силою, когда вспоминалъ онъ о Бѣлинскомъ, объ этомъ будто бы «самомъ смрадномъ, тупомъ и позорномъ явленіи русской жизни» (письмо Н. Н. Страхову изъ Дрездена отъ 18—30 мая 1871 г.). Въ «Дневникѣ» за 1873 годъ онъ очень зло и тонко передаетъ какъ будто бы тоже насмѣшливый, на самомъ дѣлѣ, только въ высшей степени простодушный, чтобы не сказать больше, рассказъ Бѣлинскаго объ ихъ философскихъ бесѣдахъ, въ которыхъ русскій критикъ старался обратить будущаго творца «Идіота» въ безбожіе: «Каждый-то разъ,—говоритъ Бѣлинскій,—когда я вотъ такъ помяну Христа, у него все лицо измѣняется, точно заплакать хочетъ».—«Да повѣрьте же, наивный вы человѣкъ,—набросился онъ опять на

меня, вспоминаетъ Достоевскій,—повѣрьте же, что вашъ Христосъ, если бы родился въ наше время, былъ бы самымъ незамѣтнымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ; такъ и стушевался бы при нынѣшней наукѣ и при нынѣшнихъ двигателяхъ человѣчества». — «Этотъ человѣкъ ругаль мнѣ Христа!» вдругъ не выдерживаетъ Федоръ Михайловичъ, черезъ тридцать лѣтъ, какъ будто бесѣда происходила только наканунѣ, и раздражается яростною бранью.—«Этотъ человѣкъ ругаль мнѣ Христа, и между тѣмъ никогда онъ не былъ способенъ самъ себя и всѣхъ двигателей всего міра сопоставить со Христомъ для сравненія. Онъ не могъ замѣтить того, сколько въ немъ и въ нихъ мелкаго самолюбія, злобы, нетерпѣнія, раздражительности, подлости, а главное—самолюбія. Онъ не сказалъ себѣ никогда: что же мы поставимъ вмѣсто него? Неужели себя, тогда какъ мы гадки? Нѣтъ, онъ никогда не задумывался надъ тѣмъ, что онъ гадокъ; онъ былъ доволенъ собой въ высшей степени, и это была уже личная смрадная, позорная тупость». (Письмо къ Н. Н. Страхову отъ 18 мая 1871 г., см. полн. собр. соч. Достоевскаго, т. I, стр. 312, СПБ., 1883).

Итакъ, если кто-либо когда-нибудь былъ невиненъ въ социализмъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ социализмѣ, за который преслѣдовало тогдашнее русское правительство,—то это, конечно, Достоевскій. Онъ сдѣлался мученикомъ и едва не погибъ за то, во что не только ни минуты не вѣрилъ, но что ненавидѣлъ всѣми силами души. Что же влекло его къ этимъ людямъ? Не то же ли, что всю жизнь заставляло его искать самага труднаго, бѣдственнаго, жестокаго и страшнаго, какъ будто онъ чувствовалъ, что ему нужно «пострадать», чтобы вырасти до полной мѣры силъ своихъ? Или онъ переходилъ за черту, играя опасностью среди политическихъ заговорщиковъ такъ же, какъ игралъ онъ ею всегда и вездѣ, какъ впоследствии—въ карточной игрѣ, въ сладострастіи, въ мистическихъ ужасахъ?

Восемь мѣсяцевъ просидѣлъ онъ въ Петропавловской крѣпости. Одинъ изъ его товарищей по заключенію сталъ сходить съ ума. Федоръ Михайловичъ прочелъ здѣсь два

путешествія по св. мѣстамъ и сочиненія св. Дмитрія Ростовскаго. «Послѣднія,—лишетъ онъ,—меня очень заняли». Онъ ожидалъ смертнаго приговора и, дѣйствительно, услышалъ его.

«Когда осужденныхъ привезли на Семеновскій плацъ и троихъ уже привязали къ столбамъ,—разсказываетъ Спѣшневъ,—Федоръ Михайловичъ, какъ ни былъ онъ потрясенъ, не потерялся. Онъ былъ блѣденъ, но довольно быстро взошелъ на эшафотъ; скорѣе былъ торопливъ, чѣмъ подавленъ. Оставалось произнести: «пли!»—и все было бы кончено. Тутъ махнули платкомъ—и казнь была остановлена. Но, когда Григорьева, того самаго, который уже въ крѣпости сталъ мѣшаться въ умъ, отвязали отъ столба, онъ былъ блѣденъ какъ смерть. Умственные способности окончательно ему измѣнили». По словамъ одного изъ приговоренныхъ, «многимъ изъ нихъ вѣсть о помилованіи вовсе не представилась радостною, а какъ будто бы даже обидною»,—какъ впоследствии выразился Достоевскій, «безобразнымъ и ненужнымъ ругательствомъ».

Мгновенія, проведенныя Достоевскимъ не съ вѣроятіемъ, а съ увѣренностью въ ожидающей его черезъ «пять минутъ» смерти, имѣли на всю его послѣдующую духовную жизнь неизгладимое вліяніе: они какъ бы передвинули уголь зрѣнія его на весь міръ: онъ что-то понялъ, чего не можетъ понять человѣкъ, не испытавшій этого ожиданія вѣрной смерти. Судьба послала ему нѣкоторое великое познаніе, рѣдкій опытъ, какъ бы новое *измѣреніе* всего существующаго, которые не пропали даромъ, которыми впоследствии сумѣлъ онъ воспользоваться для поразительныхъ открытій.

«Подумайте,—устаами «Идіота» говоритъ Достоевскій,—подумайте, если, напримѣръ, пытка; при этомъ страданія и раны, мука тѣлесная и, стало-быть, все это отъ душевнаго страданія отвлекаетъ, такъ что однѣми только ранами и мучаешься вплоть, пока умрешь. А вѣдь главная, самая сильная боль, можетъ, не въ ранахъ, а вотъ, что вотъ знаешь навѣрно, что вотъ черезъ часъ, потомъ черезъ десять ми-

нуть, потомъ черезъ полминуты, потомъ теперь, вотъ сейчасъ—душа изъ тѣла вылетитъ, и что человѣкомъ ужъ больше не будешь, и что это ужъ навѣрно; главное то, что *навѣрно*. Вотъ какъ голову кладешь подъ самый ножъ и слышишь, какъ скользнетъ надъ головой, вотъ эти-то четверть секунды всего и страшнѣе. Кто сказалъ, что человѣческая природа въ состояніи вынести это безъ сумасшествія? Зачѣмъ такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное? Можетъ-быть, и есть такой человѣкъ, которому прочли приговоръ, дали помучиться, а потомъ сказали: «ступай, тебя прощаютъ». Вотъ этакой человѣкъ, можетъ-быть, могъ бы рассказать. Объ этой мукѣ и объ этомъ ужасѣ и Христосъ говорилъ».

Каторгу принялъ онъ съ покорностью. И самъ не жаловался, и не любилъ, когда другіе жалѣли его. Онъ старался возвысить и облагородить свои воспоминанія о каторгѣ такъ же, какъ о дѣтствѣ, видѣлъ въ ней суровый, но спасительный урокъ судьбы, безъ котораго не было ему выхода на новые пути жизни. «Я не ропщу,—пишетъ онъ брату изъ Сибири,—это мой крестъ, и я его заслужилъ». Но если онъ въ самомъ дѣлѣ не ропталъ, то не слѣдуетъ забывать, чего ему стоила эта покорность.

«Я почти въ отчаяніи. Трудно передать, сколько я выстрадалъ».—«Тѣ четыре года считаю я за время, въ которѣе я былъ похороненъ живой и закрытъ въ гробу. Что за ужасное было это время, не въ силахъ я рассказать тебѣ, другъ мой. Это было страданіе невыразимое, безконечное, потому что всякій часъ, всякая минута тяготѣла какъ камень у меня на душѣ. Во всѣ четыре года не было мгновенія, въ которое бы я не чувствовалъ, что я въ каторгѣ. Но что рассказывать! Даже если бы я написалъ къ тебѣ 100 листовъ, то и тогда ты не имѣлъ бы понятія о тогдашней жизни моей. Это нужно, по крайней мѣрѣ, видѣть самому, я уже не говорю испытать».

Итакъ, если вообще утѣшать себя мыслью о пользѣ каторги для Достоевскаго, то, конечно, не въ прямомъ житейскомъ, какъ онъ, однако, самъ любилъ это дѣлать, а лишь

въ сверхжизненномъ значеніи этой пользы. Не встрѣчаемся ли мы и здѣсь опять съ тѣми таинственными силами, которыя какъ будто невидимо бодрствуютъ надъ всѣми земными судьбами Достоевскаго и ведутъ его къ особой цѣли? Въ этомъ смыслѣ каторга, дѣйствительно, была однимъ изъ ударовъ, на которые онъ самъ иногда какъ будто напрашивался, которые раздавили бы и уничтожили всякаго другого на его мѣстѣ, а ему нужны были, во всякомъ случаѣ, нужнѣе, чѣмъ, на примѣръ, столь же сверхжизненное, роковое счастье Л. Толстого,—потому что удары эти выковывали Достоевскому душу, необходимую, чтобы создать то, что онъ создалъ:

Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Все, о чемъ Л. Толстой мечталъ, къ чему стремился, и что, можетъ-быть, иногда въ его созерцаніи было глубокимъ, но, только что переходило въ дѣйствіе, становилось похожимъ на забаву—лишеніе собственности, трудъ тѣлесный, сліяніе съ народомъ—все это пришлось Достоевскому испытать на дѣлѣ, и притомъ съ такою подавляющей суровостью, съ какой это только возможно.

Арестантскій полушубокъ и кандалы были для него отнюдь не отвлеченнымъ символомъ, а дѣйствительнымъ знакомъ гражданской смерти и отверженія отъ общества. Сколько бы Л. Толстой ни рубилъ деревья для бѣдныхъ поселянъ, сколько бы ни пахалъ землю въ потѣ лица, это все-таки менѣе трудъ, чѣмъ охота, аскетическое упражненіе и гимнастика. Сущность труда, все равно физическаго или умственнаго, заключается въ сознаніи не только нравственной, но и тѣлесной необходимости, въ дѣйствительной опасности, въ дѣйствительномъ страхѣ, униженіи и безпомощности нужды: если не заработаю, то черезъ день, черезъ мѣсяцъ или годъ останусь безъ куска хлѣба. Это кажется общеизвѣстнымъ, но на самомъ дѣлѣ вовсе не такъ легко понятно, въ послѣдней жизненной глубинѣ своей, для людей съ такимъ воспитаніемъ и прошлымъ, какъ Л. Толстой. Подобно тому, какъ человѣкъ, никогда не испытавшій извѣстной физической

боли, не можетъ имѣть представленія о ней, сколько бы ни старался вообразить ее, какъ тотъ, кто никогда не испыталъ нужды, не можетъ ее понять, сколько бы ни думалъ и ни разсуждалъ о ней.

Въ этомъ отношеніи Достоевскій былъ счастливѣе Л. Толстого: судьба послала ему случай испытать на каторгѣ трудъ и нужду простыхъ людей точно такъ же, какъ онъ узналъ страхъ смерти не въ отвлеченныхъ мысляхъ о ней, а въ ея дѣйствительной близости, стоя на эшафотѣ.

Пѣтомъ, въ первый годъ его острожной жизни, около двухъ мѣсяцевъ продолжалась носка кирпичей съ береговъ Иртыша къ строившейся казармѣ, сажень на семьдесятъ разстоянія, черезъ крѣпостной валъ. «Работа эта,—говоритъ Достоевскій,—мнѣ даже понравилась, хотя веревка, на которой приходилось носить кирпичи, постоянно натирала мнѣ плечи. Но мнѣ нравилось то, что отъ работы во мнѣ, очевидно, развилась сила». Какая разница со Л. Толстымъ, пишущимъ или носящимъ кирпичи для печки бѣдной бабы.

Если ему пріятно ощущеніе развивающейся силы, это все-таки не отвлеченный, иносказательный трудъ, не одна изъ «четырехъ упряжекъ», не эпикурейскій спортъ или гимнастика: онъ знаетъ, что отъ тѣлесной силы зависитъ жизнь его, спасеніе, вопросъ о томъ, вынесетъ ли онъ или не вынесетъ каторгу. Онъ также знаетъ, что хотя ему и нравится носить кирпичи, но если бы онъ вздумалъ отказаться отъ работы, его ожидаютъ брань и побои конвойныхъ, розги острожнаго начальства. И нешуточность, необходимость труда даютъ ему жизненный смыслъ.

Достоевскому не нужно въ отвлеченныхъ умозрѣніяхъ отвергать собственность и условія культурнаго общества: онъ самъ отверженъ. Л. Толстой сдѣлалъ вполне вѣрный и точный, но, въ сущности, оказавшійся безплоднымъ для жизни его, математическій расчетъ, что ему слѣдовало бы дать нищему старику двѣ тысячи рублей для того, чтобы милостыня его равнялась двумъ копейкамъ плотника Семена. Онъ приведенъ былъ къ сомнѣнію, имѣетъ ли онъ вообще право помогать бѣднымъ, и, кажется, это сомнѣніе

еще и по сію пору не разрѣшилось. Для каторжника Достоевскаго подобныхъ сомнѣній вовсе не могло существовать: сама жизнь разрѣшила ихъ за него, поставивъ его въ такое положеніе, въ которомъ пришлось ему не давать, а принимать милостыню. «Это было скоро по прибытіи моемъ въ острогъ,—разсказываетъ Достоевскій,—я возвращался съ утренней работы одинъ, съ конвойнымъ. Навстрѣчу мнѣ прошли мать и дочь, дѣвочка лѣтъ десяти, хорошенькая, какъ ангельчикъ. Я уже видѣлъ ихъ разъ. Мать была солдатка, вдова. Ея мужъ, молодой солдатъ, былъ подъ судомъ и умеръ въ госпиталѣ, въ арестантской палаткѣ, въ то время, когда и я тамъ лежалъ больной. Жена и дочь приходили къ нему прощаться; обѣ ужасно плакали. Увидя меня, дѣвочка покраснѣлась, пошептала что-то матери, та тотчасъ же остановилась, отыскала въ узелкѣ четверть копейки и дала ее дѣвочкѣ. Та бросилась бѣжать за мной.—На, «несчастный», возьми Христа ради, копеечку!—кричала она, забѣгая впередъ меня и сунувъ мнѣ въ руки монетку. Я взялъ ея копеечку, и дѣвочка возвратилась къ матери, совершенно довольная. Эту копеечку я долго берегъ у себя». Сколько бы ни увѣряли насъ жизнеописатели Толстого, что хотя онъ и не роздалъ своего имѣнія, но что это все равно, потому что онъ пересталъ имъ «пользоваться», мы все-таки чувствуемъ, что того стыда и той гордости, той боли и того наслажденія, которыя испыталъ Достоевскій, принимая милостыню отъ дѣвочки, Л. Толстому ни разу въ жизни не дано было испытать; мы чувствуемъ, что тутъ есть великая разница въ *подлинности*, если не мыслей и намѣреній, то дѣйствій и ощущеній.

Во время говѣнія «въ церкви,—разсказываетъ Достоевскій,—мы становились тѣсной кучей, у самыхъ дверей, на самомъ послѣднемъ мѣстѣ. Я припоминалъ, какъ бывало еще въ дѣтствѣ, стоя въ церкви, смотрѣлъ я иногда на простой народъ, густо тѣснившійся у входа и подобострастно разступавшійся передъ густымъ эполетомъ, передъ толстымъ бариномъ, передъ расфуфыренной, но чрезвычайно-богомольной барыней, которые непременно проходили на пер-

выя мѣста и готовы были поминутно ссориться изъ-за перваго мѣста. Тамъ, у входа, казалось мнѣ тогда и молились-то не такъ, какъ у насъ, молились смиренно, ревностно, земно и съ какимъ-то полнымъ сознаниемъ своей униженности. Теперь и мнѣ пришлось стоять на этихъ же мѣстахъ; даже и не на этихъ: мы были закованные и ошельмованные, отъ насъ всѣ сторонились, насъ всѣ даже какъ будто боялись, насъ каждый разъ одѣляли милостыней, и, помню, мнѣ это было даже какъ-то пріятно, какое-то утонченное, особенное ощущеніе сказывалось каждый разъ въ этомъ удовольствіи. «Пусть же, коли такъ!» думалъ я. Арестанты молились очень усердно, и каждый изъ нихъ каждый разъ приносилъ свою нищенскую копейку на свѣчку или клалъ на церковный сборъ. «Тоже вѣдь и я человѣкъ», можетъ-быть, думалъ онъ или чувствовалъ, подавая,—«передъ Богомъ-то всѣ равны». Причащались мы за ранней обѣдней. Когда священникъ съ чашей въ рукахъ читалъ слова: «но яко разбойника мя пріими», почти всѣ повалились на землю, звуча кандалами, кажется, принявъ эти слова буквально на свой счетъ».

Такой опытъ давалъ право Достоевскому утверждать, впоследствии что онъ жилъ съ народомъ и знаетъ его. Когда вмѣстѣ съ другими каторжниками повторялъ онъ въ сердцѣ своемъ: «яко разбойника мя пріими», онъ не отвлеченно созерцалъ, а дѣйствительно, всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ и мѣрилъ бездну, отдѣляющую народъ отъ культурнаго общества, по краю которой Л. Толстой всю жизнь только скользилъ въ художественныхъ и нравственныхъ созерцаніяхъ.

Начало своей эпилепсіи Достоевскій приписывалъ каторгѣ. Мы знаемъ, что, по другому свидѣтельству, болѣзнь эта началась у него въ дѣтствѣ. По всей вѣроятности, въ необычайно-повышенной и утонченной чувствительности таилась главная причина недуга, который только развился и усилился во время каторги. Въ письмѣ къ императору Александру II «бывшаго государственнаго преступника» Достоевскаго онъ утверждаетъ, будто бы болѣзнь его началась въ

первый же годъ каторжной работы. «Болѣзнь моя,—прибавляетъ онъ,—усиливается болѣе и болѣе. Отъ каждаго припадка я, видимо, теряю память, воображеніе, душевныя и тѣлесныя силы. Исходъ моей болѣзни—разслабленіе, смерть или сумасшествіе». Намъ извѣстно, что въ жизни его дѣйствительно бывали времена, когда падучая грозила ему совершеннымъ помраченіемъ умственныхъ способностей. «Припадки болѣзни,—по словамъ Страхова,—случались съ нимъ приблизительно разъ въ мѣсяць,—таковъ былъ обыкновенный ходъ. Но иногда, хотя очень рѣдко, бывали чаще; бывало даже и по два припадка въ недѣлю».

«Самому мнѣ,—продолжаетъ Страховъ свой замѣчательный рассказъ,—довелось разъ быть свидѣтелемъ, какъ случился съ Ѳедоромъ Михайловичемъ припадокъ обыкновенной силы. Это было, вѣроятно, въ 1863 году, какъ разъ наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія. Поздно, часу въ 11-мъ, онъ зашелъ ко мнѣ, и мы очень оживленно разговорились. Не могу вспомнить предмета, но знаю, что это былъ очень важный отвлеченный предметъ. Ѳедоръ Михайловичъ очень оживился и зашагалъ по комнатѣ, а я сидѣлъ за столомъ. Онъ говорилъ что-то высокое и радостное; когда я поддержалъ его мысль какимъ-то замѣчаніемъ, онъ обратился ко мнѣ съ вдохновеннымъ лицомъ, показывавшимъ, что одушевленіе его достигло высшей степени. Онъ остановился на минуту, какъ бы ища слова для своей мысли, и уже открылъ ротъ. Я смотрѣлъ на него съ напряженнымъ вниманіемъ, чувствуя, что онъ скажетъ что-нибудь необыкновенное, что услышу какое-то откровеніе. Вдругъ изъ его открытаго рта вышелъ странный, протяжный и бессмысленный звукъ, и онъ безъ чувствъ опустился на полъ среди комнаты».

«Въ это мгновеніе вдругъ чрезвычайно искажается лицо, особенно взглядъ,—описываетъ припадокъ самъ Достоевскій въ «Идіотѣ».—Конвульсіи и судороги овладѣваютъ всѣмъ тѣломъ и всѣми чертами лица. Страшный, невообразимый и ни на что не похожій вопль вырывается изъ груди; въ этомъ воплѣ вдругъ исчезаетъ какъ бы все человѣческое, и

никакъ невозможно, по крайней мѣрѣ, очень трудно наблюдателю вообразить и допустить, что это кричитъ этотъ же самый человѣкъ. Представляется даже, что кричитъ какъ бы кто-то другой, находящійся внутри этого человѣка. Многие, по крайней мѣрѣ, изъясняли такъ свое впечатлѣніе; на многихъ же видѣ человѣка въ падучей производить рѣшительный и невыносимый ужасъ, имѣющій въ себѣ даже нѣчто мистическое».

Древніе называли падучую *священною болѣзнью*. Народы Востока видѣли въ ней тоже, какъ выражается Достоевскій, «нѣчто мистическое», связанное съ даромъ пророчества и ясновидѣнія, божеское или бѣсовское. Въ исторіи великихъ религіозныхъ движеній мы встрѣчаемся иногда съ этою мало изслѣдованною или, по крайней мѣрѣ, мало объясненною болѣзнью, особенно—въ ихъ первомъ началѣ, въ ихъ самыхъ темныхъ подземныхъ родникахъ. Въ одномъ изъ глубочайшихъ произведеній своихъ, въ «Бѣсахъ», Достоевскій нѣсколько разъ съ упорной вдумчивостью возвращается къ легендѣ о знаменитомъ кувшинѣ эпилептика Магомета, не успѣвшемъ, будто бы, пролиться въ то время, какъ пророкъ на конѣ Аллаха облетѣлъ небеса и преисподнюю. Замѣчательно, что и въ разсказѣ Страхова намѣчена эта же связь чего-то «высокаго и радостнаго», видимо религіознаго, какого-то «откровенія», для котораго Достоевскій искалъ и не находилъ словъ, съ мгновенно затѣмъ наступившимъ припадкомъ.

Во всякомъ случаѣ, на жизнь его, не только тѣлесную, но и духовную, на все его художественное творчество и даже отвлеченную философскую мысль «священная болѣзнь» оказала поразительное дѣйствіе. Въ своихъ произведеніяхъ онъ говоритъ о ней съ особымъ сдержаннымъ волненіемъ, какъ бы съ мистическимъ ужасомъ. Самые значительные и противоположные изъ его героев—извергъ Смердяковъ, «святой» князь Мышкинъ, пророкъ «Человѣкобога», нигилистъ Кирилловъ—эпилептики. Припадки падучей были для Достоевскаго какъ бы страшными провалами, просвѣтами, внезапно открывавшимися окнами, чрезъ которыя онъ заглядывалъ въ потусторонній *свѣтъ*. «Затѣмъ вдругъ какъ бы

что-то разверзлось передъ нимъ: необычайный *внутренній свѣтъ* озарилъ его душу», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ описаній. «Много разъ мнѣ рассказывалъ Федоръ Михайловичъ,—вспоминаетъ Страховъ,—что передъ припадкомъ у него бывають минуты восторженнаго состоянія».—«На нѣсколько мгновеній,—говорилъ онъ,—я испытываю такое счастье, которое невозможно въ обыкновенномъ состоянїи, и о которомъ не имѣють понятія другіе люди. Я чувствую полную гармонію въ себѣ и во всемъ мірѣ, и это чувство такъ сильно и сладко, что за нѣсколько секундъ такого блаженства можно отдать десять лѣтъ жизни, пожалуй, всю жизнь». Но послѣ припадка «душевное состояніе его было очень тяжело; онъ едва справлялся со своею тоскою и впечатлительностью. Характеръ этой тоски,—по его словамъ,—состоялъ въ томъ, что онъ чувствовалъ себя какимъ-то преступникомъ, ему казалось, что надъ нимъ тяготѣетъ невѣдомая вина, великое злодѣйство».

Великая святость, великое злодѣйство, потусторонняя радость, потусторонняя скорбь—и оба чувства вдругъ соединяются, разрѣшаются въ мгновенной, ослѣпляющей какъ молнія, точкѣ, въ послѣднюю «четверть секунды», когда «кувшинъ Магомета» не успѣлъ еще пролиться, и когда изъ груди «бѣсноватаго уже вырывается ужасающій вопль, который заставляетъ думать, что кричитъ не онъ самъ, а кто-то другой, внутри его находящійся—*не человекъ*».

Какъ знать, не касаемся ли мы здѣсь самаго глубокаго первоначальнаго и неразгаданнаго въ существѣ Достоевскаго, въ его тѣлесномъ и духовномъ составѣ? Не сходятся ли въ этомъ узлѣ всѣ нити клубка? И не кажется ли иногда, что именно эти припадки, эти внезапно разражающіяся бури какой-то недоступной нашему изслѣдованію, но, можетъ-быть, во всѣхъ насъ безмолвно копящейся, ожидающей силы сдѣлали тѣлесную оболочку Достоевскаго, пелену плоти и крови, отдѣляющую душу отъ того, что за плотью и кровью, болѣе тонкою, болѣе прозрачною, чѣмъ у другихъ людей, такъ что онъ уже могъ видѣть сквозь нее то, чего никогда никто изъ людей не видалъ.

И опять является невольное сравненіе съ Л. Толстымъ,— сравненіе «священной», демонической болѣзни Достоевскаго, которая, можетъ-быть, вовсе не есть слабость, скудость, а напротивъ—грозовой, скопившійся избытокъ жизненной силы, до послѣдняго предѣла доведенное утонченіе, обостреніе, сосредоточеніе духовности,—съ не менѣе священнымъ и демоническимъ избыткомъ *плотскости*, крѣпости, здоровья у Л. Толстого, съ избыткомъ, въ концѣ-концовъ, той же, какъ у Достоевскаго, столь же грозовой и оргійной, только иначе проявляющейся, раздражающейся жизненной силы. Впослѣдствіи мы увидимъ, что Л. Толстой почерпаетъ свою не мнимую, не лже-христіанскую, а истинную, языческую религіозность изъ безконечнаго углубленія въ тайны этой плотскости, этой *божеской* животности; я говорю—божеской для того, чтобы выразить, что, съ извѣстной религіозной точки зрѣнія, животное въ человѣкѣ столь же свято и небесно, какъ духовное, такъ что плоть и духъ только въ своихъ видимостяхъ, только въ явленіяхъ—противополжны, но въ послѣдней потусторонней сущности—едины. Застарѣлая дурная привычка лже-христіанства или, лучше сказать, павлианства заставляеть почти всѣхъ современныхъ людей, даже отрекшихся отъ религіозности, унижать плотское въ пользу духовнаго, отвлеченнаго, разсудочнаго, безплотнаго и безкровнаго, какъ нѣчто низшее, грѣховное или, по крайней мѣрѣ, грубое, стыдное, скотское. Есть, однако, глубина религіознаго созерцанія соединяющая, *символическая* (опять напоминаю: *символь* — *συμβολον* значитъ *соединеніе*), для которой плоть столь же потусторонняя, какъ духъ, для которой бездна животнаго, кажущаяся темною, нижнею, становится равною безднѣ духовнаго, кажущейся свѣтлою, верхнею, ночное полушаріе небесъ—равно дневному. Л. Толстой, какъ мыслитель-художникъ, погружаясь именно въ эти бездны животнаго, на послѣднихъ его предѣлахъ встрѣчаетъ другое начало, вѣчно ему противоположное и *какъ будто* его отрицающее—сознаніе грозящаго разрушенія животной личности, сознаніе смерти. Здѣсь-то и начинается его трагедія; здѣсь впервые брезжитъ тотъ «холодный бѣлый свѣтъ», который ка-

жется ему свѣтомъ новаго христіанскаго «воскресенія», и который поражаетъ князя Андрея въ ночь передъ Аустерлицкимъ сражаніемъ.

«И съ высоты этого представленія, то-есть представленія о смерти, все, что прежде мучило и занимало его, вдругъ освѣтилось холоднымъ бѣлымъ свѣтомъ, безъ тѣней, безъ перспективы, безъ различія очертаній. Вся жизнь представилась ему волшебнымъ фонаремъ, въ который онъ долго смотрѣлъ сквозь стекло и при искусственномъ освѣщеніи. Теперь онъ увидѣлъ вдругъ безъ стекла, при яркомъ дневномъ свѣтѣ, эти дурно намалеванныя картины. «Да, да, вотъ они, тѣ волновавшіе и восхищавшіе и мучившіе меня ложные образы», говорилъ онъ себѣ, перебирая въ своемъ воображеніи главныя картины своего волшебнаго фонаря жизни, глядя теперь на нихъ при этомъ холодномъ бѣломъ свѣтѣ дня—ясной мысли о смерти.—«Все это ужасно просто гадко!»

Итакъ, для Толстого свѣтъ смерти свѣтитъ на жизнь извнѣ, разлагая, угашая краски и образы жизни; для Достоевскаго онъ свѣтитъ изнутри. Свѣтъ смерти и свѣтъ жизни для него—свѣтъ единого огня, который зажженъ внутри «волшебнаго фонаря» явленій. Для Толстого весь религіозный смыслъ жизни заключается въ переходѣ отъ жизни къ смерти—*въ другомъ свѣтѣ*. Для Достоевскаго этого перехода какъ бы вовсе нѣтъ, онъ какъ бы все время, пока живетъ, умираетъ. Постоянно зіяющіе провалы, просвѣты, припадки «священнаго недуга»—утончили, опрозрачили ткань его животной жизни, сдѣлали ее рѣдкою, сквозящею, повсюду просвѣчивающею внутреннимъ свѣтомъ. Для Толстого тайна смерти—за жизнью; для Достоевскаго сама жизнь—такая же тайна, какъ смерть. Для него холодный свѣтъ будничнаго петербургскаго утра есть въ то же время и страшный «бѣлый свѣтъ смерти». Для Толстого существуетъ только вѣчная противоположность жизни и смерти; для Достоевскаго—только ихъ вѣчное единство. Толстой смотритъ на смерть изнутри жизни посюстороннимъ взглядомъ; Достоевскій взглядомъ потустороннимъ смотритъ на жизнь изнутри того, что живущимъ кажется смертью.

Кто же изъ нихъ ближе къ истинѣ? Какая изъ этихъ двухъ жизней прекраснѣе?

Я сознаю, что, по первой главѣ моего изслѣдованія, читатель можетъ заподозрить меня въ предубѣжденіи противъ Л. Толстого въ пользу Достоевскаго. Въ дѣйствительности мнѣ только хотѣлось перегнуть и выправить лукъ, слишкомъ натянутый въ противоположную сторону толстовскимъ и вообще современнымъ европейскимъ, черезчуръ узко и одно-сторонне, исключительно-аскетически и разсудочно понимаемымъ христіанствомъ. Но если я былъ одностороннимъ, даже какъ будто несправедливымъ, то это—предназначенно и предварительно; я не останавлиюсь на этой ступени изслѣдованія; я постараюсь пойти далѣе, углубляясь въ художественное, философское и религіозное творчество обоихъ писателей. До сей поры я сравнивалъ ихъ, какъ людей, съ точки зрѣнія христіанской или кажущейся христіанскою, исчерпывающею то, что у современныхъ людей называется христіанствомъ. Но если бы я сравнилъ эти двѣ жизни и съ противоположной точки зрѣнія—языческой или опять-таки кажущейся языческою, то не пришлось ли бы мнѣ заключить, что жизнь Л. Толстого, со своею неувядаемою свѣжестью, крѣпостью, неисчерпаемой, земною, поюстороннею радостью—совершенно прекраснѣе, чѣмъ жизнь Достоевскаго. И, наконецъ, съ третьей и послѣдней точки зрѣнія—символической, соединяющей оба противоположные религіозные полюса, не покажутся ли жизнь Л. Толстого и жизнь Достоевскаго одинаково, хотя и противоположно и несовершенно прекрасными—несовершенно потому, что все-таки нѣтъ ни у того, ни у другого, въ русской культурѣ уже предзнаменованной Пушкинымъ, степени гармоніи—у Толстого вслѣдствіе перевѣса плоти надъ духомъ, у Достоевскаго—духа надъ плотью. Тѣмъ не менѣе, обѣ эти жизни, одинаково великія, одинаково русскія, завершаютъ и дополняютъ одна другую, необходимы одна для другой, какъ будто нарочно созданы для пророческихъ сопоставленій и сравненій.

Это какъ бы двѣ, изъ одной точки въ разныя стороны расходящіяся линіи до сей поры не замкнутаго, но могущаго

и долженствующаго быть замкнутымъ круга, такъ что уже и теперь мы знаемъ, что эти двѣ линіи снова сольются, образуя совершенный кругъ, во второй, противоположной и высшей точкѣ. Это—два до времени кажущіяся противорѣчивыми, на самомъ дѣлѣ уже и теперь согласныя пророчества еще невѣдомаго, но уже нами чаемаго русскаго генія, столь же стихійнаго и народнаго, какъ Пушкинъ, изъ котораго вышли Толстой и Достоевскій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, уже болѣе сознательнаго и, слѣдовательно, болѣе всемірнаго—второго и окончательнаго, соединяющаго, символическаго Пушкина.—Это два великихъ столпа, еще одинокихъ и не соединенныхъ, въ преддверіи храма; двѣ обращенныя другъ къ другу и противоположныя части одного уже начатаго, но въ цѣлости своей еще невидимаго зданія—зданія русской и въ то же время всемірной религіозной культуры.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Когда умеръ Пушкинъ, Достоевскому было шестнадцать лѣтъ.

«Не знаю,—вспоминаетъ братъ его, Андрей Михайловичъ,— вслѣдствіе какихъ причинъ извѣстіе о смерти Пушкина дошло до нашего семейства уже послѣ похоронъ матушки. Вѣроятно, наше собственное горе и сидѣніе всего семейства постоянно дома была причиною этому. Помню, что братья чуть съ ума не сходили, услыхавъ объ этой смерти и о всѣхъ подробностяхъ. Братъ Федоръ въ разговорахъ со старшимъ братомъ нѣсколько разъ повторялъ, что ежели бы у насъ не было семейнаго траура, то онъ просилъ бы позволенія отца носить трауръ по Пушкинѣ».

Итакъ, смерть матери не заглушила въ Достоевскомъ горя о смерти Пушкина. Если онъ еще не сознавалъ, то уже чувствовалъ въ шестнадцать лѣтъ такъ же, какъ впослѣдствіи въ шестьдесятъ, свою съ нимъ живую, кровную связь; не только благоговѣлъ передъ нимъ, какъ передъ великимъ учителемъ, но и любилъ его, какъ самага близкаго, родного человѣка.

Въ тѣ же годы для Л. Толстого, какъ самъ онъ признается въ «Юности», Пушкинъ и другіе русскіе писатели были только «книжки въ желтомъ переплетѣ, которыя онъ читалъ и училъ ребенкомъ». Онъ со стыдомъ сравниваетъ свой тогдашній дурной вкусъ со вкусомъ товарищей своихъ, студентовъ Московскаго университета. «Пушкинъ и Жуковскій были для нихъ литература. Они презирали равно Дюма, Сю и Феваля и судили... гораздо лучше и яснѣе о литературѣ, чѣмъ я».—«Въ то время только начинали появляться «Монтекристо» и разныя «Тайны», и я зачитывался романами Сю, Дюма и Поль-де-Кока. Всѣ самыя неестественныя лица и

событія были для меня такъ же живы, какъ дѣйствительность. Я не смѣлъ заподозрить автора во лжи. На основаніи романовъ, у меня даже составились новые идеалы нравственныхъ достоинствъ, которыхъ я желалъ достигнуть. Я желалъ быть во всѣхъ своихъ дѣлахъ и поступкахъ, къ чему у меня и прежде была склонность... какъ можно болѣе *comme il faut*. Я даже наружностью и привычками старался быть похожимъ на героевъ этихъ романовъ».

Таково художественное воспитаніе Л. Толстого и Достоевскаго. Конечно, уже и въ шестнадцать лѣтъ Достоевскій понималъ грубость и пошлость Дюма и Поль-де-Кока. Его литературные вкусы и сужденія для отрока поразительно тонки, зрѣлы и независимы. Ему одинаково доступна и русская, и западно-европейская литература. Въ одномъ изъ своихъ нѣсколько восторженныхъ юношескихъ писемъ изъ Инженернаго Училища сообщаетъ онъ брату: «мы разговаривали о Гомерѣ, Шекспирѣ, Шиллерѣ, Гофманѣ». «Я вызубрилъ Шиллера, говорилъ имъ, бредилъ имъ». «Имя Шиллера стало мнѣ роднымъ». Но онъ умѣетъ цѣнить не только Шекспира и Шиллера, сравнительно болѣе доступныхъ для пониманія тогдашнихъ русскихъ молодыхъ людей, увлекавшихся романтизмомъ и готикой, но и великихъ французскихъ классиковъ XVII вѣка, Расина и Корнеля, о которыхъ впоследствии Бѣлинскій судилъ такъ поверхностно. Достоевскій уже не раздѣляетъ, въ то время моднаго у насъ, навѣяннаго нѣмецкою критикой, педантически презрительнаго отношенія къ такъ называемой «псевдо-классической литературѣ». И какое глубокое чутье къ самой далекой и чуждой культурѣ сказывается именно въ томъ, что, признавая внутреннюю условность, подражательность французскихъ классиковъ, этотъ русскій мальчикъ изъ «благочестиваго московскаго семейства», сынъ больничнаго штабъ-лѣкаря восхищается совершенствомъ и законченною гармоніей внѣшнихъ формъ придворныхъ поэтовъ Людовика XIV. «А *Phédre*? Братъ! Ты Богъ знаетъ, что будешь, ежели скажешь, что это не высшая и чистая природа и поэзія. Вѣдь это Шекспировскій очеркъ, хотя статуя изъ гипса, а не изъ мрамора». Можетъ-быть, о

«Федръ» во всей русской литературѣ нѣтъ сужденія, болѣе сжатаго и мѣткаго, чѣмъ то, что сказано въ этихъ двухъ строкахъ. Въ другомъ письмѣ защищаетъ онъ Корнеля отъ нападокъ брата: «Читалъ ли ты «Le Sid»? Прочти, жалкій человѣкъ, прочти и пади въ прахъ передъ Корнелемъ».

Если принять въ расчетъ глубокую религіозность Достоевскаго, которая сказывалась въ немъ уже съ самаго дѣтства и впоследствии заставила его на всю жизнь возненавидѣть Бѣлинскаго за нѣсколько необдуманыхъ словъ о религіи, то слѣдующее сравненіе Христа и Гомера, несмотря на свою наивность и восторженность, покажется многозначительнымъ: «Гомеръ (баснословный человѣкъ, можетъ-быть, какъ Христосъ, воплощенный Богомъ и къ намъ посланный) можетъ быть параллелью только Христу, а не Гете. Вникни въ него, братъ, пойми Иліаду, прочти ее хорошенько (ты вѣдь не читалъ ея, признайся). Вѣдь въ Иліадѣ Гомеръ далъ всему древнему міру организацію и духовной, и земной жизни, совершенно въ такой же силѣ, какъ Христосъ—новому. Теперь поймешь ли меня?»

Въ теченіе всей своей жизни Достоевскій сохранилъ это чутье ко всемірной—по его собственному выраженію, «всечеловѣческой» культурѣ, эту способность чувствовать себя вездѣ дома, пріобщаться къ внутренней, духовной жизни всѣхъ вѣковъ и народовъ, способность, которую онъ всегда считалъ, какъ и высказалъ въ Пушкинской рѣчи, главною особенностью Пушкина и вообще русскаго генія, *всемірнаго* по преимуществу передъ геніями другихъ европейскихъ народовъ.

Онъ пишетъ Страхову лѣтомъ 1863 года, во время первой поѣздки за границу: «Странно: пишу изъ *Рима*, и ни слова о Римѣ! Но что бы я могъ написать вамъ? Боже мой! Да развѣ это можно описывать въ письмахъ? Пріѣхалъ третьяго дня ночью. Вчера утромъ осматривалъ св. Петра. Впечатлѣніе сильное, Николай Николаевичъ, съ холодомъ по спинѣ. Сегодня осматривалъ *Forum* и всѣ его развалины. Затѣмъ—*Коллизей!* Ну, что жъ я вамъ скажу?»

Онъ имѣлъ право сказать впоследствии, что Европа для него нѣчто «святсе и страшное», что у него «двѣ родины—

Россія и Европа», что «Венеція, Римъ, Парижъ, сокровища ихъ наукъ и искусствъ, вся исторія ихъ» ему иногда были «милѣй, чѣмъ Россія». И въ этомъ смыслѣ Достоевскій, будучи, послѣ Пушкина, самымъ русскимъ изъ русскихъ писателей, въ то же время—величайшій изъ русскихъ европейцевъ. Онъ показалъ на себѣ, что быть русскимъ значитъ быть въ высшей степени европейцемъ, быть всемірнымъ.

Л. Толстой, имѣя самъ какъ художникъ, всемірное значеніе, обладая другимъ столь же русскимъ свойствомъ—необъятною силою народной стихійности, въ то же время вовсе лишень этой, казавшейся Достоевскому отличительнымъ русскимъ свойствомъ, способности ко всемірной культурѣ. Несмотря на весь разсудочный, мнимо-христіанской космополитизмъ Л. Толстого, среди великихъ русскихъ писателей нѣтъ, кажется, другого, болѣе стѣсненнаго въ своемъ творчествѣ условіями мѣста и времени, границами своей народности и своего вѣка, чѣмъ Л. Толстой. Все нерусское и несовременное ему не то что враждебно, а просто—чуждо, непонятно, нелюбопытно. Творецъ «Войны и мира», произведенія, желающаго быть историческимъ, можетъ-быть, умомъ признаетъ и даже отчасти знаетъ исторію, но сердцемъ никогда ея не чувствовалъ, никогда не проникалъ или не старался, не удостоивалъ проникнуть во внутреннюю, духовную жизнь другихъ вѣковъ и народовъ. Для него не существуетъ *восторга дали*, этого вдохновляющаго чувства Исторій—ни живой скорби, ни живой радости прошлаго. Онъ весь до глубочайшихъ корней своихъ—въ *настоящемъ*, въ современной русской дѣйствительности, въ русскомъ рабочемъ народѣ и русскомъ баринѣ. Намъ извѣстно, что въ молодости Л. Толстой былъ въ Италіи, но онъ не вынесъ изъ нея никакихъ впечатлѣній. Если бы мы не знали навѣрное изъ его біографіи, что онъ дѣйствительно былъ за Альпами, можно бы въ этомъ усомниться. «Осколки святыхъ чудесъ» не возбудили въ немъ никакого трепета. «Старые чужіе камни» остались для него мертвыми. Если однажды, походя, съ легкимъ сердцемъ, подобно запоздалому русскому нигилисту, В. Стасову, называетъ онъ «Страшный судъ» Микель-Анжело «нелѣпымъ» произве-

деніемъ, то это не по собственнымъ воспоминаніямъ, а по какому-нибудь случайно видѣнному снимку.

Кажущееся условнымъ во всякой культурѣ, а на самомъ дѣлѣ, съ неизвѣстной исторической точки зрѣнія, можетъ-быть, столь же естественное, какъ сама природа, для Л. Толстого всегда искусственно и, слѣдовательно, лживо. Этотъ преувеличенный страхъ всего «условнаго» переходитъ у него, наконецъ, въ страхъ всего культурнаго. Такъ, проза кажется ему естественнѣе стиховъ. И не думая о томъ, что мѣрная рѣчь первобытнѣе, и что люди именно въ самыхъ страстныхъ, то-есть въ самыхъ естественныхъ своихъ душевныхъ состояніяхъ имѣютъ склонность такъ же, какъ дѣти и младенческіе народы, выражать свои чувства стихами, пѣсней, Л. Толстой рѣшаетъ, что всякое стихотворное произведеніе условно и, слѣдовательно, лживо. Еще въ молодости «онъ осмѣивалъ величайшія произведенія русской литературы только потому, что они были написаны въ стихахъ,—замѣчаетъ нѣмецкій біографъ Толстого,—изящная форма въ глазахъ его не имѣла никакого значенія, такъ какъ, по его мнѣнію, которому онъ, кстати сказать, *всегда оставался вѣрнымъ*, такая форма налагаетъ оковы на мысль».

Нигдѣ не сказывается это отсутствіе чутья ко всемірной культурѣ такъ ярко, какъ въ одномъ изъ послѣднихъ произведеній Л. Толстого, въ которомъ онъ подводитъ итогъ своимъ художественнымъ сужденіямъ и мыслямъ за цѣлую жизнь—въ статьѣ «Что такое искусство?»

Относительно новаго, такъ называемаго «декадентскаго» направленія онъ даетъ обѣщаніе скромности, которого не сдерживаетъ: «осуждать новое искусство за то, что я, человекъ воспитанія первой половины вѣка, не понимаю его, я не имѣю права и не могу; я могу только сказать, что оно непонятно для меня. Единственное преимущество того искусства, которое я признаю, передъ декадентскимъ состоитъ въ томъ, что это, мною признаваемое, искусство понятно большому числу людей, чѣмъ теперешнее». Не довольствуясь, однако, признаніемъ своего непониманія, онъ судитъ и осуждаетъ безъ разбора, такъ сказать, валить въ одну кучу всѣхъ: Бёклина и

Клингера, Ибсена и Бодлэра, Ницше и Вагнера. О мистеріяхъ Метерлинка и Гауптмана выражается такъ: какіе-то слѣпые, которые, сидя на берегу моря, для чего-то повторяютъ все одно и то же; или какой-то колоколь, который слетаетъ въ озеро и тамъ звонитъ. Ницше кажется ему такъ же, какъ самымъ безпечнымъ русскимъ газетчикамъ, только—полоумнымъ.

Казалось бы, по крайней мѣрѣ, что для человѣка, воспитаннаго въ первой половинѣ столѣтія, должны быть особенно дороги и понятны не «декадентскіе» художники и поэты прошлыхъ вѣковъ. А между тѣмъ ниспровергаетъ онъ съ еще большею безпощадностью несомнѣнныя древнія славы, чѣмъ новыя, сомнительныя. Такъ, онъ увѣряетъ, будто бы «произведеніе, основанное на заимствованіи, какъ, на примѣръ, *Фаустъ* Гете, можетъ быть очень хорошо обдѣлано, исполнено ума и всякихъ красотъ, но оно не можетъ произвести настоящаго художественнаго впечатлѣнія, потому что лишено главнаго свойства произведенія искусства—цѣльности, органичности. Сказать про такое произведеніе, что оно хорошо, потому что поэтично, все равно что сказать про монету, что она хорошая, потому что похожа на настоящую» (Т. XV, стр. 124). «*Фаустъ*» для него фальшивая монета, потому что это произведеніе слишкомъ культурно-условно. Любовныя новеллы Боккачіо уже съ другой, аскетически-христіанской точки зрѣнія считаетъ онъ «размазываніемъ половыхъ мерзостей». Произведенія Эсхила, Софокла, Еврипида, Данте, Шекспира, музыку Вагнера и послѣдняго періода Бетховена называетъ сначала «разсудочными, выдуманнми», а затѣмъ «грубыми, дикими и часто безсмысленными» (Т. XV, стр. 136—137). Во время представленія «Гамлета», онъ испытывалъ «то особенное страданіе, которое производятъ фальшивыя произведенія», и вмѣстѣ съ тѣмъ, по одному описанію охотничьей драмы изъ театра Вогуловъ, заключаетъ, что «это—произведеніе истиннаго искусства» (Т. XV, стр. 167—168).

На человѣка западно-европейской культуры столь простодушныя кощунства, которыя могутъ казаться «русскимъ варварствомъ», и которыя на самомъ дѣлѣ суть варварство обще-европейское, зависящее отъ современнаго демократическаго и

мнимо-христіанскаго одичанья вкуса, должны производить впечатлѣніе неистовства дикаря Калибана, разбивающаго Эгинскіе мраморы, рѣжущаго на куски портретъ моны Лизы.

Но не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Этотъ Геростратъ, который подымаетъ руку на Эсхила и Данте, для котораго Пушкинъ въ настоящее время, если не учебникъ въ «желтомъ переплетѣ», то распутный челоуѣкъ, «писавшій неприличные стихи о любви», наивно преклоняется передъ Бергольдомъ Ауэрбахомъ, Элліотъ и «Хижиною дяди Тома». Въ концѣ-концовъ, не столько потому, что онъ отрицаетъ, сколько потому, что онъ признаетъ, убѣждаешься, что въ своихъ *сознательныхъ* сужденіяхъ о чуждыхъ ему областяхъ искусства Л. Толстой на склонѣ дней своихъ недалеко ушелъ отъ самой первой молодости, когда зачитывался Февалемъ, Дюма и Поль-де-Кокомъ. И всего печальнѣе, можетъ-быть, именно то, что изъ-подъ страшной маски Калибана выглядываетъ слишкомъ знакомое и не страшное лицо русскаго помѣщика-демократа, барина-позитивиста шестидесятихъ годовъ.

Еще поразительнѣе сказывается у Л. Толстого эта беспомощность культурнаго сознанія въ его отношеніи къ собственному творчеству.

«Я сталъ писать изъ тщеславія, корыстолюбія и гордости», увѣряетъ онъ въ «Исповѣди». «Я—художникъ, поэтъ—писаль, училь, самъ не зная чему. Мнѣ за это платили деньги, у меня было прекрасное кушаніе, помѣщеніе, общество, у меня была слава. Стало-быть, то, чему я училь, было очень хорошо». «Настоящимъ задушевнымъ разсужденіемъ нашимъ было то, что мы хотимъ какъ можно больше получать денегъ и похвалъ. Для достиженія этой цѣли мы ничего другаго не умѣли дѣлать, какъ только писать книжки и газеты. Мы это и дѣлали». «Та дѣятельность,—вспоминаетъ онъ уже послѣ религіознаго переворота восьмидесятихъ годовъ,—которая называется художественной и которой я прежде отдавалъ всѣ свои силы, не только потеряла для меня прежде приписываемую ей важность, но стала прямо непріятна мнѣ по тому несвойственному мѣсту, которое она занимала въ моей

жизни и занимаетъ вообще въ понятіяхъ людей въ богатыхъ классахъ». Свидѣтельство Берса о томъ, что со своей теперешней «христіанской» точки зрѣнія Л. Толстой «все прежнее свое творчество считаетъ вреднымъ, потому что въ немъ описывается любовь въ смыслѣ полового влеченія и насилія», заслуживаетъ тѣмъ большаго довѣрія, что это сужденіе находится въ совершенно правильной логической связи съ остальными сужденіями Л. Толстого объ искусствѣ. Не самъ ли онъ въ концѣ жизни, подводя итогъ всей своей художественной дѣятельности, рѣшаетъ со свойственной ему смѣсью сознательной искренности и безсознательнаго притворства: «еще долженъ замѣтить, что свои художественныя произведенія я причисляю къ области дурного искусства, за исключеніемъ разсказа «Богъ правду видитъ» и «Кавказскаго плѣнника», то-есть за исключеніемъ двухъ, какъ нарочно, самыхъ слабыхъ нравоучительныхъ разсказовъ!

И не только въ послѣдніе годы, то-есть во время сравнительнаго ущерба своей творческой силы, но и гораздо ранѣе—въ пору высшаго подъема ея—думалъ онъ или, по крайней мѣрѣ, старался думать, желалъ убѣдить себя и другихъ, что думаетъ о своихъ произведеніяхъ почти такъ же, какъ теперь: «Берусь,—пишетъ онъ Фету,—въ 1875 году, за скучную и пошлую «Анну Каренину» съ однимъ желаніемъ—поскорѣе опростать себѣ мѣсто, досугъ для другихъ занятій».

Искренно ли считалъ онъ «Анну Каренину» «скучною и пошлою»? Неужели, дѣйствительно, не любилъ ея даже въ то время, когда писалъ? Если и любилъ, то во всякомъ случаѣ не сознательною или менѣе сознательною любовью, чѣмъ, напри- мѣръ, Гете—своего «Фауста», Пушкинъ—«Евгенія Онѣгина».

Въ этихъ степеняхъ культурнаго сознанія и заключается одно изъ главныхъ отличій Л. Толстого отъ Достоевскаго. Будучи великимъ писателемъ, Л. Толстой никогда не былъ великимъ *литераторомъ*, въ томъ смыслѣ, какъ Пушкинъ, Гете, Достоевскій, которые сами себя считали не только владыками, но и работниками слова, для которыхъ оно было не только духовнымъ, но и насущнымъ хлѣбомъ. Литература въ томъ значеніи, въ которомъ я употребляю здѣсь это по-

нятіе, не есть нѣчто болѣе искусственное, условное, а только болѣе сознательное, чѣмъ стихійное творчество поэзіи, хотя столь же естественное,—какъ вообще культура не есть нѣчто противорѣчащее, а только продолжающее дочеловѣческую природу въ мірѣ человѣческаго сознанія. Съ этой окончательной соединяющей точки зрѣнія культура и природа суть единое, и тотъ, кто идетъ противъ условности культуры, идетъ противъ естества человѣческаго, противъ одной изъ самыхъ божественныхъ и вѣчныхъ силъ природы.

Въ презрѣніи Л. Толстого къ собственной художественной дѣятельности есть нѣчто темное и сложное, чего, кажется, онъ самъ себѣ никогда не выяснялъ до конца. По крайней мѣрѣ, въ его литературномъ самолюбіи замѣтны очень странныя колебанія и непослѣдовательности. «Никогда не было писателя, столь равнодушнаго къ своему успѣху, какъ я», увѣряетъ онъ однажды Фета. Однако, по выходѣ въ свѣтъ «Войны и мира», проситъ того же Фета съ трогательною откровенностью: «напишите, что будутъ говорить въ знакомыхъ вамъ различныхъ мѣстахъ, и главное—какъ на массу. Вѣрно, пройдетъ незамѣченнымъ. Я жду этого и желаю—только бы не ругали, а то ругательства разстраиваютъ». По собственнымъ словамъ его (такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ одинъ изъ его самыхъ простодушныхъ и правдивыхъ жизнеописателей), въ немъ было всегда «пріятное сознаніе того, что онъ писатель и аристократъ», именно *писатель* или, какъ въ старину говорили, «свободный художникъ», но не *литераторъ*, въ томъ смыслѣ, какъ Пушкинъ и Гете. Л. Толстой всю свою жизнь стыдился литературы и съ сознательной, будто народной, и съ бессознательной, аристократической точки зрѣнія презиралъ ее, какъ нѣчто срединное, мѣщанское, не святое и не благородное. Но въ этомъ стыдѣ и презрѣніи едва ли сказывается откровенный аристократизмъ генія, а не дурно, хотя и тщательно скрытый, коренящійся въ немъ глубже, чѣмъ это можетъ казаться съ перваго взгляда, сословный аристократизмъ, само себя отрицающее, стыдящееся, но все-таки иногда прорывающееся наружу барство».

«Достоевскій,—говоритъ Страховъ,—любилъ литературу. Онъ принималъ ее, какъ она есть, со всѣми ея условіями, никогда не становился отъ нея въ сторону и не бросалъ на нее взглядовъ свысока. Это отсутствіе малѣйшаго *литературнаго аристократизма* есть въ немъ черта прекрасная и даже трогательная. Русская литература была... *почвою*, на которой выросъ Федоръ Михайловичъ, отъ которой онъ никогда не отрывался, къ которой питалъ кровную любовь и преданность. Онъ хорошо зналъ, что, выступая въ публику и въ литературную сферу, выходитъ на базаръ, на площадь, и нимало не думалъ стыдиться ни своего ремесла, ни своихъ собратій по ремеслу. Напротивъ, онъ гордился этимъ дѣломъ, считалъ его великимъ, священнымъ.

Какъ люди прежней барской брезгливости находили для себя унижительнымъ зарабатывать насущный хлѣбъ ручнымъ трудомъ, точно такъ же Л. Толстой, съ точки зрѣнія, хотя новаго, но едва ли менѣе высокомернаго и брезгливаго міросозерцанія, считаетъ позорнымъ брать плату за умственный трудъ. Съ младенческимъ незнаніемъ нужды и труда, онъ только презрительно пожимаетъ плечами, когда слышитъ, что истинный художникъ можетъ творить ради денегъ.

«Я всю жизнь мою,—говоритъ Достоевскій,—ни разу не продавалъ сочиненій, не бравъ впередъ деньги. Я литераторъ-пролетарій, и если кто захочетъ моей работы, то долженъ меня впередъ обезпечить». Этотъ человѣкъ, у котораго такая гордыня, такое, какъ онъ самъ выражается, тщеславіе, «какъ будто съ него кожу содрали, и ему отъ одного воздуха больно», который, можетъ-быть, не меньше Л. Толстого дорожить свободой художника,—не стыдится, однако, «творить ради денегъ», принимать плату за трудъ, какъ простой поденщикъ. Онъ самъ себя называетъ «почтовою клячею». Онъ пишетъ къ сроку по три съ половиною печатныхъ листа въ два дня и двѣ ночи. И съ откровенностью, которая Льву Николаевичу должна казаться предѣломъ рыночной наглости столь презираемыхъ имъ «литераторовъ», Достоевскій признается: «Очень часто случалось въ моей литературной жизни, что начало главы романа или повѣсти

было уже въ типографіи и въ наборѣ, а окончаніе сидѣло еще въ моей головѣ, но непременно должно быть написано къ завтраму». «Работа изъ-за нужды, изъ-за денегъ задавила и съѣла меня». «Кончатся ли когда-нибудь мои бѣдствія? Ахъ, кабы деньги, да обезпеченіе!»—это не затихающая боль и стонъ всей его жизни. Иногда въ изнеможеніи отъ борьбы съ нуждою проклинаятъ онъ ее, но никогда не стыдится. У него особая внутренняя гордость среди внѣшняго позора, свойственнаго положенію умственнаго работника въ современномъ буржуазномъ обществѣ. Однажды въ минуту подобной гордости онъ воскликнулъ: «мое имя стоитъ милліона».

Почти тотчасъ по выходѣ изъ каторги, послѣ испытаннаго имъ христіанскаго просвѣтлѣнія, впадаетъ онъ въ грѣхъ, повидимому, самой грубой и цинической зависти: «я очень хорошо знаю, что я пишу хуже Тургенева, но вѣдь не слишкомъ же хуже, и, наконецъ, я надѣюсь написать совсѣмъ не хуже. Зачѣмъ же я-то съ моими нуждами беру только 100 р., а Тургеневъ, у котораго 2000 душъ, по 400? Отъ бѣдности я *принужденъ* торопиться и писать для денегъ, слѣдовательно, *непремѣнно портить*». Въ припискѣ говорится, что Каткову онъ пошлетъ всего 15 листовъ по 100 р.—1500 р. «Взялъ я у него 500, да еще, пославъ $\frac{3}{4}$ романа, просилъ 200 на дорогу, и того взято 700. Приѣду въ Тверь безъ копейки, но зато въ самомъ непродолжительномъ времени получаю съ Каткова 700 или 800 р. Это еще ничего. Можно обернуться». И такъ далѣе, все одно и то же. Безконечными рядами цифръ и счетовъ, прерываемыхъ отчаянными мольбами о помощи,—«Ради Христа, спаси меня», пишетъ онъ однажды брату,—наполнены всѣ письма Достоевскаго. Это сплошной мартирологъ, одно изъ самыхъ великихъ сказаній о мученикѣ умственнаго труда.

Особенно тяжелыми были для него четыре года отъ 1865 до 1869, которые, можетъ-быть, стоили четырехъ лѣтъ каторги. Такъ же, какъ передъ первымъ несчастіемъ, судьба сначала приласкала его. Издаваемый имъ журналъ «Время» имѣлъ успѣхъ и приносилъ доходъ, такъ что онъ уже мечталъ отдохнуть отъ нужды, когда его постигла неожидан-

ная и незаслуженная цензурная кара. «Время» было запрещено за невинную и только дурно понятую статью по вопросу о польскихъ дѣлахъ. Произошло недоразумѣніе такое же, какъ во время слѣдствія по дѣлу Петрашевскаго. Замѣчательны эти два недоразумѣнія, едва не погубившія Достоевскаго сначала смертнымъ приговоромъ и каторгой, затѣмъ разореніемъ. Люди власти не сумѣли признать въ немъ союзника. Но, можетъ-быть, въ дѣйствительности это было и не совсѣмъ недоразумѣніе: не подсказывало ли имъ вѣрное чутье, что будущій творецъ «Великаго Инквизитора» не такой для нихъ надежный союзникъ, какимъ онъ казался или, по крайней мѣрѣ, желалъ казаться?

Достоевскій не палъ духомъ, и почти тотчасъ послѣ катастрофы съ «Временемъ» принялся за изданіе «Эпохи», но уже безъ прежняго успѣха. Минута счастья была пропущена безъ возврата. «Эпоху» постигла кара не правительственной, но столь же суровой «либеральной» русской цензуры, которая всегда была и, вѣроятно, всегда будетъ въ Россіи неразлучной спутницей, самымъ точнымъ и вѣрнымъ, хотя и обратнымъ, какъ въ водѣ или въ зеркалѣ, отраженіемъ правительственной цензуры, такъ что въ одной неподвижной крайней чертѣ, въ одномъ горизонтѣ, эти обѣ цензуры сливаются.

Достоевскій, любившій доходить до послѣдняго горизонта до крайней черты во всемъ, оказался между двухъ огней, въ положеніи, изъ котораго не суждено было ему выйти до конца жизни—не только врагомъ правительства, но и врагомъ его враговъ. «Эпоха», рассказываетъ онъ самъ, была слабѣе противниковъ, которымъ не было счета и которые разрѣшали себѣ не только всякое глумленіе и ругательство, на примѣръ, называли своихъ оппонентовъ *ракаліями*, *бутербродами*, *стрижками* и т. п., но и позволяли себѣ намеки на то, что мы нечестны, угодники правительства, доносчики и т. п. Помню, какъ бѣдный Михаилъ Михайловичъ былъ огорченъ, когда его «расчетъ съ подписчиками» былъ гдѣ-то продернутъ и доказывалось, что онъ обсчиталъ своихъ подписчиковъ». «Они, то-есть «либеральные» против-

ники,—вспоминалъ онъ въ послѣдствіи въ «Дневникѣ»,—объявили меня сыскно-полицейскимъ писателемъ».

Въ это же самое время, одинъ за другимъ, умерли братъ его Михайлъ Михайловичъ, критикъ Аполлонъ Григорьевъ, самый близкій другъ его, сотрудникъ по «Времени», и первая жена, Марья Дмитриевна Достоевская.

«И вотъ я остался вдругъ одинъ,—пишетъ онъ А. Е. Врангелю,—и стало мнѣ просто страшно. Вся жизнь переломилась надвое... Буквально, мнѣ не для чего оставалось жить. Новыя связи дѣлать, новую жизнь выдумывать? Мнѣ противна была даже и мысль объ этомъ... Семейство брата осталось буквально безъ всякихъ средствъ—хоть ступай по-міру. Я у нихъ остался единой надеждой, и они всѣ, и вдова и дѣти, сбились въ кучу около меня, ожидая отъ меня спасенія. Брата моего я любилъ безконечно, могъ ли я ихъ оставить?» Продолжая изданіе «Эпохи», «я могъ бы прокормить и ихъ, и себя, конечно, работая съ утра до ночи, всю жизнь... Къ тому же надо было отдать долги брата: я не хотѣлъ, чтобы на его имя легла дурная память... Я сталъ печатать (послѣднія книжки «Эпохи») разомъ въ трехъ типографіяхъ, не жалѣлъ денегъ, не жалѣлъ здоровья и силъ. Редакторомъ былъ одинъ я, читалъ корректуры, возился съ авторами, съ цензурой, поправлялъ статьи, доставалъ деньги, просиживалъ до шести часовъ утра и спалъ по пяти часовъ въ сутки и хотъ ввелъ въ журналъ порядокъ, но уже было поздно».

Журналъ окончательно провалился. Достоевскій принужденъ былъ объявить, какъ онъ выражается, «временное банкротство». Кромѣ долга передъ подписчиками, на немъ оказалось до 10.000 вексельнаго долга и 5.000 на честное слово. «О, другъ мой, пишетъ онъ Врангелю, я охотно бы пошелъ опять на каторгу на столько же лѣтъ, чтобы только уплатить долги и почувствовать себя опять свободнымъ. Теперь опять начну писать романъ изъ-подъ палки, то-есть изъ нужды, наскоро... Изъ всего запаса моихъ силъ и энергіи осталось у меня въ душѣ что-то тревожное и смутное, что-то близкое къ отчаянью. Тревога, горечь, самая холодная суетня, самое ненормальное для меня состояніе и вдо-

бавокъ—одинъ: прежнихъ и прежняго, сорокалѣтняго, нѣтъ уже при мнѣ». Самый ожесточенный изъ кредиторовъ его, издатель и книгопродавецъ Стелловскій, откровенный негодай, грозилъ посадить его въ тюрьму, «такъ что ужъ и помощникъ квартальнаго,—говоритъ Федоръ Михайловичъ,—приходилъ ко мнѣ для исполненія». Остальные грозили тѣмъ же и подавали ко взысканію. Ему оставалось одно изъ двухъ: или долговое отдѣленіе, или бѣгство. Онъ предпочелъ послѣднее и бѣжалъ за границу.

Здѣсь провелъ онъ четыре года, невыразимо бѣдствуя.

О крайностяхъ нужды, почти невѣроятныхъ—онъ вѣдь уже тогда былъ авторомъ «Преступленія и наказанія», великимъ русскимъ, а для наиболѣе чуткихъ цѣнителей могъ быть и всемірнымъ писателемъ—даютъ понятія письма его А. Н. Майкову изъ Дрездена отъ 1869 года. Тутъ все только самыя будничныя, житейскія мелочи, но я не могу ихъ обойти: не вникая въ эти мелочи, нельзя *почувствовать* чужой нужды, точно такъ же, какъ не слыша стонувъ, не видя лица больного, нельзя почувствовать боли его. Тутъ никакія отвлеченныя разсужденія о трудѣ и бѣдности простого народа, о праздности и роскоши умственныхъ работниковъ ничего не выяснятъ.

«Я въ послѣдніе полгода, — пишетъ Достоевскій Майкову,—такъ нуждался съ женой, что послѣднее бѣлье наше теперь въ закладѣ (не говорите этого никому)», прибавляетъ въ скобкахъ стыдливо и жалобно. «Я принужденъ буду тотчасъ же продать послѣднія и необходимѣйшія вещи и за вещь, стоящую 100 талеровъ, взять 20, что, конечно, принужденъ буду сдѣлать для спасенія жизни трехъ существъ, если онъ *замедлитъ* отвѣтомъ, хотя бы и удовлетворительнымъ». Этотъ онъ, послѣдняя надежда, соломинка, за которую онъ хватается, какъ утопающій,—какой-то господинъ Кашпиревъ, издатель «Зари», ему совершенно не извѣстный, котораго, однако, онъ проситъ «по-христіански», то-есть Христа ради, выручить его и выслать 200 рублей. «Но такъ какъ это, можетъ-быть, тяжело сдѣлать сейчасъ, то прошу его выслать *сейчасъ* всего только 75 рублей (это, чтобъ спасти сейчасъ изъ воды и не

дать провалиться)... Не зная совершенно личности Кашпирева, пишу въ усиленно-почтительномъ, хотя и нѣсколько настойчивомъ тонѣ (боюсь, чтобъ не пикировался; ибо почтительность слишкомъ усиленная, да и письмо, кажется, очень глупымъ слогомъ написано)».

Почти черезъ мѣсяцъ снова пишетъ онъ Майкову: «отъ Кашпирева до сихъ поръ ни копейки денегъ не получилъ—одни обѣщанія. Если бы вы знали только, въ какомъ мы теперь положеніи. Вѣдь насъ трое—я, жена (вторая жена Достоевскаго, Анна Григорьевна), которая кормитъ, и которой ѣсть надо, и ребеночекъ (новорожденная дочь Люба), который можетъ заболѣть черезъ нашу нужду и умереть!» «Надо окрестить Любу, а она до сихъ поръ еще не крещена; не на что».

Далѣе все такія же мелочи, трагическую силу которыхъ пойметъ лишь человекъ, самъ испытавшій нужду. Напримѣръ, въ другомъ письмѣ брату отъ апрѣля 1864 года: «лѣтнихъ калошъ не соберусь купить, въ зимнихъ хожу... Неужели онъ (Кашпиревъ),—продолжаетъ Достоевскій,—думаетъ, что я писалъ ему о моей нуждѣ только для красоты слога? Какъ могу я писать, когда я голоденъ, когда я, чтобы достать два талера на телеграмму, штаны заложилъ? Да чортъ со мной и съ моимъ голодомъ! Но вѣдь она (Анна Григорьевна), кормитъ ребенка, что жъ, если она послѣднюю свою теплую, шерстяную юбку идетъ сама закладывать! А вѣдь у насъ второй день снѣгъ идетъ (не вру, справьтесь въ газетахъ!), но вѣдь она простудиться можетъ! Неужели онъ не можетъ понять, что мнѣ стыдно все это объяснять ему?» «Но это не все, есть и еще стыднѣе: у насъ до сихъ поръ ни бабка, ни хозяйева не уплачены, и это все ей въ первый мѣсяцъ послѣ родовъ. Да неужели же онъ не понимаетъ, что онъ не только меня, но и жену мою оскорбилъ, обращаясь со мной такъ небрежно, послѣ того, какъ я самъ ему писалъ о нуждахъ моей жены. Оскорбилъ, оскорбилъ!.. Онъ меня заручилъ своимъ словомъ! Слѣдственно, онъ не имѣетъ права говорить, что онъ плюетъ на мой голодъ, и что я не смѣю торопить его. Онъ, конечно, будетъ говорить, что онъ плюетъ на мой голодъ, и что я не смѣю торопить его»...—и такъ

далѣе, ненужныя, однообразныя, какъ стоны безсмысленной боли, повторенія все одного и того же. Это—уже не дѣловое письмо, а бредъ; не жалобы, а крики отчаянія. Тутъ даже нѣтъ справедливости относительно Кашпирева, невиннаго, какъ оказалось впоследствии, ибо замедленіе произошло не по его небрежности, а по безтолковости одного служащаго въ банкѣ, на который былъ сдѣланъ переводъ. Тутъ—самый звукъ надрывающагося голоса Достоевскаго, безудержное, почти безумное волненіе, какъ передъ припадкомъ эпилепсіи.

«И они требуютъ отъ меня теперь литературы!—заключаетъ онъ съ бѣшенствомъ.—Да развѣ я могу писать въ эту минуту? Я хожу и рву на себѣ волосы, а по ночамъ не могу заснуть! Я все думаю и бѣшусь! Я жду! О, Боже мой! Ей-Богу, ей-Богу я *не могу* описать всѣ подробности моей нужды: мнѣ стыдно ихъ описывать!.. И послѣ того у меня требуютъ художественности, чистоты поэзіи, безъ угару, и указываютъ на Тургенева, Гончарова! Пусть посмотрятъ, въ какомъ положеніи я работаю!»

И такова была вся или почти вся его жизнь.

«Я—художникъ, поэтъ—училь, самъ не зная чему,—говоритъ Л. Толстой.—Мнѣ за это платили деньги, у меня было прекрасное кушанье, помѣщеніе, женщины, общество; у меня была слава».—«Литература, такъ же какъ и откупа, есть только искусная эксплуатація, выгодная только для ея участниковъ и невыгодная для народа».—«Ни одинъ трудъ не окушается такъ легко, какъ литературный».

Ну, а что, если бы онъ увидѣлъ собственными глазами Достоевскаго, котораго онъ все-таки считалъ истиннымъ художникомъ, и даже «самымъ нужнымъ для себя, близкимъ человѣкомъ»,—идущаго закладывать штаны, чтобы достать два талера на телеграмму,—все такъ же ли презрительно пожималъ бы онъ плечами, слыша мнѣніе, что даже истинный художникъ иногда «творитъ ради денегъ», и что въ раздѣленіи умственнаго и ручного труда есть нѣчто узкое, умерщвляющее жизнь, несоизмѣримое съ жизнью, какъ и почти во всѣхъ подобныхъ умозрительныхъ отвлеченностяхъ? Я, впрочемъ, думаю, что въ столь поверхностныхъ чувствахъ и мы-

сляхъ Л. Толстого о литературѣ, о трудѣ и нуждѣ сказывается не грубость и черствость сердца, свойственная сытымъ, которые голодныхъ не разумѣютъ, а просто неопытность, совершенное незнаніе дѣйствительной жизни, съ извѣстной стороны, очень важной для нравственныхъ осужденій.

Стремленіе къ безконечному совершенству, удовлетвореніе собственной художественной совѣсти для Достоевскаго—вопросъ жизни и смерти. «Не думайте,—пишетъ онъ Майкову,—въ томъ же страшномъ 1869 году, что я блины пеку: какъ бы ни вышло скверно и гадко то, что я пишу, но мысль романа и работа его—все-таки мнѣ-то, бѣдному, то-есть автору, дороже всего на свѣтѣ! Это не блинъ, а самая дорогая для меня идея и давнишняя. Разумѣется, испакошу, но что же дѣлать!»—«Вѣрите ли, несмотря, что уже три года записывалась, иную главу напишу да и забракую, вновь напишу и вновь напишу». Кончая одно изъ прекраснѣйшихъ и глубочайшихъ своихъ созданій, «Идіота», онъ жалуется: «романомъ я недоволенъ до отвращенія... Теперь сдѣлаю послѣднее усиліе на 3-ю часть. Если поправлю романъ—поправлюсь самъ, если нѣтъ, то я погибъ». И передъ отъѣздомъ за границу, во время работы надъ «Преступленіемъ и наказаніемъ»: «Въ концѣ ноября было много написано и готово; я все сжегъ; теперь въ томъ можно признаться. Мнѣ не понравилось самому. Новая форма, новый планъ меня увлекъ, и я началъ сызнава».

«Я и вообще работаю нервно, съ мукою и заботою,—говоритъ Достоевскій,—когда я усиленно работаю, то боленъ даже физически». И въ другомъ письмѣ изъ Женевы: «надо сильно, очень сильно работать. А между тѣмъ припадки добиваются окончательно, и послѣ каждого я сутокъ по 4 съ разсудкомъ не могу собраться».—«Припадки стали уже повторяться каждую недѣлю,—вспоминаетъ онъ послѣдніе дни въ Петербургѣ,—а чувствовать и сознавать ясно это нервное и мозговое разстройство было невыносимо. Разсудокъ, дѣйствительно, разстраивался—это истина. Я это чувствовалъ; а разстройство нервовъ доводило иногда меня до бѣшенныхъ минутъ».—«Сжигаетъ меня какая-то внутренняя лихорадка, ознобъ, жаръ

каждую ночь, и я худѣю ужасно».—«Каждые 10 дней по припадку, а потомъ дней 5 не опомнюсь. Пропашій я человекъ!»

«А между тѣмъ, все мнѣ кажется, что я только что собираюсь жить,—признается онъ въ одномъ изъ самыхъ отчаянныхъ писемъ.—Смѣшно, не правда ли? Кошачья живучесть!»—«Мнѣ довелось видѣть его въ самыя тяжелыя минуты, послѣ запрещенія журнала, послѣ смерти брата, въ жестокихъ затрудненіяхъ отъ долговъ,—разсказываетъ Страховъ,—онъ никогда не падалъ духомъ до конца, и мнѣ кажется, нельзя представить себѣ обстоятельствъ, которыя могли бы подавить его. Это было особенно изумительно при его страшной впечатлительности, при чемъ онъ обыкновенно не сдерживался, а предавался вполне своимъ волненіямъ. Какъ будто одно другому не только не мѣшало, а даже способствовало».—«Жизненности во мнѣ столько запасено, что и не вычерпашь!» говоритъ самъ Достоевскій въ одномъ изъ своихъ юношескихъ писемъ, и наканунѣ смерти могъ бы онъ повторить о себѣ то же самое словами Дмитрія Карамазова: «я все поборю, всѣ страданія, только бы сказать и говорить себѣ поминутно: я есмь! Въ тысячѣ мукъ—я есмь, въ пыткѣ корчусь—но есмь! Въ столпѣ сижу, но и я существую, солнце вижу, а не вижу солнца, то знаю, что оно есть. А знать, что есть солнце—это уже вся жизнь».

И въ эти именно четыре года, пораженный смертью друга, брата, жены, притѣсняемый кредиторами, преслѣдуемый властью и врагами власти, непонятый читателями, въ одиночествѣ, нищетѣ, болѣзни, создаетъ онъ, одно за другимъ, величайшія произведенія свои: въ 1866 году «Преступленіе и наказаніе», въ 1868 «Идіота», въ 1870 «Бѣсовъ» и замышляетъ «Братьевъ Карамазовыхъ». Мало того: по всему, что онъ создалъ, сколь оно ни безпредѣльно, трудно представить себѣ, что онъ хотѣлъ и, вѣроятно, могъ бы создать въ иныхъ культурныхъ условіяхъ. «Конечно, онъ написалъ,—говоритъ Страховъ, близко знакомый съ внутренней исторіей его творчества,—только десятую долю тѣхъ романовъ, которые онъ уже обдумалъ, уже носилъ иногда въ себѣ многіе годы; нѣкоторые онъ разсказывалъ подробно и съ большимъ увле-

ченіемъ; а такимъ темамъ, которыхъ онъ не успѣвалъ обработать, у него конца не было».

Не дружескимъ преувеличеніемъ, не обычною надгробною хвалою, а безпристрастнымъ, точнымъ выраженіемъ того, что дѣйствительно было въ существѣ Достоевскаго, какъ литератора, кажется утвержденіе Страхова: «это не простой литераторъ, а настоящій *герой* литературнаго поприща». Да, въ жизни Достоевскаго, каковы бы ни были его ошибки и слабости, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя мгновенія, дѣйствительно окружены ореоломъ героическаго подвига и святости.

«Я убѣдился,—говоритъ Л. Толстой о русскихъ литераторахъ, съ которыми пришлось ему встрѣчаться въ молодости, и среди которыхъ не былъ случайно, но могъ быть Достоевскій,—я убѣдился, что почти всѣ писатели были люди безправственные, ничтожные по характерамъ... но самоувѣренные и довольные собою, какъ только могутъ быть довольны люди совсѣмъ *святые*, или такіе, которые и не знаютъ, что такое *святость*... Теперь, вспоминая объ этомъ времени, о своемъ настроеніи тогда и настроеніи тѣхъ людей... мнѣ и жалко, и срамно—возникаетъ именно то чувство, которое испытываешь въ домѣ сумасшедшихъ».

Всю жизнь оставался Л. Толстой вѣрнымъ этому взгляду на русскую литературу, какъ на домъ сумасшедшихъ. Всю жизнь искалъ онъ своего оправданія и своей святости въ отреченіи отъ культурнаго общества, въ бѣгствѣ къ народу, въ умерщвленіи плоти, въ ручномъ трудѣ—во всемъ, кромѣ того, къ чему, казалось бы, призванъ былъ Богомъ.

Всей своей жизнью Достоевскій показалъ, что такъ же, какъ въ прошлые вѣка могли быть героями цари, законодатели, воины, пророки, подвижники—въ современной культурѣ одинъ изъ послѣднихъ героевъ есть герой Слова—литераторъ.

Будущее рѣшить, кто изъ нихъ правъ, и не суждено ли именно среди героевъ Слова, такъ же какъ среди другихъ героевъ искусства и познанія, явиться тѣмъ избранникамъ, которые будутъ имѣть власть надъ людьми въ третьемъ и послѣднемъ царствѣ Духа.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА.

Въ глазахъ того, кто признаетъ одну христіанскую святость и притомъ съ насильственнымъ, умерщвляющимъ плоть и духъ, преобладаніемъ духа надъ плотью,—окажется справедливымъ приговоръ Л. Тостого надъ собственной жизнью: «я проѣдалъ труды мужиковъ, казнилъ ихъ, блудилъ, обманывалъ. Ложь, воровство, любодѣяніе всѣхъ родовъ, пьянство, насиліе, убійство... не было преступленія, котораго бы я не совершалъ».

Но, если кромѣ святости духа, мы признаемъ *и святость плоти*, кромѣ христіанской, столь же вѣчную святость языческую или, по крайней мѣрѣ, ветхозавѣтную, не отмѣненную, а только преображенную Сыномъ, то, можетъ-быть, съ этой точки зрѣнія жизнь Л. Толстого представится все-таки самою стройною, цѣлостною и прекрасною, въ народномъ смыслѣ—*благолѣпною* жизнью, въ современномъ, культурномъ, не только русскомъ, но и европейскомъ обществѣ; съ этой точки зрѣнія окажется, что онъ былъ не «воромъ», а бережливымъ хозяиномъ-домостроителемъ, не «насильникомъ», а добрымъ господиномъ слугъ своихъ и домочадцевъ, не «убійцею», а храбрымъ воиномъ, не «пьяницею», а мудрымъ и трезвымъ эпикурейцемъ, опьянявшимся самою невинною радостью жизни, не «прелюбодѣемъ», а вѣрнымъ супругомъ, сохранившимъ въ незапятнанной чистотѣ брачное ложе, чадолюбивымъ отцомъ семейства, подобнымъ патріархамъ, отцамъ ветхаго завѣта, Аврааму, Исааку и Иакову. Этою не дѣвственною, но и въ самомъ сладострастїи цѣломудренною чистотою

и свѣжестью вѣтъ отъ всей жизни его, какъ отъ стараго зеленаго дерева, какъ отъ холоднаго и прозрачнаго подземнаго источника. Болѣзненныхъ противорѣчій и лжи нѣтъ въ самой жизни, въ самихъ дѣлахъ и даже въ чувствахъ Л. Толстого, противорѣчія и ложь начинаютъ обнаруживаться только тогда, когда мы приступаемъ къ сравненію совершенной языческой жизни его съ его несовершеннымъ христіанскимъ сознаниемъ. Дѣла его обличаются не дѣлами, а только словами и мыслями. Для того, чтобы жизнь Л. Толстого казалась безупречно прекрасною, надо забыть не то, что онъ дѣлаетъ и чувствуетъ, а лишь то, что онъ говоритъ и думаетъ о своихъ дѣлахъ и чувствахъ. Онъ исполнилъ ветхій законъ, и вся его трагедія лишь въ томъ, что онъ дѣла закона своего не оправдалъ своею вѣрою, своимъ сознаниемъ. И не заключается ли трагедія всѣхъ вообще людей Ветхаго завѣта, всего духовнаго Израиля, именно въ томъ, что на послѣднихъ предѣлахъ исполненнаго Закона не удовлетворяются они Закономъ и ждутъ Освободителя,—но когда Мессія приходитъ, то, слишкомъ поработанные игомъ закона, не имѣютъ силы признать его, во всей его невѣдомой страшной свободѣ, и отвергаютъ и снова и вѣчно ждутъ? И въ этомъ ожиданіи—ихъ святость. Лишь съ точки зрѣнія этой древней, вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ уже вѣчной, не ветшающей, можетъ-быть, заключенной и въ самомъ христіанствѣ (ибо Отецъ и Сынъ—одно), но еще тамъ, въ христіанствѣ, не понятой, не сознанной святости, Л. Толстой имѣлъ право сказать о себѣ съ такою безстрашною гордынею: «мнѣ нечего скрывать отъ людей—пусть знаютъ всѣ, что я дѣлаю». И жизнь его, дѣйствительно, вынесла это испытаніе: послѣдніе покровы сняты съ нея, она обнажена передъ глазами всего міра. И вотъ ему все-таки стыдиться нечего: вся она чистая, святая, хотя и не тою святостью, которой онъ хотѣлъ бы, и которая кажется ему самому и большинству современныхъ людей христіанскою. Если бы онъ и долженъ былъ чего-нибудь стыдиться, то не дѣлъ и не чувствъ своихъ, а только словъ и мыслей. Но развѣ мало того, что и душевная нагота этого семидесятилѣтняго старика столь же невинна, какъ нагота ребенка? Чья

еще жизнь въ нашемъ современномъ обществѣ вынесла бы такое испытаніе?

Кажется, во всякомъ случаѣ, не жизнь Достоевскаго.

Очень легко впасть въ ошибку и въ несправедливость при сравненіи жизни Л. Толстого съ жизнью Достоевскаго, потому что о первомъ мы знаемъ все, между тѣмъ какъ о второмъ мы не только всего, но, можетъ-быть, и очень важнаго не знаемъ, и лишь по намекамъ въ письмахъ его, по устнымъ преданіямъ и, наконецъ, въ особенности по тому, какъ личность его отразилась въ творчествѣ, догадываемся, что цѣлая сторона ея скрыта отъ насъ. Слѣдуетъ отдать справедливость и ближайшимъ друзьямъ Федора Михайловича, которые позаботились оставить намъ его жизнеописаніе: это люди въ высшей степени вѣжливые, почтительные къ памяти покойнаго, даже слишкомъ почтительные, и всего менѣе способные понять то, что Апокалипсисъ называетъ *глубинами сатанинскими*, и что было такъ родственно Достоевскому. Даже такой тонкій и проницательный умъ, какъ Страховъ, не то что облагораживаетъ, а чрезмѣрно упрощаетъ личность Достоевскаго, смягчаетъ, притупляетъ, сглаживаетъ ее, приводитъ къ общему, среднему уровню.

Во всякомъ случаѣ, рассматривая личность Достоевскаго, какъ человѣка, должно принять въ расчетъ неодолимую потребность его, какъ художника, изслѣдовать самыя опасныя и преступныя бездны человѣческаго сердца, преимущественно бездны сладострастія, во всѣхъ его проявленіяхъ. Начиная отъ самаго высшаго, одухотвореннаго, граничащаго съ религіозными восторгами—сладострастія «ангела» Алеши Карамазова, кончая сладострастіемъ злого насѣкомаго, «паучихи, пожирающей самца своего»—туть вся гамма, вся радуга безконечныхъ переливовъ и оттѣнковъ этой самой таинственной изъ человѣческихъ страстей, въ ея наиболѣе острыхъ и болѣзненныхъ извращеніяхъ. Замѣчательна одинаково необходимая, кровная связь не только чудовищнаго Смердякова, не только Ивана, «борющагося съ Богомъ», и жестокаго, какъ будто «укушеннаго тарантуломъ», сладострастника Дмитрія, но и непорочнаго херувима Алеши—съ

отцомъ ихъ по плоти, «извергомъ», Федоромъ Павловичемъ Карамазовымъ, такъ же какъ съ отцомъ ихъ по духу, самимъ Достоевскимъ. Дѣйствительно, это по преимуществу—его семья, и онъ бы отрекся отъ нея, можетъ - быть, передъ людьми, но не передъ собственной совѣстью и не передъ Богомъ.

Существуетъ въ рукописи ненапечатанная глава изъ «Бѣсовъ», исповѣдь Ставрогина, гдѣ, между прочимъ, онъ рассказываетъ о растленіи дѣвочки. Это одно изъ могущественнѣйшихъ созданій Достоевскаго, въ которомъ слышится звукъ такой ужасающей искренности, что понимаешь тѣхъ, кто не рѣшается напечатать этого даже послѣ смерти Достоевскаго: тутъ что-то, дѣйствительно, есть, что переступаетъ «за черту» искусства: это *слишкомъ живо*.

Но въ злодѣянїяхъ Ставрогина, даже въ послѣднихъ низостяхъ его паденій есть, по крайней мѣрѣ, какъ бы не потухающій демоническій отблескъ того, что было красотою, есть величіе зла. Достоевскій не останавливается, однако, и передъ изображеніями самага будничнаго и мелкаго разврата, въ которомъ уже нѣтъ никакого величія. Герой или «антигерой» *Записокъ изъ подполья* стоитъ на умственной высотѣ величайшихъ героев Достоевскаго, наиболѣе близкихъ сердцу его. Онъ выражаетъ самую сущность религіозныхъ бореній и сомнѣній художника. Въ этой исповѣди чувствуется иногда самообличеніе, самобичеваніе, не менѣе безпощадное и нѣсколько болѣе страшное, чѣмъ въ «Исповѣди» Л. Толстого. И вотъ въ чемъ этотъ «герой» признается: «по временамъ... я вдругъ погружался въ темный, подземный, гадкій—не развратъ, а развратишко. Страстишки во мнѣ были острыя, жгучія отъ всегдашней болѣзненной раздражительности. Порывы бывали истерическіе, со слезами и конвульсіями... Накипала сверхъ того тоска: являлась истерическая жажда противорѣчій, контрастовъ, и вотъ я и пускался развратничать... Развратничалъ я уединенно, по ночамъ, потаенно, боязливо, грязно, со стыдомъ, не оставлявшимъ меня въ самыя омерзительныя минуты и даже доходившимъ въ такія минуты до проклятїя. Я ужъ и тогда но-

силъ въ душѣ моей подполье. Боялся я ужасно, чтобъ меня не увидали, не встрѣтили, не узнали...»

Во всѣхъ этихъ изображеніяхъ у Достоевскаго такая сила и смѣлость, такая новизна открытій и откровеній, что иногда является смущающій вопросъ: могъ ли онъ все это узнать *только по внѣшнему* опыту, только изъ наблюденій надъ другими людьми? Есть ли это любопытство *только* художника? Конечно, ему самому не надо было убивать старуху, чтобы испытать ощущеніе Раскольниковова. Конечно, тутъ многое должно поставить на счетъ ясновидѣнію генія; многое—но *все ли*? Впрочемъ, пусть даже въ дѣлахъ, въ жизни самого Достоевскаго не было ничего соотвѣтственнаго этому преступному или, по крайней мѣрѣ, переступающему «за черту» любопытству художника; достойно вниманія уже и то, что въ воображеніи его могли возникать подобные образы. Вотъ, къ чему никогда не было бы способно воображеніе Л. Толстого, проникавшее, однако, въ неменѣе глубокія, хотя иныя бездны сладострастія. Художественнаго любопытства Достоевскаго къ «укусамъ тарантула» — къ растленію дѣвочки, къ любовному приключенію Федора Карамазова съ Лизаветою Смердящею—никогда не понялъ бы Л. Толстой. Ему показалось бы такое любопытство или бессмысленнымъ, или отвратительнымъ. Половая чувственность является у него иногда силою жестокою, грубою, даже звѣрскою, но никогда не естественною, не извращенною. Величайшее изъ человѣческихъ преступленій, казнимое немилосердною божескою справедливостью въ духѣ Моисеева Второзаконія—«Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ»—для творца «Анны Карениной» и «Крейцеровой сонаты» есть нарушеніе супружеской вѣрности. Мѣра, которою самъ онъ мѣритъ всѣ явленія половой жизни—стихійно-простая, здоровая, патріархально-семейственная, цѣломудренная чувственность, какъ законъ, данный людямъ Иеговою: плодитесь и множитесь. Левинъ признается однажды, что онъ во всю свою жизнь не могъ себѣ представить иначе счастья съ женщиной, какъ въ видѣ брака, и что соблазнить чужую жену ему, обладателю Китти, кажется столь же нелѣпымъ, какъ человѣку

послѣ дорогого сытнаго обѣда—украсть калачь съ лотка уличной торговли. Сколь бы ни каялся Л. Толстой въ совершенныхъ имъ, будто бы, любодѣянiяхъ, мы чувствуемъ, что въ этой области, по сравненiю съ Достоевскимъ, онъ столь же наивенъ, какъ Левинъ или шестнадцатилѣтнiй Иртеньевъ, влюбленный въ горничную Сашу, которому поцѣловать ее мѣшаетъ дикая стыдливость.

Но, повторяю, изслѣдователь жизни Достоевскаго бродитъ здѣсь въ потемкахъ, ощупью. Нѣтъ ясныхъ и точныхъ свидѣтельствъ, на которыя можно бы опереться. Только намеки. Одинъ изъ нихъ я уже привелъ: рассказавъ брату о своемъ увлеченiи «Миннушками, Кларами, Марiаннами»—Достоевскому было тогда 25 лѣтъ—и о томъ, какъ Тургеневъ и Бѣлинскiй «разбранили его за безпорядочную жизнь», онъ сообщаетъ въ заключенiе: «я боленъ нервами и боюсь горячки или лихорадки нервической. Порядочно жить я не могу, до того я безпутенъ». Почтительный и цѣломудренный биографъ О. Э. Миллеръ спѣшитъ сдѣлать предположенiе, что «безпутство», о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть только денежная безпорядочность Федора Михайловича; но именно этою поспѣшностью оправданiя поселяетъ сомнѣнiе въ душѣ читателя.

А вотъ и еще намекъ, хотя изъ другой области, но тоже дающiй мѣру тѣхъ крайностей, до которыхъ способенъ былъ Достоевскiй доходить не только въ воображенiи, но и въ дѣйствительности. «Голубчикъ, Аполлонъ Николаевичъ,—пишетъ онъ Майкову въ 1867 году изъ-за границы,—я чувствую, что могу васъ считать, какъ моего судью. Вы человекъ съ сердцемъ... Мнѣ передъ вами покаяться не больно. Но пишу только для *васъ одного*. Не отдавайте меня на судъ людской. Проѣзжая недалеко отъ Бадена, я вздумалъ туда завернуть. Соблазнительная мысль меня мучила; пожертвовать 10 луйдоровъ и, можетъ-быть, выиграю 2.000 франковъ лишнихъ... гаже всего, что мнѣ и прежде случалось иногда выигрывать. А хуже всего, что натура моя подлая и слишкомъ страстная... Бѣсь тотчасъ же сыгралъ со мной штуку: я дня въ три выигралъ 4.000 франковъ съ необыкновенною легкостью... Глав-

нос—сама игра. Знаете ли, какъ это втягиваетъ! Нѣтъ, клянусь вамъ, что тутъ не одна корысть... Я рискнулъ дальше—и проигралъ. Сталъ свои *послѣднія* проигрывать, раздражаюсь до лихорадки—проигралъ. Сталъ закладывать платье. Анна Григорьевна *все* свое заложила, послѣднія вещицы (что за ангель! какъ утѣшала она меня)». Слѣдуютъ мольбы о деньгахъ, кажушіяся унижительными, даже если принять въ расчетъ всю дружескую близость Достоевскаго съ Майковымъ: «я знаю, Аполлонъ Николаевичъ, что у васъ у самихъ денегъ *лишнихъ* нѣтъ. Никогда бы я не обратился къ вамъ съ просьбою о помощи. Но вѣдь я утопаю, утонулъ совершенно. Черезъ двѣ-три недѣли я совершенно безъ копейки, а утопающій протягиваетъ руку, уже не спрашиваясь разсудка... Кромѣ васъ, *никого* не имѣю, и если вы не можете, то я погибну, вполнѣ погибну!.. Голубчикъ, спасите меня! Заслужу вамъ вовѣки дружбой и привязанностью. Если у васъ нѣтъ, займите у кого-нибудь для меня. Простите, что такъ пишу... Не оставляйте меня одного! Богъ вознаградитъ васъ за это. Оросите каплей воды душу, изсохшую въ пустынѣ! Ради Бога!» Замѣчательна въ этихъ послѣднихъ выраженіяхъ о «каплѣ воды» и «душѣ, изсохшей въ пустынѣ» униженная витіеватость рѣчи, та самая, съ которой у него въ романахъ описываютъ свою бѣдность комическія лица, потерявшія чувство собственнаго достоинства, въ родѣ «пьяненькаго» Мармеладова и проходимца капитана Лебядкина. Видимо, Достоевскій самъ не помнитъ, что говорить, не владетъ собою: ему все равно, что Майковъ о немъ подумаетъ; онъ зарвался; онъ въ лихорадкѣ, почти въ истерикѣ; онъ все еще какъ пьяный отъ сладострастья игры. И чувствуется, что если бы тамъ, въ Баденѣ, получилъ онъ деньги, которыя просить, то снова не удержался бы и проигралъ бы ихъ тотчасъ.

Однажды, въ молодости, Л. Толстой тоже сильно проигрался. Но не «зарвался», а сумѣлъ остановиться во-время, со свойственными ему, если не въ созерцаніи, то въ дѣйствіи, самообладаніемъ и трезвостью. Онъ прекратилъ игру, уѣхалъ на Кавказъ, поселился въ казачьей станицѣ, жилъ здѣсь съ величайшею бережливостью на 5 рублей въ мѣсяцъ,

собралъ деньги и выплатилъ карточный долгъ. Тутъ, хотя и въ маленькой житейской подробности, сказывается истинная сила Л. Толстого—чувство мѣры, власть надъ собою, выдержка и, слѣдовательно, съ извѣстной точки зрѣнія, нравственное преимущество передъ Достоевскимъ.

Все это мелочи. Но мы знаемъ, что и въ болѣе важныхъ случаяхъ Достоевскій «зарывался». Такъ, въ припадкѣ юношескаго тщеславія, вообразилъ онъ, что въ «Двойникѣ» своемъ превзошелъ «Мертвыя Души». Такъ, въ слѣпомъ негодованіи на Бѣлинскаго, обвинялъ этого, можетъ-быть, недостаточно проницательнаго, но въ высшей степени благонамѣреннаго человѣка—въ «подлой злобѣ», въ «смрадной тупости». Въ томъ самомъ письмѣ, гдѣ онъ рассказываетъ Майкову о проигрышѣ, онъ дѣлаетъ это знаменательное обобщеніе всей своей нравственной личности: «вездѣ-то и во всемъ я до послѣдняго предѣла дохожу, всю жизнь за черту переходилъ». Надо прибавить, что ему случалось «переходить за черту» не только отъ силы, но и отъ слабости, отъ недостатка самообладанія.

«Не отдавайте меня на судъ людской», просить онъ Майкова. Это напоминаетъ героя «Записокъ изъ подполья»: «боялся я ужасно, чтобъ меня не увидали, не встрѣтили, не узнали». Можетъ-быть, онъ и не раскаивается, и не стыдится передъ самимъ собою своей, какъ онъ выражается, «подлой и слишкомъ страстной натуры», но все же сознаниемъ своимъ освятить и оправдать ее «передъ людскимъ судомъ» не имѣетъ силы. И это уже слабость, это стыдъ зла, ибо зло не въ томъ, что онъ дѣлаетъ, а въ томъ, что онъ стыдится того, что дѣлаетъ. И въ концѣ-концовъ, не все ли равно, было ли что-нибудь въ жизни, въ дѣлахъ его, соотвѣтствующее преступному любопытству его воображенія, или не было? Важно то, что онъ думалъ и чувствовалъ такъ, какъ будто *посмѣлъ бы* сдѣлать, если бы захотѣлъ. А сказать, какъ Л. Толстой: «мнѣ нечего скрывать отъ людей, пусть знаютъ всѣ, что я дѣлаю», и снять съ жизни своей послѣдніе покровы, обнажить ее передъ глазами всего міра, Достоевскій не посмѣлъ бы. Этой наготы не вынесла бы его жизнь. Онъ что-то скрылъ отъ

насъ или желалъ бы скрыть, и мы чувствуемъ, что эта темная сторона его жизни—не святая, не «благолѣпная» или, по крайней мѣрѣ, ему самому казалась она не святою и не благолѣпною.

Если жизнь Л. Толстого похожа на дѣвственно-чистую воду подземнаго родника, то жизнь Достоевскаго подобна огню, который вырывается изъ тѣхъ же первозданныхъ глубинъ, но смѣшанный съ лавою, пепломъ, удушливымъ срадомъ и чадомъ.

Нельзя не повѣрить искреннимъ усиліямъ Л. Толстого любить своихъ ближнихъ; можно только усомниться въ томъ, любилъ ли онъ, дѣйствительно, кого-нибудь по-христіански. Огонь любви, проникающій и очищающій всю жизнь Достоевскаго, свѣтится даже въ самыхъ будничныхъ подробностяхъ его жизни. Въ одномъ письмѣ поручаетъ онъ Майкову своего пасынка-сироту: «Паша мальчикъ добрый, мальчикъ милый и котораго некому любить... Я послѣдней рубашкой съ нимъ подѣлюсь и буду дѣлиться всю жизнь!» Кто самъ любилъ, тотъ почувствуетъ, что это не пустое слово, что онъ, дѣйствительно, готовъ, не разсуждая отвлеченно, имѣть ли право помогать бѣднымъ, подѣлиться со своимъ мальчикомъ «послѣднею рубашкою».

«...Мнѣ говорятъ въ утѣшеніе,—пишетъ онъ послѣ смерти дочери Сони,—что у меня еще будутъ дѣти. А Соня гдѣ? Гдѣ эта маленькая личность, за которую я, смѣло говорю, крестную муку приму, только чтобъ она была жива... Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ язвительнѣе воспоминаніе, и тѣмъ ярче представляется мнѣ образъ покойной Сони. Есть минуты, которыхъ выносить нельзя. Она уже меня знала; она, когда я, въ день смерти ея, уходилъ изъ дома читать газеты, не имѣя понятія о томъ, что черезъ два часа она умретъ, такъ слѣдила и провожала меня своими глазками, такъ поглядѣла на меня, что до сихъ поръ представляется все ярче и ярче. Никогда не забуду и никогда не перестану мучиться! Если даже и будетъ другой ребенокъ, то не понимаю, какъ я буду любить его, гдѣ любви найду; мнѣ нужно Соню». Онъ любитъ ее, дитя своей плоти, не только по плоти,

но и по духу, то-есть *по-христіански*, не для себя, а для нея, какъ отдѣльную, вѣчную, незамѣнимую личность. Вотъ, кто никогда не утѣшился бы объ умершемъ ребенкѣ съ другими, новыми дѣтьми, подобно ветхозавѣтному патриарху Іову. «А гдѣ Соня? Мнѣ нужно Соню». Во всемъ, что дѣлалъ, говорилъ, думалъ и чувствовалъ Л. Толстой, нѣтъ ничего подобнаго этимъ простымъ словамъ простой любви.

Невольно вспоминается, какъ, однажды, о самомъ вѣрномъ изъ друзей своихъ, о той, которая отдала ему всю свою жизнь, не только любила, но и *жалѣла* его, тридцать лѣтъ заботилась о немъ, какъ о ребенкѣ, съ материнскою нѣжностью, о женѣ своей Софьѣ Андреевнѣ, сказалъ Левъ Николаевичъ постороннему человѣку: «друга я себѣ буду искать между мужчинами, и никакая женщина не можетъ замѣнить мнѣ друга. Зачѣмъ же мы лжемъ нашимъ женамъ, увѣряя ихъ, что считаемъ ихъ нашими истинными друзьями? Вѣдь это неправда же?» Какое холодное и жестокое слово! Жестокое, но, можетъ-быть, беззлобное, невинное, и даже, если не христіански, то язычески прекрасное; это вѣдь холодъ всей его жизни—холодъ подземнаго источника. Только бы онъ самъ не боялся, не стыдился этого холода, сохранилъ бы его до конца; а то вѣдь все равно, холодный источникъ никогда не будетъ горячимъ, а лишь теплымъ и мутнымъ. Такъ пусть бы ужъ лучше оставался онъ такимъ, какимъ создалъ его Богъ. Я боюсь не великаго себялюбія, не языческаго холода послѣднихъ дѣвственно-чистыхъ глубинъ его, а поверхностной или срединной теплоты его, желающей быть христіанскою.

Итакъ, въ сущности, и Л. Толстой, и Достоевскій праведны въ жизни своей, но праведны не до конца, не совершенны, ибо кромѣ подземнаго холода есть еще холодъ небесной лазури, кромѣ подземнаго огня есть солнечный огонь. Ни тотъ, ни другой не достигли этой высшей *соединяющей* области, гдѣ вѣчная лазурь проникнута вѣчнымъ солнцемъ, гдѣ Два—Одно.

Во всякомъ случаѣ, огонь Достоевскаго такъ же святъ, какъ холодъ Л. Толстого. Для меня, что бы ни узналъ я

дурного, преступнаго, даже постыднаго—если вообще что-либо подобное было—о жизни, о дѣйствіяхъ Достоевскаго, образъ его не омрачится, и окружающій его ореоль святости не потускнѣетъ, ибо я чувствую, что горѣвшій въ немъ огонь все побѣдилъ и все очистилъ. И самъ онъ чувствовалъ силу этого очищающаго огня. Имъ онъ жилъ и отъ него умиралъ. «Сжигаетъ меня качая-то внутренняя лихорадка, ознобъ, жаръ каждую ночь, и я худѣю ужасно», писалъ онъ еще за нѣсколько лѣтъ до смерти. Во вторую половину 1880 г., когда онъ кончилъ «Братьевъ Карамазовыхъ», по воспоминаніямъ Страхова, онъ былъ необыкновенно худъ и истощенъ.— «Онъ жилъ, очевидно, одними нервами, и все остальное его тѣло дошло до такой степени хрупкости, при которой его могъ разрушить первый, даже небольшой толчокъ. Всего поразительнѣе была при этомъ неутомимость его умственной работы. Онъ писалъ 25 или 30 печатныхъ листовъ въ годъ, а работа, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ стала ему труднѣе». Въ началѣ 1881 года онъ заболѣлъ сильнымъ припадкомъ эмфиземы, вслѣдствіе катара легочныхъ путей, которою страдалъ послѣднія девять лѣтъ своей жизни. 26 января сдѣлалось кровотеченіе горломъ. Чувствуя приближеніе смерти, пожелалъ онъ исповѣдаться и причаститься. «Во всю свою жизнь, въ рѣшительныя минуты,—говоритъ Страховъ,—Федоръ Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе, по словамъ Анны Григорьевны, раскрывать наудачу то самое Евангеліе, которое было съ нимъ въ каторгѣ, и читать верхнія строки открывшейся страницы. Такъ поступилъ онъ и тутъ и далъ прочесть женѣ. Это было: Матѣ. гл. III, ст. 2: «Іоаннъ же удерживалъ его и говорилъ: мнѣ надобно креститься отъ Тебя, и Ты ли приходишь ко мнѣ? Но Иисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: не удерживай, ибо такъ надлежитъ намъ исполнить великую правду». Когда Анна Григорьевна прочла это, Федоръ Михайловичъ сказалъ: «ты слышишь? «не удерживай», значитъ, я умру». И закрылъ книгу. Черезъ нѣсколько часовъ онъ, дѣйствительно, умеръ мгновенно, отъ разрыва легочной артеріи.

«Великая правда», о которой думалъ онъ въ свои послѣднія минуты, была правдою всей жизни его. Должно надѣяться, что онъ исполнилъ ее въ смерти, и что она окончательно оправдала его передъ Вѣчнымъ Судомъ.

Достоевскій любилъ читать пушкинскаго «Пророка» на литературныхъ вечерахъ. Кто слышалъ его, тотъ никогда этого не забудетъ. Начиналъ онъ прерывистымъ глухимъ и тихимъ, какъ будто сдавленнымъ, голосомъ. Но среди молчанія толпы каждый звукъ былъ внятень. И голосъ его становился все громче, пріобрѣталъ силу, какъ бы сверхчеловѣческую, и послѣдній стихъ онъ уже не произносилъ, а кричалъ потрясающимъ крикомъ:

Глаголомъ жги сердца людей!

И сѣрая, жалкая, консервативно-либеральная петербургская толпа, кажется, самая холодная и будничная толпа всего міра, содрогалась отъ этого страшнаго крика, точно такъ же, должно-быть, какъ четыре вѣка назадъ толпа въ Маріи-дель-Фіоре, во время проповѣдей брата Іеронима Савонаролы. Въ это мгновеніе вдругъ чувствовалось, что Достоевскій больше, чѣмъ великій писатель, и что въ немъ горитъ тотъ огонь, о который зажигаются всемірно-историческіе религіозные пожары.

Однажды Страховъ прочелъ ему свое стихотвореніе, гдѣ былъ между прочимъ стихъ, обращенный къ современному русскимъ людямъ:

Поймите лишь, какихъ носители вы силъ!

Достоевскій воскликнулъ:

— Да, да, поймите лишь! Именно, именно только бы поняли! Да нѣтъ, не поймутъ...

«Послѣ кликовъ, рукоплесканій и вѣнковъ, которыми удостоивали его на публичныхъ чтеніяхъ,—разсказываетъ Страховъ, опять онъ говаривалъ:

«— Да, да все это хорошо, да все-таки *главнаго не понимаютъ.*

«Въ чьей-нибудь головѣ,—говоритъ самъ Достоевскій,— всегда остается нѣчто такое, чего никакъ нельзя передать другимъ людямъ, хотя бы вы исписали и цѣлые томы и растолковывали вашу мысль тридцать пять лѣтъ; всегда останется нѣчто, что ни за что не захочетъ выйти изъ-подъ вашего черепа и останется при васъ навѣки; съ тѣмъ вы и умрете, не передавъ никому, можетъ-быть, самаго *главнаго* изъ вашей идеи».

Не исполнилось ли это предчувствіе? Не умеръ ли онъ, не сказавъ намъ *главнаго* изъ того, что хотѣлъ сказать? И теперь, черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти своей, узнавъ, какъ поняли его, не имѣлъ ли бы онъ права снова воскликнуть «*главнаго* не понимаютъ», и, можетъ-быть, даже особенно *теперь*, когда слава его меркнетъ передъ все восходящею, все ослѣпительнѣе сіяющею славою великаго соперника? Но если «главное» въ Л. Толстомъ больше почувствовано, признано, то больше ли оно сознано и понято, чѣмъ въ Достоевскомъ? Во всякомъ случаѣ, кажется, Л. Толстому, а не Достоевскому принадлежитъ настоящее. А если это дѣйствительно такъ, если Л. Толстой—властелинъ настоящаго, то не принадлежитъ ли Достоевскому будущее? Я говорю это не съ тѣмъ, чтобы унизить Л. Толстого. Я думаю, что настоящее не меньше будущаго. Сегодняшнее есть уже завтрашнее, только еще не признанное, но столь же глубокое можетъ-быть, даже болѣе, потому что оно безмолвно и тайно. Я хочу лишь сказать, что мы уже предчувствуемъ третьяго, невѣдомаго, того, кто идетъ за ними, и кто больше ихъ, того, кто *соединитъ* настоящее съ будущимъ, кто сдѣлаетъ настоящее будущимъ. Не ему ли принадлежитъ вѣнецъ послѣдней побѣды? Не онъ ли сознаетъ и откроетъ *главное*, что было въ Л. Толстомъ и въ Достоевскомъ? И тогда всѣмъ станетъ ясно, что Онъ былъ въ нихъ.

«Сочиненія Пушкина, Гоголя, Тургенева, Державина,—говоритъ Л. Толстой,—...неизвѣстное, ненужное для народа...—Наша литература не прививается и не привьется народу... Сочиненія эти, столь цѣнимыя нами, остаются трухою для народа». Однажды, разговорившись съ извозчи-

комъ, на просьбу дать ему «Дѣтство и отрочество», Левъ Николаевичъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, это пустая книжка. Въ молодости я много писалъ глупостей. Я дамъ тебѣ *Ходите въ свѣтъ, пока есть свѣтъ*. Это гораздо лучше, чѣмъ *Дѣтство и отрочество*.

«Я, какъ Павелъ,—говорить Достоевскій,—меня не хвалятъ, такъ я самъ буду хвалиться». И незадолго передъ смертью, въ записной книжкѣ, подъ параграфомъ, озаглавленнымъ «Я»: «Я, конечно, народень (ибо направленіе мое истекаетъ изъ глубины христіанскаго духа народнаго), хотя и не извѣстенъ русскому народу теперешнему, но буду извѣстенъ будущему».

Несмотря, однако, на всю противоположность этихъ взглядовъ, каждый изъ нихъ правъ по-своему.

Конечно, оба они народны въ томъ смыслѣ, что продолжаютъ духъ русскаго народа въ духѣ русской культуры, стремятся къ тому, что дѣйствительно должно сдѣлаться когда-нибудь народнымъ и въ то же время всемірно культурнымъ. Стремятся, но достигаютъ ли? Кажется, они только сознали или, по крайней мѣрѣ, почувствовали до конца бездну, отдѣляющую культуру отъ народа, они хотятъ быть народомъ. Но даже Пушкинъ, гораздо меньше сознававшій эту бездну, больше—народъ, чѣмъ они. Ни Л. Толстой, ни Достоевскій не обладаютъ совершенною простотою, которая дѣлаетъ произведенія искусства, подобныя *Иліадѣ* Гомера, *Прометею* Эсхила, *Божественной Комедіи* Данте, завершающимъ выраженіемъ духа народнаго, какъ духа всемірнаго. Оба они еще слишкомъ сложны и даже слишкомъ сословны, можетъ-быть, именно потому, что слишкомъ спѣшатъ выйти изъ сословія и «опроститься». Кому нужно опроститься, тотъ еще не простъ; кто хочетъ быть народомъ, тотъ еще не народъ. А если и дальше пойдетъ такъ, какъ до сихъ поръ шло, то Пушкинъ, Л. Толстой и Достоевскій еще долго останутся «трухою для народа».

Основатель новой «секты», которая сама себя называетъ «церковью христіанъ православныхъ», бывшій каторжникъ, живущій на Сахалинѣ, крестьянинъ Тихонъ Бѣлоножкинъ

считающій себя и своими послѣдователями считае́мый за Христа, сказалъ недавно одному, такъ называемому «культурному» русскому чело́вѣку, изслѣдователю пародныхъ обычаевъ:

— Мало собираете? Понимаю... Масла вы въ лампадку набрали много. Зажгите ее, чтобъ свѣтъ былъ людямъ. А то зачѣмъ и масло?

Всѣ мы люди культуры и сознанья—не масло ли безъ огня? Народъ—люди стихійной силы и вѣры—не огонь ли безъ масла? Если масло не соединится съ огнемъ, то оно пропадетъ, и огонь потухнетъ. Мнѣ кажется, что Л. Толстой и Достоевскій—великіе предтечи того, кто опуститъ свѣтильню въ масло и зажжетъ огонь.

Таковы эти двѣ русскія жизни, эти два русскихъ лица.

Когда я смотрю на каждое изъ нихъ отдѣльно, я могу судить ихъ и сравнивать, могу отдавать преимущество одному передъ другимъ, но когда я вижу ихъ вмѣстѣ, то уже не знаю, кто изъ нихъ мнѣ ближе, и кого я больше люблю.

«Лицо у него было крестьянское,—описываетъ очевидецъ наружность Л. Толстого,—простое, деревенское, съ широкимъ носомъ, обвѣтренной кожей и густыми, нависшими бровями, изъ-подъ которыхъ зорко выглядывали маленькіе, сѣрые, острые глаза». Иногда, вдругъ вспыхивая и загораясь, глаза эти смотрятъ на собесѣдника какъ бы сверлящимъ и пронизывающимъ взоромъ. При всей простонародности лица его, прибавляетъ тотъ же очевидецъ, «во Львѣ Николаевичѣ сейчасъ же чувствовался чело́вѣкъ высшаго круга», чело́вѣкъ свѣтскій, русскій баринъ.

Замѣчательно вообще въ лицахъ великихъ людей русской культуры, на примѣръ, въ лицѣ стараго Тургенева—это соединеніе простонародности, «деревенскаго», «крестьянскаго» съ самой высшей аристократичностью, съ самымъ родовитымъ русскимъ «барствомъ» и европейскою свѣтскостью, притомъ—соединеніе, кажущееся естественнымъ, какъ будто одно другому не мѣшаетъ, а даже, напротивъ, именно тамъ, въ глубинѣ простонароднаго, и заключается нѣчто до послѣдней

степени аристократическое, не въ грубомъ, сословномъ, а въ самомъ высшемъ смыслѣ господское, властное, избранное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, утонченно-изящно-культурное — всемірное.

Въ приведенномъ описаніи наружности Л. Толстого недостаетъ одной черты: это лицо человѣка, прожившаго долгую, можетъ-быть, и бурную, но рѣдко счастливую, «благолѣпную» жизнь, согласно съ природою, лицо патріарха или стараго «язычника», исполина Немврода, дяди Ерошки. Несмотря на семидесятилѣтнія морщины, такъ и вѣетъ отъ него неувыдаемою юностью, свѣжестью и тѣмъ нѣсколько надменнымъ, безучастнымъ холодомъ, который свойственъ вообще великимъ языческимъ лицамъ.

И вотъ рядомъ—лицо Достоевскаго, даже въ молодости «не казавшееся молодымъ», со страдальческими тѣнями и складками на впалыхъ щекахъ, съ огромнымъ оголеннымъ лбомъ, на которомъ чувствуется вся ясность и величіе разума, и съ жалкими губами, точно искривленными судорогой «священной болѣзни», съ тусклымъ, какъ будто обращеннымъ внутрь, невыразимо тяжкимъ взоромъ немного косящихъ глазъ, глазъ пророка или бѣсноватаго. И что всего мучительнѣе въ этомъ лицѣ—какъ бы неподвижность въ самомъ движеніи, какъ бы въ крайнемъ усиліи вдругъ остановившееся и окаменѣвшее стремленіе.

Несмотря на всю противоположность этихъ двухъ лицъ, иногда они кажутся странно сходными—не потому ли, что и у Достоевскаго таксе же крестьянское, простонародное лицо, какъ у Л. Толстого? «Федоръ Михайловичъ,—говоритъ Страховъ,—имѣлъ видъ совершенно солдатскій, то-есть простонародныя черты лица». Но вотъ вопросъ: если намъ, людямъ культуры, лица эти кажутся въ высшей степени народными, то признаетъ ли ихъ такими же и самъ народъ? Не найдетъ ли онъ ихъ, можетъ-быть, и заключающими въ себѣ лучшее, что есть для русскаго мужика въ русскомъ «баринѣ», но все-таки чуждыми, дальними—можетъ-быть, изъ высшаго, но все-таки изъ другого міра?

Если лицо завершающаго генія есть по преимуществу *лицо народа*, то ни во Львѣ Толстомъ, ни въ Достоевскомъ мы еще не имѣемъ такого русскаго лица. Слишкомъ они еще сложны, страстны, мятежны. Въ нихъ нѣтъ послѣдней тишины и ясности, того «благообразія», котораго уже столько вѣковъ безсознательно ищетъ народъ въ своемъ собственномъ и византійскомъ искусствѣ, въ старинныхъ иконахъ своихъ святыхъ и подвижниковъ. И оба эти лица не прекрасны. Кажется, вообще у насъ еще не было прекраснаго народнаго и всемірнаго лица, такого, какъ, наприимѣръ, лицо Гомера, юноши Рафаэля, старика Леонардо. Даже внѣшній образъ Пушкина, который намъ остался—этотъ петербургскій дэнди тридцатыхъ годовъ, въ чайльдгарольдовомъ плащѣ, со скрещенными на груди по-наполеоновски руками, съ условно байроническою задумчивостью въ глазахъ, съ курчавыми волосами и толстыми чувственными губами негра или сатира, едва ли соотвѣтствуетъ внутреннему образу самаго роднаго, самаго русскаго изъ русскихъ людей. Да и есть ли это настоящее лицо Пушкина? Современники рассказываютъ, что бывали минуты, когда онъ вдругъ какъ бы весь преобразался, становился неузнаваемъ. Не совершалось ли именно въ эти минуты то чудо, о которомъ говоритъ у Платона Алкивиадъ по поводу лица Сократа: не выходилъ ли изъ грубой оболочки сатира богъ? Во всемъ существѣ Пушкина, въ его наружности, такъ же какъ въ поэзіи, есть нѣчто слишкомъ легкое, мгновенное, неуловимо скользящее, едва до земли касающееся и улетающее, что не могло быть закрѣплено во внѣшнемъ собразѣ. Не даромъ друзья называли его *Искрою*? Онъ вѣдь, дѣйствительно, не совершилъ надъ русскою культурою теченія своего, какъ свѣтило, а только блеснулъ и погасъ, какъ искра, какъ падучая звѣзда, какъ предзнаменованіе возможной, но даже имъ самимъ неосуществленной, русской гармоніи—русскаго «благообразія». И, улетаая, онъ оставилъ намъ только темную, непрозрачную оболочку свою, безъ горѣвшаго, свѣтившагося въ ней ядра, безъ внутренняго образа своего. Кто теперь снова найдетъ это истинное лицо Пушкина?

Но, можетъ-быть, именпо въ томъ, что русскій народъ до сей поры не нашель еще *лица своего*, и заключается наша великая надежда, ибо не значить ли это, что мѣра его не въ прошломъ, не въ Пушкинѣ, даже не въ Петрѣ, а все еще въ будущемъ, все еще въ невѣдомомъ, въ большемъ? Этого будущаго, третьяго и послѣдняго, окончательно «благообразнаго», окончательно русскаго и всемірнаго лица не должно ли искать именно здѣсь, между двумя величайшими современными русскими лицами—Л. Толстымъ и Достоевскимъ?

Потому-то и соединяемъ мы ихъ, что втайнѣ ждемъ: не воспыхнетъ ли между ними, какъ между двумя противоположными полюсами, искра того огня, тсй молніи, о которую зажжется великій пожаръ, и которая будетъ явленіемъ Человѣкобога для міра западнаго, Богочеловѣка для восточнаго, а для соединившихъ оба міра будетъ въ двухъ Одинъ.